Библиотека приключений

Д. Дефо

Робинзон Крузо

Издательство
Клуб семейного досуга

Робинзон Крузо
Даниэль Дефо

Аннотация
Даниэль Дефо. Робинзон Крузо
Гимн разуму и стойкости
Глава 1. Робинзон Крузо
Глава 2. Буря
Глава 3. Гвинейский купец
Глава 4. Невольник
Глава 5. Первая стоянка
Глава 6. Спасение
Глава 7. Вкус свободы
Глава 8. Кораблекрушение
Глава 9. Совершенно один
Глава 10. Между берегом и кораблем
Глава 11. Вещи нужные и ненужные
Глава 12. Коза и козленок
Глава 13. Терпение и труд
Глава 14. Дневник Робинзона
Глава 15. Мешок с зерном
Глава 16. Землетрясение. Продолжение дневника
Глава 17. Сон. Продолжение дневника
Глава 18. Первое путешествие по острову
Глава 19. Райский уголок

Глава 20. Завершение дневника
Глава 21. Клетка для попугая
Глава 22. Пугало
Глава 23. Гончарное ремесло
Глава 24. Пирога
Глава 25. Мысли о вечном и временном
Глава 26. Вторая пирога
Глава 27. Бедный, бедный Робин Крузо
Глава 28. Робинзон-фермер
Глава 29. След
Глава 30. Кости
Глава 31. Грот и его обитатель
Глава 32. Подземный тайник
Глава 33. Пушечный выстрел
Глава 34. Испанский корабль
Глава 35. Конец одиночества
Глава 36. Пятница
Глава 37. Воспитание Пятницы
Глава 38. Белые люди
Глава 39. Судостроительная верфь
Глава 40. Пятница и его отец
Глава 41. Британский корабль
Глава 42. Бунт на корабле
Глава 43. В лесах
Глава 44. Капитуляция
Глава 45. Суд губернатора

Глава 46. Старый португальский шкипер
Глава 47. Предчувствие
Глава 48. Пятница учит медведя плясать
Глава 49. Битва с волками
Заключение

Аннотация

В этой книге рассказывается о приключениях отважного моряка Робинзона Крузо, который, чудом выжив после кораблекрушения, оказался на необитаемом острове и провел там двадцать восемь лет. За это время Робинзон понял, что голод, бедность и лишения – мелочи по сравнению с вынужденным одиночеством и что лишь надежда на спасение и упорный труд помогают человеку в борьбе за выживание.

Даниэль Дефо
Робинзон Крузо

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2010

* * *

Гимн разуму и стойкости

Английский писатель Даниэль Дефо (1651–1731) прожил бурную жизнь. С ранней юности его преследовали невзгоды, но он с удивительным упорством боролся с судьбой. Этот неудачливый торговец и путешественник на рубеже XVIII века стал одним из первых профессиональных журналистов в Англии, а также издателем влиятельных газет.

Даниэль Дефо знавал взлеты и падения, был богат и беден, придворные интриги довели его до тюрьмы и позорного столба. Но он продолжал писать и печатать книги, брошюры, статьи, памфлеты и поэмы. Дефо создал более четырехсот произведений. Многие из них почти забыты, некоторые даже не сохранились, но главный труд писателя — «Жизнь и необыкновенные приключения Робинзона Крузо» — пережил его на столетия. Рассказ о молодом человеке, заброшенном на необитаемый остров и сумевшем остаться в живых, заворожил современников.

То было удивительное время — завершалась эпоха великих географических открытий. В

поисках новых торговых путей европейские купцы и мореплаватели открыли и обследовали Центральную и Южную Америку, побережье Северной Америки и Австралии, сотни больших и малых островов. Географические открытия стали причиной не только бурного развития торговых связей, но и войн между государствами, соперничавшими из-за колоний — заморских владений.

Огромный новый мир был еще далеко не исследован — географические карты того времени пестрели «белыми пятнами». Поэтому книги о путешествиях пользовались огромной популярностью.

Книга о Робинзоне Крузо — не путевые записки и не воспоминания, а литературный вымысел. Считается, что в ее основе лежит история моряка по имени Александр Селькирк, который после ссоры со своим капитаном был высажен на необитаемом острове Мас-а-Тьерра у берегов Чили, где и провел больше четырех лет. За эти годы Селькирк забыл родной язык и превратился в настоящего дикаря.

И в этом, пожалуй, главное отличие моряка от героя Дефо. За двадцать восемь лет одинокой жизни среди девственной природы Робинзон Крузо не только сохранил все качества цивилизо-

ванного человека, но и обустроил остров и обрел верного друга Пятницу.

Едва увидело свет первое издание «Приключений Робинзона», как спустя две недели появилось второе, а за ним последовали все новые и новые, несмотря на то что книга стоила пять шиллингов — на эти деньги в то время можно было купить неплохого коня. И это было только начало. С тех пор вышли сотни изданий почти на всех языках мира, миллионы людей прочитали историю, выдуманную писателем, а имя Робинзон стало нарицательным.

Даниэль Дефо поставил вопрос: как поведет себя человек, оторванный от общества, от друзей и близких, когда ему не на кого рассчитывать, кроме самого себя? А ответом послужил созданный им бессмертный образ, соединивший в себе лучшие человеческие качества — мужество, стойкость, изобретательность и способность ни при каких обстоятельствах не терять надежды.

И сегодня, четыре столетия спустя, каждый читатель невольно ставит себя на место Робинзона Крузо и задается вопросом: а смог бы и я пройти такие испытания и сохранить человеческое достоинство?

Глава 1
Робинзон Крузо

Отец мой был родом из Бремена. Нажив торговлей хорошее состояние, он перебрался в Англию, где и женился на моей матери, происходившей из почтенного семейства Робинзонов. Я родился в 1632 году в городе Йорке; мне дали имя Робинзон, фамилию же отца — Крейцнер, но, следуя обычаю англичан упрощать иностранное звучание, переделали в Крузо. У меня уже были сестры и два старших брата, судьба которых сложилась печально, хотя наш дом считался одним из самых благополучных. Старший брат дослужился до подполковника в Английском пехотном полку и

был убит под Дюнкирхеном в сражении против испанцев. Что случилось с другим, мне мало известно — я запомнил лишь его смутный образ, мелькнувший и пропавший в моем детстве.

Я был поздним ребенком моих добрых родителей, и стареющий отец постарался дать мне образование, которое можно приобрести, воспитываясь дома или посещая обычную школу. Удрученный выбором военной профессии старшего сына и беспокойным характером среднего, он очень хотел, чтобы я стал адвокатом, однако мне ничто не нравилось, кроме морских путешествий. Слишком рано я начал мечтать о дальних странствиях, и эта страсть, несмотря на просьбы моей матери одуматься и вопреки желанию моего отца, с возрастом только усилилась. Я тогда и не догадывался, куда она меня приведет.

Отец, человек рассудительный и благоразумный, в надежде повлиять на мой выбор однажды утром пригласил меня к себе в комнату и неожиданно горячо заговорил со мной. Какая причина, кроме пагубной склонности к путешествиям, понуждает меня оставить родину и отчий дом?

— Только искатели приключений, люди, стремящиеся к легкой наживе, — продолжал он, — люди, не способные к ежедневной работе,

или честолюбцы пускаются в авантюры и ищут сомнительной славы. Безрассудство не украшает человека, оно противоречит норме. Опыт моей жизни показал, что лучшее положение в свете связано с благополучием человека. В нем реже случаются болезни, телесные и душевные мучения, оно лишено роскоши и пороков; спокойствие и скромный достаток — верные спутники счастливой середины…

Я молча его слушал.

— Прекрати наконец-то ребячиться, — говорил отец. — Остепенись. Ты не нуждаешься в куске хлеба, окружен вниманием и любовью, мы все желаем тебе только добра. Однако если ты все же поступишь по-своему и не будешь счастлив, пеняй на себя, на свои ошибки — вот мое предупреждение. Если ты все-таки решишь остаться с нами и прислушаешься к моим советам, я готов сделать для тебя многое. Ведь у меня все время болит сердце при мысли о твоей гибели, принимать участие в которой я не намерен…

Мне стало искренне жаль отца; я был уже готов отказаться от своей мечты и остаться в родительском доме, но вскоре благие намерения испарились, как роса на солнце, и несколько недель спустя я решился тайком бежать!

Но сомнения не покидали меня, и однажды, заметив, что мать моя в хорошем настроении, я, уединившись с ней, шепнул:

— Матушка, желание странствий во мне настолько сильно, что я ни на чем другом не могу сосредоточиться. Для отца было бы гораздо лучше, если бы он согласился с моими планами и дал согласие на их осуществление. Он не ставил бы меня в положение неблагодарного сына. Мне восемнадцать лет и поздно уже идти в ученики к купцу или писарем к стряпчему; я уверен, что, даже если сделаю это, непременно нарушу условие, покину хозяина и сяду на первый попавшийся корабль. Если вы пожелаете замолвить за меня словечко перед отцом, чтобы он сам отпустил меня в дальнее путешествие, то я вскоре вернусь домой и больше не тронусь с места. Обещаю заслужить ваше прощение двойным прилежанием за все потерянное время.

Мать выглядела растерянной и обеспокоенной.

— Это совершенно невозможно, — воскликнула она, — твой отец никогда не пойдет тебе навстречу! Не проси, я ни за что не стану говорить с ним. И не только потому, что ты упрямишься даже после вашей беседы, но еще и по причине полного моего согласия с его взглядом на твою жизнь. Я тебя не поддерживаю и не хочу, чтобы про меня говорили, что я благословила гибельное предприятие, которое не по душе моему мужу.

Позже я узнал, что она все дословно пересказала отцу.

— Наш сын, — горестно вздохнул он в ответ, — мог быть счастливым, оставшись с нами. Если парень отправится рыскать по миру, то не только потеряет тепло родного гнезда, но вдобавок приобретет кучу бед и неприятностей. Я никогда с этим не смирюсь!

И все же я не терял надежды и постоянно отказывался от предложений заняться чем-то более существенным, чем бесплодные фантазии. Я пытался доказать своим родителям невозможность каких-либо перемен в себе. Но прошел еще год, прежде чем мне удалось вырваться из дома…

Как-то раз один мой давний приятель, плывший в Лондон из Гулля на корабле своего отца, уговорил меня отправиться с ним. Меня соблаз-

нили расхожей приманкой всех моряков: он предложил доставить меня в столицу даром. Я тут же согласился и, не спрашивая позволения родителей, не известив их даже намеком, первого сентября 1651 года взошел на борт своего первого в жизни корабля. Теперь мне кажется, что это был скверный поступок: я, словно бродяга, покинул престарелого отца и добрую мать и нарушил сыновний долг. И очень скоро мне пришлось в этом горько раскаяться!

Едва корабль вышел в открытое море, как поднялся ураганный ветер и началась сильнейшая качка. Это ошеломило такого новичка в морском деле, каким тогда был я, — у меня кружилась голова, палуба уходила из-под ног, к горлу подступала тошнота. Мне казалось, что мы вот-вот потонем. Я едва не терял сознание и настолько пал духом, что готов был уже признать, что меня поразила кара небесная. По мере того как волнение на море усиливалось, во мне зрело паническое решение: лишь только нога моя ступит на твердую землю, тотчас вернусь в родительский дом и никогда больше не сяду на корабль.

Глава 2
Буря

Однако к вечеру море успокоилось, ветер совершенно утих и мне стало гораздо лучше. С приближением ночи погода прояснилась; слегка пошатываясь, я вышел на палубу взглянуть на закат солнца: на синей глади моря кое-где уже мерцали звезды, хотя чистое небо еще не потемнело. Мои благие намерения были тут же позабыты — я возвратился в каюту и блаженно проспал всю ночь крепким сном.

Как быстро привыкаешь к морю! На следующее утро я изумленно любовался изумрудной водной гладью, которая еще недавно казалась мне зловещей. От моей морской болезни не осталось и следа, как не осталось и недавнего малодушия. Мой бывалый приятель только посмеивался над моими вчерашними страхами.

Увы, я не чувствовал никакого раскаяния, угрызений совести или страха перед будущим. Все мои обеты, данные в минуту первых потрясений, были забыты. По обычаю моряков был приготовлен пунш, и всю последующую неделю

мы с приятелем, изредка выходя насладиться чудесной погодой, провели за долгими беседами в моей каюте…

Наконец мы подошли к Ярмутскому рейду — традиционному месту сбора судов, ожидающих попутного ветра, чтобы войти в устье Темзы. Там нам предстояло пройти новое испытание. Этот рейд считался таким же безопасным, как хорошая гавань: стоило только дождаться прилива и при содействии легкого ветра подняться вверх по реке. Якорная стоянка была удобной, корабельные снасти в отменном порядке, и мы ждали лишь случая, чтобы тронуться с места. Не предчувствуя никакой опасности, все расслабились настолько, что прозевали усиление ветра.

На восьмой день нашего плавания около полудня море потемнело и вздыбилось. Все второпях принялись за работу: команде было велено ослабить стеньги, задраить люки, держать все в исправности и приготовиться к шторму. Он налетел внезапно — носовая часть корабля то и дело погружалась в волны, черпая, словно ковшом, бурлящую воду; казалось, что якорь больше не держит судно и просто скользит по дну.

Капитан распорядился бросить дополнительный якорь, и вскоре нам удалось кое-как

закрепиться. Волны бушевали все с большей яростью, я без сил лежал в матросском кубрике, мысли мои были в полном беспорядке — я считал, что все испытания позади и эта буря не будет сильнее того волнения на море, что мне довелось впервые пережить. Но когда наш обычно бодрый и уверенный капитан мимоходом заглянул ко мне и, не скрывая страха, воскликнул: «Господи, смилуйся над нами, иначе всем нам конец!» — я в панике выбежал на палубу.

Картина, открывшаяся моим глазам, была ужасной: бурлящая вода поднималась горою и без передышки обрушивалась на корабль, мокрая палуба ходила ходуном. Все вокруг скрипело и, казалось, вот-вот треснет, словно яичная скорлупа. Я вцепился в первую попавшуюся прочную перекладину и держался за нее — еще страшнее было возвращаться в каюту и оставаться там одному.

Бедствие поразило не только нас.

Корабль, стоявший в миле от нашего, уже наполовину затонул, два других, сорвавшись с якорей, были унесены в открытое море — их швыряло на волнах, как щепки. Легкие суда, стоявшие на рейде ближе к берегу и подверженные меньшим ударам стихии, уцелели, но некоторые из них

сталкивались бортами. Буря продолжалась с необыкновенной жестокостью, и ничего странного не было в том, что сквозь вой ветра и грохот волн до меня то и дело доносилась ругань матросов вперемежку со словами молитв…

Наш корабль был прочным, но тяжело нагруженным и сидел низко в воде; ближе к вечеру капитан принял решение срубить фок-мачту. Он долго колебался, пока боцман не сказал ему, что без этого судно непременно пойдет ко дну. Едва успели свалить за борт переднюю мачту, как зашаталась средняя, и качка корабля до того усилилась, что пришлось немедленно срубить и эту. Я так утомился, помогая матросам, что мне уже было безразлично, уцелеем мы или нет. Рухнув на койку в своей каюте, я мгновенно уснул.

Посреди ночи меня разбудили громкие крики. «Скорее к насосам!» — услышал я и обмер в испуге. Дверь каюты распахнулась, один из матросов закричал, что открылась течь и воды в трюме уже на четыре фута, и мне ничего не оставалось, как вскочить и броситься откачивать воду вместе с ними. Капитан тем временем велел стрелять из пушки, чтобы привлечь к нашей беде внимание экипажей находившихся поблизости мелких суденышек, перевозивших уголь.

Мы трудились от души, но трюм все больше заполнялся соленой водой. Казалось, что наш корабль пойдет-таки ко дну, и хотя буря начинала немного стихать, трудно было надеяться, что мы сумеем добраться до гавани. Поэтому капитан продолжал пальбу из пушки, призывая на помощь. Наконец на небольшом судне решились спустить шлюпку; с большим трудом наши спасители приблизились к нам. Матросы бросили гребцам веревку, мы подтянули шлюпку к борту корабля и перебрались в нее. Теперь нам ничего не оставалось, как изо всех сил грести к берегу, преодолевая все еще бушующие волны. Через четверть часа после того, как мы оказались в шлюпке, наш корабль затонул. Я видел это собственными глазами и должен честно признаться, что не почувствовал ничего, кроме ужаса, отвращения и страха перед будущим.

Вскоре я заметил огромную толпу, собравшуюся в гавани и глазевшую на нас, а затем под радостные и одобрительные возгласы наша шлюпка наконец-то достигла долгожданного берега.

Глава 3
Гвинейский купец

Нас встретили с теплым участием, как людей, которых постигла большая беда. Городской магистрат выделил нам помещение для жилья, а купцы и судовладельцы собрали достаточно средств, чтобы мы хотя бы первое время ни в чем не нуждались.

Почему я не одумался и сразу не возвратился в родительский дом — у меня по сей день нет ответа на этот вопрос. Наверняка я был бы счастлив, а батюшка мой, как в евангельской притче о блудном сыне, на радостях заколол бы упитанного тельца, поскольку весть о гибели нашего корабля в Ярмутской гавани дошла до него гораздо раньше, чем известие о том, что я остался жив.

Но упрямая и насмешливая судьба будто толкала меня в спину, лишая возможности поступить разумно. Жестокий урок ничему меня не научил.

Даже приятель, сманивший меня в первое мое морское путешествие, присмирел. Он уже никуда не рвался и уныло поджидал своего отца-судовладельца, чтобы поведать ему о подробностях

гибели корабля. Где-то на третий день мы встретились и приятель представил меня своему отцу. Он сообщил, кто я такой, и заметил, что мое присутствие на борту корабля было всего лишь подготовкой к моим планам увидеть весь мир. Задумчиво взглянув на меня, судовладелец поинтересовался:

— Зачем вам это нужно, молодой человек?

Я горячо и бессвязно начал объяснять, однако он перебил меня возгласом:

— Я советую никогда не повторять ваш опыт! То, что с вами произошло, доказывает, что вам не суждено стать мореплавателем.

— Почему вы так думаете, сэр? — возразил я. — Разве вы не переживали крушений и после этого не садились снова на корабль?

— Это другое, — сказал он. — Я в этом деле всю жизнь, а ваша первая попытка закончилась плачевно. Учитесь читать знаки свыше и прислушиваться к голосу разума. Будь я капитаном, я ни в коем случае не взял бы вас в свою команду… Возвращайтесь домой, Робинзон! Ваш батюшка прав. Не испытывайте больше судьбу, иначе вас будут преследовать только беды и неудачи…

Мне нечего было возразить ему, но мы тепло простились, и больше я их не встречал — ни

судовладельца, ни его сына. В моем кошельке оставалось немного монет, и я отправился в Лондон по суше. В пути я размышлял о том, что же мне предпринять в дальнейшем: вернуться домой или снова пуститься в странствия? Чашу весов перевесило упрямое безрассудство; кроме того, стыд заглушал самые разумные доводы в пользу возвращения: я боялся насмешек отца. В молодости люди часто не стыдятся своих проступков — им гораздо тяжелее пережить раскаяние…

Мало-помалу воспоминания о перенесенных бедствиях изгладились из моей памяти, страсть к перемене мест вспыхнула с новой силой, и меня снова потянуло в дорогу. Профессии я не имел, ловкостью и хитростью, которые необходимы для торговли, не обладал, а в море, путешествуя пассажиром, не успел обучиться матросскому ремеслу, хоть и был по природе своей физически крепким и наблюдательным человеком. Беспокойный демон, который подбил меня покинуть отчий дом, все чаще нашептывал мне на ухо сумасбродную идею обрести легкое и скорое богатство.

Вскоре я познакомился с одним симпатичным капитаном корабля, который недавно вернулся из Гвинеи после удачного рейса. Ему нравились

мое общество и моя молодая горячность; узнав, что я мечтаю повидать мир, капитан сделал мне предложение отправиться с ним по тому же маршруту.

— Вам это, — заявил он, — ничего не будет стоить. Кроме того, вы можете даже разбогатеть, занявшись торговлей, а у меня будет приятный собеседник и товарищ в путешествии…

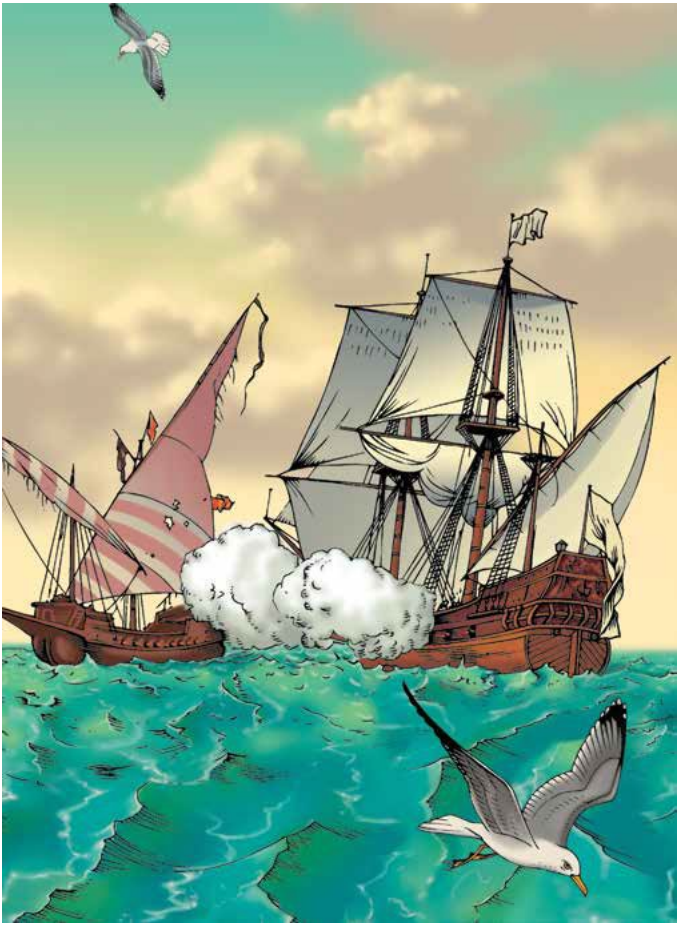
Я не раздумывая принял его предложение и через некоторое время поднялся на корабль, отправлявшийся к берегам Африки. С собой я вез небольшой груз мелких товаров. На них, по совету моего нового знакомого, я потратил сорок фунтов стерлингов, и впоследствии эти товары принесли мне значительную прибыль.

Из всех приключений, выпавших на мою долю, только это плавание закончилось удачно, чему я был обязан порядочности и доброму сердцу капитана, который стал мне близким другом. Именно от него и под его руководством я приобрел некоторые сведения из навигации и практического мореходства, научился вести корабельный журнал, наблюдать за погодой и вообще узнал многое из того, что необходимо знать моряку. Кроме того, это путешествие сделало из меня купца. Я выручил за свой товар пять фунтов и девять

унций золотого песка, который по возвращении в Лондон продал за триста фунтов стерлингов. Несмотря на то что я переболел жесточайшей тропической лихорадкой, подхваченной на африканском побережье, удачная сделка подстегнула мое воображение и положила начало моим новым злоключениям.

К несчастью, капитан, мой верный товарищ, в скором времени умер, и мне ничего не оставалось, как самостоятельно продолжать торговлю в Гвинее. Я отплыл из Англии на том же корабле, прихватив с собой сотню фунтов стерлингов, а то, что осталось из денег, попросил сохранить вдову моего умершего друга. Мы простились, даже не предполагая, насколько долгим и бедственным окажется мое второе торговое плавание.

Началось с того, что однажды на рассвете наше судно, державшее курс к Канарским островам, было атаковано парусником мавританских пиратов. Чтобы уйти от погони пиратов, мы мчались на всех парусах, однако удача была на стороне разбойников. Расстояние между нами стремительно сокращалось, и мы приготовились к бою.



Догнав наш корабль около трех часов пополудни, пираты совершили ошибочный маневр и подошли к нам со стороны борта; мы сразу же ударили по паруснику залпом из всех пушек, что заставило пиратов поменять курс и ответить не только пушками, но и частой ружейной пальбой. Никто из нас не пострадал, но перевес в численности и вооружении сыграл пиратам на руку — им удалось взять наше судно на абордаж. Вскоре полсотни разбойников перебрались на палубу корабля и первым делом начали рубить снасти. Невзирая на наше сопротивление, корабль был разгромлен, трое матросов убиты, а восемь ранены, остальные взяты в плен и отправлены в Сале, морской порт на побережье Марокко, принадлежавший маврам.

Моя участь оказалась не такой горькой, как у остальных. Меня не продали в рабство и не увели вглубь страны; главарь пиратов оставил меня при себе, так как я показался ему сообразительным, ловким в работе, знал грамоту и мог ему пригодиться.

Глава 4
Невольник

Внезапная перемена обстоятельств, превратившая меня из свободного человека в жалкого раба, была потрясающей — пророчество отца сбывалось. Мой хозяин поселил меня в своем доме; я надеялся, что он снова выйдет в море, заберет меня с собой, что рано или поздно будет разбит испанцами или португальцами, попадет в плен, — и тогда я получу долгожданную свободу. Но эта надежда вскоре растаяла. Уходя в плавание, пират приказывал мне присматривать за домом, ухаживать за садом и выполнять всю черную работу, которую обычно поручают слугам. Своих правил он не менял; кроме того, по его возвращении из походов мне часто приходилось ночевать на корабле и наводить там порядок…

В течение двух лет этого рабского существования не было и дня, чтобы я не мечтал о побеге. Однако рядом со мной не оказалось никого, кто смог бы помочь мне в этом, — ни одного товарища по несчастью.

Случай вырваться из плена представился со-

вершенно неожиданно. Мой хозяин, отложив на время свой разбойничий промысел, дольше обыкновенного находился дома и не снаряжал свой корабль, ибо ожидал каких-то важных гостей. Подобное бывало и раньше, и в такие дни, если погода устанавливалась надолго, он отправлялся ловить рыбу и обычно в качестве гребцов брал с собой меня и какого-нибудь молодого крепкого слугу-мавра. Для этой цели служил небольшой баркас, оснащенный всем необходимым, включая парус, компас и запас всевозможной провизии. После того как мы однажды очутились в густом тумане и почти сутки не могли пристать к берегу, хозяин приказал корабельному плотнику соорудить на баркасе еще и небольшую каюту — наподобие тех, что бывают на баржах. Поскольку в этих походах я тоже был вынужден заниматься рыбной ловлей и со временем стал ловким рыбаком, порой он посылал меня порыбачить в море — разумеется, не одного, а под присмотром парочки верных глазастых слуг.

В тот день, едва прибыли гости, хозяин велел мне готовиться к утренней рыбалке с особенным старанием: все вымыть и вычистить, погрузить достаточное количество продуктов и питья, про-

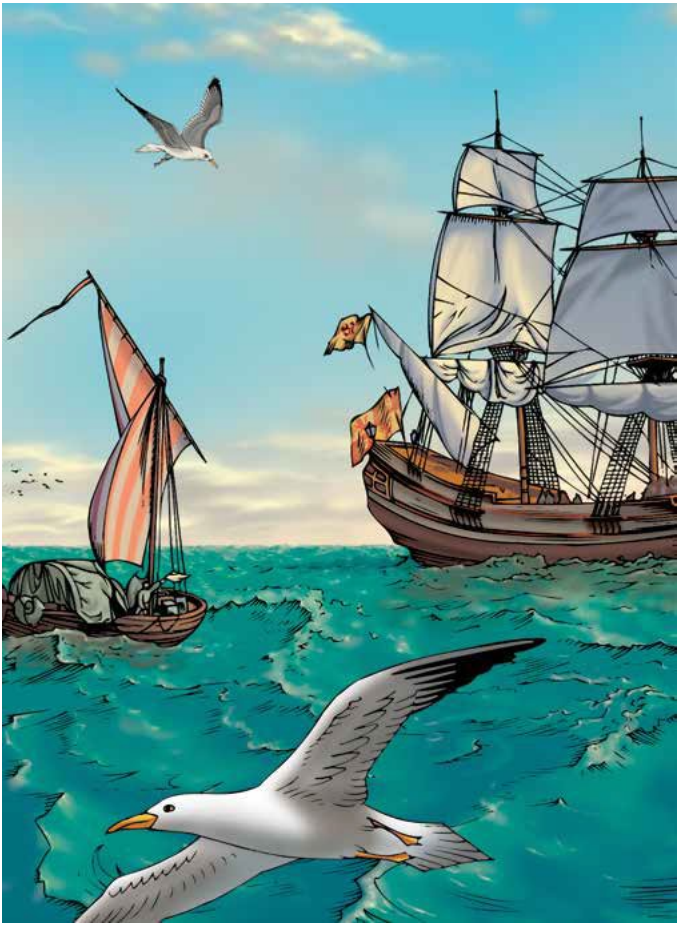
верить снаряжение и даже снести на баркас три ружья, порох и дробь, чтобы его приятели могли ради забавы пострелять морских птиц. Я выполнил поручение и, усталый, завалился спать в каюте. Каково же было мое удивление, когда ранним утром пират отменил поездку и послал нас троих — меня, мальчика-раба по имени Ксури и одного из слуг — в море за свежей рыбой к обеду.

Мысль о побеге мелькнула в моей голове со скоростью молнии. Озабоченный чем-то хозяин поспешно вернулся в дом, а в моем распоряжении оказалось довольно крепкое судно, на котором можно было вырваться из плена. Я стал готовиться… Прежде всего я убедил слугу, что нам не дозволено пользоваться хозяйским угощением и дорогими винами, поэтому нужно взять с собой немного простой еды и запастись пресной водой. Мавр согласился со мной, и, пока он хлопотал, я добавил к нашим запасам большой кусок воска, моток бечевки, топор, пилу и молоток. Не забыл я и кое-какую теплую одежду.

Вскоре все было готово, и мы втроем благополучно вышли в море, миновав сторожевую башню у входа в порт. На нас никто не обратил ни малейшего внимания, так как это было не впервые. В миле от берега, убрав парус, мы ста-

ли готовиться к рыбной ловле. Я надеялся, что северо-восточный ветер скоро сменится южным, который поможет мне добраться до испанской части побережья или хотя бы до Кадисского залива; но откуда бы ни дул ветер, я твердо решил обрести долгожданную свободу, а там будь что будет!

Порыбачив некоторое время и нарочно ничего не поймав, я предложил сменить место. Мы удалились еще на пару миль от берега и легли в дрейф. Ксури находился в каюте, а другой мой спутник — на носу баркаса. Позвав мальчика, я передал ему штурвал, подошел к мавру, будто выбирая нужное место для ловли, наклонился к воде, выпрямился и неожиданно с силой толкнул слугу за борт. Мавр мгновенно, словно пробка, вынырнул и попытался вскарабкаться обратно.



— И не вздумай! — крикнул я. — Ты отлично держишься на воде, море сегодня спокойное, плыви к берегу, иначе я пристрелю тебя, как бешеную собаку!

Нас относило течением, расстояние между шлюпкой и мавром увеличивалось все больше, но я не сомневался в том, что он благополучно доберется до родного берега и своего господина.

Я обернулся к мальчику, в испуге бросившему штурвал, и проговорил:

— Ксури, перестань дрожать! Если ты будешь мне предан, я не обижу тебя и не оставлю на произвол судьбы. Поклянись!

Скрепленные клятвой верности, мы двинулись вдоль африканского побережья, удаляясь от владений марокканского султана.

Пока мавр не скрылся с наших глаз, я держал курс прямо в открытое море. Делал я это для того, чтобы в случае погони наш хозяин решил, что мы направляемся в сторону Гибралтарского пролива. Но как только стемнело, мы повернули на юго-восток. Тихое море и довольно свежий ветерок помогали нам.

На другой день в три часа пополудни показалась земля.

Глава 5
Первая стоянка

Берег выглядел пустынным и необитаемым — я не увидел там ни построек, ни людей. Однако я так боялся снова попасть в руки мавров, что в течение пяти дней мы медленно продвигались вдоль него, не решаясь высадиться.

Когда ветер вдруг повернул на юг и стало понятно, что погони больше не будет, я наконец-то решился подойти к берегу, потому что запасы питьевой воды у нас были на исходе. Под вечер мы вошли в небольшую бухту, чтобы с наступлением темноты вплавь добраться до земли и осмотреться. Я бросил якорь в устье речки, но что это была за речонка, в какой стране она протекала, на какой широте и что за народ обитал на ее берегах, до сих пор не имею понятия.

Как только стемнело, мы услышали с берега такой неистовый рык, лай и визг диких зверей, что бедный Ксури, перепугавшись до смерти, стал умолять меня отложить разведку до утра. Всю ночь мы простояли на якоре без сна, затаившись; только раз, когда рядом с баркасом забурлила

вода и раздалось шумное фырканье, я, чтобы отпугнуть неведомого зверя, выстрелил из ружья в воздух. Какой адский переполох поднялся на берегу! Я окончательно понял, что даже днем нечего и помышлять о высадке на берег — судя по всему, мы пристали к совершенно дикому месту и, кроме опасных животных, вокруг никого нет…

Как только взошло солнце и стал виден опустевший берег, мы решили перекусить и обдумать дальнейшие планы. Воды у нас не осталось ни капли, и я откупорил бутылку вина из пиратских запасов. Ксури, который довольно сносно изъяснялся по-английски, глядя на мое озабоченное лицо, вдруг сам предложил отправиться на берег с кувшином и раздобыть пресной воды. Мальчик был уверен, что ему удастся найти родник, а звери, сказал он, давно попрятались кто куда.

— Почему же ты, а не я? — спросил я его.

— Если зверь съест меня там или плохой чернокожий убьет, ты будешь знать и успеешь уплыть отсюда, — с чувством произнес мальчик.

Его ответ поразил меня в самое сердце.

— Вот что, дорогой мой Ксури, — сказал я. — Давай-ка угощайся вином, сладостями и сухарями. А потом вместе отправимся на берег и захватим с собой оружие. Тогда никто не обидит ни тебя,

ни меня…

Подведя баркас вплотную к берегу, мы благополучно выбрались на сушу, имея при себе лишь заряженные ружья и кувшины для воды. Ксури, увидев покрытую зеленью низину, бодро направился туда, а я остался, чтобы не терять из виду наш баркас. Однако я был настороже, опасаясь внезапного появления туземцев или нападения зверя.

Внезапно до моих ушей донесся звук выстрела, и спустя несколько мгновений я увидел, что мальчик возвращается. Он торопился и возбужденно махал мне рукой; за плечами у него, помимо ружья, что-то болталось, а кувшинов при нем не было. Я бросился навстречу с мыслью, что Ксури столкнулся с опасностью и спасается бегством, но, приблизившись, облегченно вздохнул — лицо мальчишки сияло. Он не только нашел родник, но и подстрелил упитанного кролика; берег оказался совершенно пустынным. Мы наполнили спрятанные в зарослях кувшины холодной и чистой пресной водой, вернулись на наш баркас и вышли из устья реки в открытое море.

То, что эта часть африканского побережья не заселена людьми, успокаивало, но я не представлял себе, где мы находимся и на какое расстояние

удалились от мавританских владений.

Я предполагал, что острова Зеленого Мыса, принадлежавшие Португалии, недалеко отсюда, однако без карты и навигационных приборов мне оставалось только гадать, как к ним добраться. Признаться, во мне теплилась надежда только на то, что, плывя вдоль побережья, рано или поздно мы все-таки встретим какое-нибудь торговое судно…

По моим расчетам сейчас мы находились вблизи той части побережья, которая тянется между владениями марокканского султана и землями негров. Это были дикие, необжитые места с бесплодной почвой; негры, притесняемые маврами, перебрались южнее, а сами мавры там только изредка охотились. Неудивительно, что на протяжении целой сотни миль мы с Ксури плыли вдоль пустынного берега… Однажды мне почудилось, что я вижу Тенерифский пик — горную вершину на Канарских островах, но это, вероятно, был мираж, а может, мое разгоряченное воображение приняло желаемое за действительное.

Пару раз нам пришлось пристать к берегу для пополнения запасов питьевой воды и провианта, которые стремительно таяли. Во время одной из таких вылазок я подстрелил льва, неожиданно

напавшего на нас, и мы с трудом его освежевали — добыча была знатная, но совершенно несъедобная. Шкуру зверя мы растянули на крыше каюты, солнце ее как следует высушило и выдубило; впоследствии она служила мне постелью.

Еще дней десять мы двигались в южном направлении, стараясь как можно бережнее расходовать воду и продукты. Я надеялся добраться до границ Гамбии или Сенегала и приблизиться к тому месту, где проходят все европейские суда, куда бы они ни направлялись — к берегам Гвинеи, в Бразилию или в Ост-Индию. У нас не было другого выхода, кроме как умереть от голода и жажды, погибнуть от рук дикарей — или продолжать жить надеждой.

Глава 6
Спасение

В один из жарких солнечных дней я неожиданно заметил, что побережье обитаемо. На берегу появились признаки присутствия людей, но главное — за нашим передвижением исподтишка следили. Наконец на берегу появились черные как смоль и совершенно голые африканцы. К счастью, они не были вооружены, и лишь некоторые из них размахивали копьями; дикари столпились у самой кромки воды, когда я повернул лодку в их сторону. Ксури запаниковал, однако я убедил его, что туземцы не причинят нам никакого вреда.

Так оно и случилось.

Приблизившись и спустив парус, но не выходя на сушу, я попытался знаками объяснить чернокожим, что мы нуждаемся в еде. Дикари меня поняли, и уже через короткое время на песке лежали вяленое мясо, зерно, лепешки и целая груда фруктов. Тем не менее мы не решались покинуть баркас, опасаясь ловушки. Через какое-то время я с облегчением понял, что они нас тоже боятся. Как можно добродушнее улыбаясь, я убедил их

отойти на безопасное расстояние от воды, чтобы мы могли спокойно забрать их щедрые дары. Дикари так и поступили, но вскоре стало ясно, что за один поход нам не управиться и не перенести весь провиант в лодку.

Пришлось нам еще раз высаживаться на берег.

Африканцы уже совершенно не опасались нас и миролюбиво поглядывали в сторону баркаса, и я решил выразить свою благодарность хотя бы дружественным прощальным жестом. Но едва я приложил обе руки к груди и поклонился, как раздались отчаянные крики. Прямо на дикарей неслись два леопарда, и вся толпа мигом бросилась врассыпную. Самые отчаянные помчались в сторону моря, а некоторые притаились за деревьями.

Однако и хищники — то ли играя, то ли не поделив добычу, — вели себя странно. Они рычали и прыгали, а затем один из них бросился в воду и поплыл прямо к нашей лодке. Не зная, что за этим последует, я велел Ксури побыстрее зарядить еще пару ружей, а свое держал наготове. Недавний случай со львом сослужил мне хорошую службу. Без всякого волнения прицелившись, я спустил курок и с первого же раза попал леопарду прямо в голову. Грохот выстрела отпугнул другого хищ-

ника, который поспешно скрылся за дальним кустарником.

Смертельно раненный зверь вынырнул на поверхность и из последних сил повернул к берегу. Ему оставалось проплыть какую-нибудь пару ярдов, когда он погрузился в воду, окрасив ее своей кровью.

Мы подогнали баркас поближе, чтобы удостовериться, что леопард мертв, а оглушенные выстрелом и пораженные происходящим чернокожие не решались даже пошевелиться. Только один дикарь с копьем наперевес осторожно сделал несколько шагов в сторону зверя, затем внимательно взглянул на ружье в моих руках и что-то гортанно прокричал, обращаясь к соплеменникам. Негр указывал то на меня, то на убитого хищника, то принимался энергичными жестами звать сородичей. Из этого я понял, что дикарь совсем не прочь завладеть леопардом.

Одному ему оказалось не под силу вытащить из воды крупного зверя, а остальные, почтительно глядя на нас, по-прежнему не двигались с места. Тогда я, призвав Ксури на помощь, нырнул в воду и, обмотав веревку вокруг шеи леопарда, другой конец кинул на берег. Чернокожий охотник крепко схватился за нее, и только тогда к нему

бросились те негры, которые находились поближе. Затем к ним присоединились и остальные. Мне ничего не оставалось, как наблюдать за их слаженными действиями и обсыхать на палубе баркаса.

Дикари мигом поняли, что леопард им подарен, и с восторженно-благодарными воплями усердно принялись за работу. Заостренными камнями они так ловко сняли шкуру и разделали тушу зверя, как не смог бы сделать даже лондонский мясник, вооруженный стальным ножом. Затем знаками нам предложили часть добычи, но я отказался принять дар. Вместо этого я указал на пустой кувшин для воды и попросил оставить нам шкуру леопарда. Ее доставили тотчас, а заодно воду и целый запас местной стряпни, которую принесли из селения две молодые темнокожие женщины. Погрузив все на баркас, мы отплыли, сердечно распрощавшись с гостеприимными туземцами…

Нам сопутствовала отличная погода, и в течение двух недель мы шли в прежнем направлении, не приближаясь к побережью. Наконец показалась узкая полоса суши, далеко выступающая в море. Я решил обогнуть ее и в тот момент, когда баркас поравнялся с оконечностью косы, вдруг

увидел вдали гряду мелких островов или даже рифов. Они были еще далеко, но в случае перемены ветра представляли большую опасность. Во мне затеплилась надежда, что это острова Зеленого Мыса. Я спустился в каюту, чтобы взять компас, но тут раздался крик Ксури: «Хозяин, бегите скорее сюда! Корабль! Я вижу паруса!»

Поначалу мальчик испугался, решив, что видит пиратское судно, посланное за нами в погоню. Я стремглав выскочил на палубу и тут же успокоил его, сказав, что мы уже слишком далеко от мавров, а этот большой корабль, скорее всего, плывет из Европы к берегам Гвинеи.

Но, присмотревшись, я понял, что корабль движется в совершенно противоположном направлении. Тогда я решил выйти в открытое море и попытаться на всех парусах догнать неизвестных мореплавателей.

К сожалению, расстояние между баркасом и далеким кораблем уменьшалось так медленно, что я вскоре отчаялся. Лишь после длительных и неимоверно тяжких усилий придать громоздкой посудине больше хода нас наконец-то заметили. Корабль убавил парусов: там, очевидно, рассматривали в подзорную трубу наш неповоротливый баркас. Мы воспрянули духом. Я стал стрелять

из ружья, а Ксури поднял на флагшток вымпел в знак того, что мы терпим бедствие. Он нашел его в каюте среди вещей своего бывшего хозяина-пирата.

Это сработало: судно легло в дрейф, давая возможность баркасу приблизиться.

Спустя три часа мы наконец-то поднялись на его палубу.

Это был португальский корабль, плывший в Бразилию; мне начали задавать вопросы на разных языках, пока среди команды не нашелся матрос-шотландец, которому я объяснил, кто мы такие и что с нами случилось. Капитан корабля был занят, но когда позже нас отвели к нему и я со всеми подробностями поведал о нашем побеге и морских скитаниях, этот добросердечный человек принял самое живое участие в нашей судьбе.

Я был буквально на седьмом небе от того, что наконец-то обрел долгожданную свободу, и в благодарность за избавление от невзгод предложил капитану все, что имел. Он с упреком взглянул на меня и заявил, что ему ничего не нужно и что я получу все свое имущество в целости, как только мы достигнем берегов Бразилии. «Я оказываю вам услугу без всякой корысти, — проговорил капитан, — потому что хотел бы, чтобы так же по-

ступили и со мной, если я когда-нибудь окажусь на вашем месте. А на море такое всегда может приключиться. Вам ведь придется возвращаться на родину, а это неблизкий путь. К тому же на первое время вам понадобятся средства к существованию…»

Этот человек оказался джентльменом не только на словах, но и на деле. Он распорядился произвести опись вещей на баркасе, взятом на буксир, и сохранить каждую вещь, чтобы я мог получить все обратно — вплоть до простых глиняных кувшинов. Что же касается самого баркаса, то, одобрив его состояние, капитан сказал, что не прочь купить это судно, и спросил цену. Я ответил, что отдаю ему баркас задаром, однако он воспротивился и написал расписку, согласно которой брал обязательство расплатиться со мной в Бразилии серебром, если я не найду лучшего покупателя. Кроме того, он предложил мне пятьсот реалов за Ксури. Но я не хотел продавать мальчика, который был так предан мне, и чистосердечно сказал об этом капитану. Тот согласился, что мои соображения справедливы, но посоветовал все же принять его предложение и обещал, что, если мальчик, достигнув совершеннолетия, примет христианство, он даст ему вольную. Это меня

устраивало, а позднее оказалось, что Ксури и сам не прочь перейти в услужение капитану.

Наше плавание, продолжавшееся двадцать два дня, завершилось вполне благополучно, и ранним солнечным утром мы вошли в бухту Всех Святых, где на берегу располагался торговый город Баия, иначе Салвадор[1], — столица Бразилии и центр португальской колонии.

Мне предстояло решить, как жить дальше.

---

[1] Сноски: 1

Салвадор, основанный в 1549 году, был столицей Бразилии до 1763 года. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

Глава 7
Вкус свободы

Никогда мне не забыть, как великодушно отнесся ко мне капитан португальского корабля. Он наотрез отказался от платы за мое пребывание на судне и вернул все до единой вещи, принадлежавшие мне. Кроме того, не считая баркаса, он купил у меня за шестьдесят дукатов обе звериные шкуры, два ружья, остаток воска и заплатил за ящик с винами и ликерами. Таким образом, я ступил на гостеприимную землю Бразилии, владея небольшим капиталом, которым надеялся разумно распорядиться.

У меня была возможность сразу вернуться домой, но я решил попробовать себя в каком-нибудь деле, чтобы разбогатеть и не являться к отцу и матери с пустыми руками.

Капитан-португалец, единственный мой здешний знакомый, однажды пригласил меня на обед к своему близкому приятелю. Это был обеспеченный человек, владелец завода по переработке сахарного тростника и примыкавшей к нему огромной плантации. Позже я стал часто наве-

дываться к нему и расспрашивать о тонкостях сахарного производства. Увидев, как недурно живется плантаторам, я начал хлопотать о разрешении поселиться в Бразилии и приобрести здесь землю. Одновременно я раздумывал над тем, как получить из Англии деньги, хранившиеся у вдовы моего друга.

Разрешение было получено, и я, истратив большую часть своего капитала, приобрел участок невозделанной земли. Можно было начинать строительство усадьбы, устройство плантации и закупать все, что необходимо в земледелии и домашнем хозяйстве.

Тем временем португальский корабль, спасший нас с Ксури, снова готовился отплыть в Европу, и я поручил капитану все мои хлопоты в Англии. Я написал вдове письмо, где поведал о своих приключениях: неволе, бегстве, чудесном спасении и настоящем моем положении. В письме содержалась просьба распорядиться моими деньгами, полностью доверившись капитану-португальцу, следующим образом: приобрести на сто фунтов те инструменты и орудия, которые понадобятся мне для дела, и накупить как можно больше разнообразных английских товаров, которые высоко ценились в здешних краях и могли

быть проданы с большой прибылью. Остаток капитала я просил добрую женщину хранить у себя, как она любезно делала это и раньше.

Капитан в точности выполнил мое поручение: прибыв в Лиссабон, он связался с вдовой через английских купцов. Получив мое подробное письмо, она с готовностью исполнила не только все, о чем я просил, но и передала капитану в благодарность за мое спасение довольно внушительную сумму. Этими деньгами капитан распорядился по-своему, что было неожиданно для меня, но при этом очень разумно: он нанял в Португалии человека, который впоследствии стал моей правой рукой, так как отлично разбирался в выращивании и обработке сахарного тростника. Контракт с ним был заключен на шесть лет.

Как только мой груз прибыл в Бразилию, я, горячо обняв капитана, с воодушевлением принялся за работу. Отныне я мог считать свое будущее вполне обеспеченным.

Моим соседом по земельному участку оказался португальский плантатор, семья которого была родом из Англии. Звали его Уэлс, он с детства владел английским языком, что помогло нам сойтись. Свою плантацию Уэлс заложил совсем

недавно, и это нас еще больше сблизило. У него, как и у меня, оборотный капитал был невелик, поэтому первое время дело продвигалось туго. Однако благодаря тому, что оба мы трудились не покладая рук, приумножали свое состояние и снова пускали его в производство сахара, наши капиталы росли и мы мало-помалу разбогатели. Неоценимую помощь мне оказывал мой подручный-португалец, но и Уэлс, и я остро нуждались в рабочих руках. С большой прибылью продав товары, доставленные мне капитаном из Англии, я был вынужден купить негра-невольника и нанял еще одного работника-европейца, бывшего матроса. На третий год моей жизни в Бразилии часть принадлежавшей мне земли была уже засажена табаком, остальная — бóльшая ее часть — была отведена под сахарный тростник; кроме того, я закончил постройку небольшого, но удобного дома.

У меня была крыша над головой, приятные знакомства, добрые товарищи и соседи, я уже свободно говорил на местном наречии и был далеко не беден. Но до чего же безотрадно и одиноко я себя чувствовал! Я сам ввязался в дело, к которому моя душа совсем не была расположена. И ради этого, думал я, стоило забираться за тыся-

чи миль от родного дома? Я часто говорил себе, что мог бы с успехом заниматься тем же и в Англии, живя в кругу семьи и друзей. А теперь мне ничего не оставалось, как продолжать начатое и упорно — своими же руками! — строить для себя золотую клетку. Я стал частью зажиточного среднего класса и вел то самое добропорядочное существование, к которому призывал меня отец. Кажется, его мечты сбывались, но Господь не дал мне благоразумия, как ни старался…

Говорят, богатство не спасает от несчастья. Так случилось и со мной. Я усердно продолжал заниматься своей плантацией и уже в следующем году опередил своего соседа. У меня было множество разнообразных дел и занятий, а еще больше проектов. При моих все еще скромных финансовых средствах, к тому же находившихся в обороте, большинство из проектов оставались несбыточными. Я стремился как можно быстрее разбогатеть, чтобы, бросив все, хоть ненадолго отправиться в плавание. Но просто сопровождать в Европу тюки с табаком меня не устраивало; все мои беды происходили от нетерпения и упрямства, с которым я по-прежнему рвался к быстрому осуществлению своих желаний. Изнурительный зуд бродяжничества снова не давал мне покоя.

Через четыре года произошли события, перевернувшие всю мою судьбу и начисто лишившие меня спокойного существования. На мою голову обрушилось немыслимое количество бед и трудностей, с какими не сталкивался ни один человек и из которых, казалось, невозможно выйти живым и здоровым.

Однажды в большой компании знакомых плантаторов и торговцев я вдруг пустился в воспоминания о своих странствиях у берегов Гвинеи. Мы ужинали у меня в доме, и за стаканом пунша в оживленной беседе я поделился секретом скорого и легкого обогащения.

— Только и требуется, — сказал я, — что снарядить корабль, нагрузить его безделушками: бусами, тканями, игрушками и стекляшками, добавить ножей, топоров и прочего. Затем можно приступать к торговле; за всю эту чепуху можно приобрести не только золотой песок и слоновую кость, но даже и чернокожих невольников…

Каково же было мое удивление, когда через несколько дней слуга неожиданно сообщил, что меня хотят видеть какие-то господа, несмотря на то что я никого не ждал в то утро.

Трое прилично одетых мужчин оказались моими недавними гостями. Я пригласил их пройти

в кабинет и осведомился, какова цель визита. В ответ я услышал, что, заинтересовавшись моим рассказом, они намерены снарядить корабль к африканскому побережью и предлагают мне войти в долю в этом предприятии. Разумеется, все должно оставаться в тайне. Ведь у них, как и у меня, есть плантации, где остро не хватает рабочих рук, поэтому следует ограничиться одним-единственным рейсом, поскольку торговля невольниками связана с большими опасностями и в самой Бразилии запрещена. Если я дам согласие, отправлюсь в экспедицию и возьму на себя закупку чернокожих в Гвинее, то получу равное с остальными компаньонами количество рабов, при этом не вкладывая ни гроша в оснащение корабля и приобретение нужного товара.

Предложение выглядело весьма заманчивым и одновременно крайне рискованным. Я даже не говорю о работорговле, к которой я всегда относился с отвращением. Мои утренние гости, насколько я знал, были начинающими плантаторами, тогда как сам я уже имел прочное положение, стабильный доход и состояние в несколько тысяч фунтов стерлингов. Поэтому участие в таком предприятии выглядело бы с моей стороны полным безрассудством. Я мог

потерять все и лишиться доброго имени.

Но, видно, на роду мне было написано стать причиной собственной погибели. Я не находил в себе сил отказаться от искушения еще раз почувствовать вкус свободы.

Глава 8
Кораблекрушение

Одним словом, я согласился.

Мы обсудили все детали экспедиции. Главным моим условием было то, чтобы надежный человек из их круга, желательно адвокат, в мое отсутствие взялся присматривать за плантацией и домом. Кроме того, я просил их в точности выполнить некоторые мои распоряжения в случае непредвиденных обстоятельств или моей гибели.

Вскоре подходящий адвокат нашелся и я подписал все бумаги, включая завещание, согласно которому распорядителем моего состояния становился капитан португальского корабля, спасший мне жизнь. В случае моей смерти к нему переходили все мое имущество и земля, он же брал на себя обязательство выполнить мою волю: половину денег от продажи имущества взять себе, а другую отправить моей семье в Англию.

Все было сделано так быстро, что у меня не осталось ни времени, ни возможности серьезно задуматься о правильности моего решения пу-

ститься в эту опасную авантюру. Корабль был снаряжен, нагружен необходимым товаром, команда подобрана, и все устроено по взаимному соглашению участников экспедиции. Я с нетерпением ждал отплытия и на все, что меня окружало в Бразилии, смотрел с полным безразличием. Это говорило о многом, и прежде всего о том, насколько я был легкомысленным.

Первого сентября 1659 года, ровно через восемь лет после первого морского путешествия, я снова поднялся на палубу корабля. Со мною отплывали четырнадцать членов экипажа, не считая капитана и юнги. Судно было новым и прочным, водоизмещением около ста двадцати тонн; кроме товара, предназначенного для торговли, в трюмах больше ничего не было — все свободное место предназначалось для перевозки чернокожих рабов.

Снявшись с якоря, мы взяли курс на север, вдоль побережья Бразилии, рассчитывая свернуть к берегам Африки у десятого-двенадцатого градуса северной широты, — именно таков был в то время обычный маршрут всех торговых судов. До самого мыса Святого Августина стояла тихая погода, несколько донимавшая нас жарой и палящим солнцем; но вскоре корабль повернул на

северо-восток, в открытый океан, и мы потеряли из виду землю.

Следующим ориентиром на пути через Атлантику был небольшой остров вулканического происхождения Фернандо ди Норонья. Но то ли капитан ошибся в расчетах, то ли вмешался внезапно налетевший крепкий ветер, однако позже выяснилось, что наш корабль все это время шел на запад, в сторону островов Карибского моря.

На двенадцатый день плавания свирепый ураган из тех, что рождаются в экваториальных широтах, окончательно сбил судно с правильного курса. Океан ревел и бушевал, обезумевший ветер постоянно менял направление, вращал и подбрасывал корабль на огромных валах, словно перышко. Мы были в полной власти бури, и каждую минуту я ждал ужасной гибели. Когда ураган ненадолго приутих, оказалось, что мы не только сбились с пути, но и понесли потери: юнгу и одного из матросов смыло гигантской волной с палубы, а еще один матрос, заболевший тропической лихорадкой, умер. Вдобавок в днище корабля была обнаружена небольшая течь.

Корабль наш был сильно потрепан, конца непогоде не предвиделось, и капитан предложил попытаться вернуться в Бразилию. Я решительно

воспротивился. Судя по всему, судно находилось у окраин Карибского моря, а потому нам следовало держать курс на остров Барбадос, где мы могли получить хоть какую-нибудь помощь. Плыть прямиком в Африку бессмысленно и опасно. По нашим расчетам, добраться до Барбадоса можно было недели за две, если не помешают капризные течения Мексиканского залива. Я рассчитывал, что после ремонта снастей и отдыха мы сможем продолжить экспедицию.

Однако судьба распорядилась иначе.

Изменив курс на северно-западный, мы вышли из полосы ненастья и только было почувствовали уверенность в завтрашнем дне, как нас настиг очередной шторм, еще свирепее прежнего. Буря отнесла корабль так далеко от торговых путей, что, даже если бы он уцелел, шансов добраться до какого-нибудь берега оставалось ничтожно мало. Корпус судна трещал по швам, нас швыряло во все стороны, вертело, подбрасывало на волнах — и так продолжалось несколько дней, пока ветер не начал стихать, хотя море все еще бушевало.

Изнуренная штормом команда крепко спала в каютах, когда стоявший на вахте рулевой разбудил нас с капитаном криком: «Земля! Прямо по курсу я вижу какие-то острова!» Мы бросились

на палубу, хорошо понимая, какая опасность нам грозит: ветер и течение могли принести беспомощное судно к прибрежным скалам и разбить вдребезги. Но случилось то, чего мы меньше всего ожидали, — наш корабль внезапно сел на мель.

От страшного удара судно накренилось, громадные валы захлестнули палубу, обдав нас ледяной водой. Вымокнув до нитки, мы бросились вниз собирать экипаж, чтобы в случае гибели судна, которое шторм вскоре мог превратить в щепки, попытаться спустить шлюпку. Оставалось только молиться, и нашим единственным утешением служило то, что корабль все еще оставался на плаву. У нас было две шлюпки; маленькая шла за кораблем на буксире, но ее оторвало и унесло во время бури, другая, побольше, уцелела и находилась на палубе. Матросы, не мешкая ни секунды, начали спускать ее на воду. На мгновение капитану показалось, что волнение стихает и нам больше ничего не грозит. Он понадеялся, что нам не придется покидать корабль, тем более что пускаться в рискованное плавание на шлюпке, не имевшей даже паруса, было еще опаснее. Нас могло накрыть первой же волной, опрокинуть, разбить о неизвестный берег прибоем. И все-таки другого выхода не было — корабль крепко сидел

на мели и в любую минуту под натиском стихии мог расколоться пополам…

Все матросы уже перебрались в шлюпку; последними спустились мы с капитаном. Положение наше было хуже, чем у обреченных на казнь, и все же мы усердно гребли к берегу, сопротивляясь ветру и волнам. Какой перед нами берег, скалистый или песчаный, крутой или отлогий, мы не видели; оставалась единственная надежда, что течение принесет нас к входу в бухту или залив.

Увы, капризная судьба оказалась к нам немилосердна!

Мы гребли уже больше часа, когда огромный вал обрушился на нашу шлюпку, будто решив этим последним сокрушительным ударом прекратить наши страдания. В мгновение ока шлюпка опрокинулась. Все, кто в ней находился, оказались под водой, даже не успев воскликнуть: «Господи, спаси и помилуй!»

Глава 9
Совершенно один

Мне сразу удалось вынырнуть, и тут же прибой подхватил меня и неудержимо понес к земле. Однако я находился не настолько близко к ней, чтобы почувствовать дно под ногами. Плавал я хорошо, поэтому, собрав остатки сил, попытался достичь берега раньше, чем очередная волна отшвырнет меня обратно.

Из этого ничего не вышло.

Волны играли мной, словно мячиком. Одна набегала, подхватывала меня и толкала вперед, чтобы тут же передать другой волне, которая снова уносила меня далеко от суши. При этом я оказывался под водой и старался как можно быстрее вынырнуть на поверхность, чтобы отдышаться и глотнуть воздуха. Так продолжалось очень долго, пока прибой не понес мое обессиленное тело прямо к скалам.

Это могло погубить меня, если бы мне не удалось, уже почти теряя сознание, крепко уцепиться обеими руками за выступающий из воды скользкий плоский камень. Волны здесь были го-

раздо слабее и только покрывали меня с головой; я дождался промежутка между валами, нырнул и быстро поплыл к берегу.

Наконец я очутился на твердой земле — целый и невредимый. Вскочив на ноги, я бросился бегом от линии прибоя, вскарабкался на прибрежный утес и рухнул в густые заросли травы. «Господи, — прошептал я, дрожа и плача, — благодарю тебя за то, что ты спас меня!»

Ни единой души не было видно вокруг. Отдышавшись, я поднялся и побрел к воде. Никого. Все мои спутники, очевидно, погибли; на волнах у берега покачивались несколько шляп и пара разрозненных башмаков. Взглянув в сторону корабля, все еще сидевшего на мели, я ужаснулся при мысли, как далеко я от него находился, и снова поблагодарил небеса за чудо, которое случилось со мной…

Пришло время осмотреться. Радость моя улетучилась очень быстро: хоть мне и удалось спастись, остров, по-видимому, был необитаем. Моя мокрая одежда была изорвана в клочья, а другой негде было взять, я испытывал нестерпимый голод, но мне нечем было подкрепить себя, у меня не было даже пресной воды. И самое ужасное заключалось в том, что, кроме табакерки и

небольшого ножа, при мне не оказалось оружия, чтобы добыть хоть какое-нибудь пропитание или защититься от диких зверей. Единственное, что пришло мне в голову, — это поискать убежище, в котором можно было бы провести ночь. Я осознавал, что прежде всего нужно отдохнуть и набраться сил, а уж потом искать выход из создавшегося положения.

Тем временем начало смеркаться; я прошел около четверти мили в глубину острова, пока не наткнулся на ветвистое крепкое дерево; на мое счастье, неподалеку от него журчал ручей. Утолив жажду и пожевав табаку, уцелевшего в моей табакерке, я взобрался повыше на дерево. Чувство голода притупилось. Я нашел удобную широкую развилку, вырезал из ветки увесистую дубинку для защиты, набросал в развилку листвы, улегся и мгновенно провалился в сон, словно в глубокую черную яму.

Утром я проснулся, как ни странно, бодрым и отдохнувшим. Солнце уже светило вовсю, ветер совершенно утих, погода стояла ясная. Я взглянул в сторону моря — наш корабль отсюда был виден как на ладони. Он находился гораздо ближе к месту моей ночевки, чем к той части побережья, куда меня вынесли волны. Судно все-таки вы-

держало шторм, и я подумал, что первым делом нужно добраться до него, чтобы разжиться провизией и одеждой.

Я направился к берегу, внимательно осмотрел его и неожиданно заметил вдалеке нашу шлюпку. Очевидно, ее тоже выбросило бурей на побережье. Я кинулся было к шлюпке, но мой путь пересекал небольшой, но глубокий залив шириной в полмили. Ничего не оставалось, как повернуть назад и поискать другой способ добраться к кораблю, на котором я надеялся найти хоть что-нибудь полезное для себя.

На море был полный штиль, начался отлив, и я воспользовался этим, чтобы попасть на корабль. Он стоял всего в трехстах метрах от меня, накренившись на мелководье, огромный и с виду невредимый. Мне стало горько — если бы мы не покинули судно и переждали бурю, то все остались бы живы… Но что оставалось делать? Я бросился в воду и поплыл. Однако вскоре я понял, что хоть цель моя близка, попасть на корабль почти невозможно. Я проплыл вокруг него дважды, пока не заметил конец каната, свисавший почти до самой воды. С большим трудом мне удалось схватиться за него и взобраться на бак.

Трюм судна был полностью заполнен водой,

но, сев на мель, оно увязло в илистой отмели таким образом, что корма поднялась высоко над морем и вся эта часть осталась неповрежденной и сухой. На корме почти все уцелело. Провизия и одежда были в хорошем состоянии, так что в первую очередь я переоделся и набил карманы сухарями. Затем направился в кают-компанию, чтобы как следует перекусить и глотнуть для бодрости рому. Жизнь больше не казалась мне мрачной. Запасов продуктов на первое время должно было хватить, хотя оставался вопрос: как их переправить на берег, если у меня нет лодки? Поразмыслив, я решил построить плот.

На корабле сохранились запасные части мачт, реи, доски, несколько сот ярдов прочной пеньковой веревки и всевозможный плотницкий инструмент. Я наскоро сколотил небольшой плот, но когда спустил его на воду, понял, что совершил ошибку. Неуклюжая конструкция была в состоянии выдержать лишь вес моего тела — я не подумал обо всем остальном грузе. Пришлось снова браться за пилу и топор и усердно трудиться. Я устал до изнеможения, но желание запастись всем необходимым для жизни на неизвестной земле подхлестывало и вдохновляло меня.

Глава 10
Между берегом и кораблем

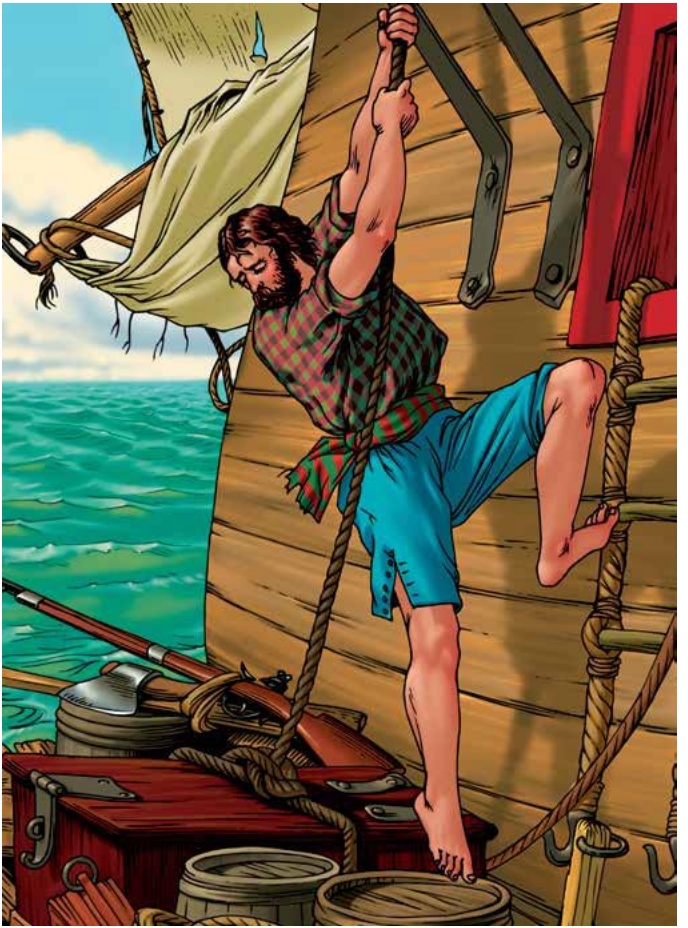
Наконец-то мой плот был готов.

Спустить его на воду и нагрузить всем необходимым оказалось задачей не из простых. Внешне плот выглядел достаточно надежным, но я опасался, что прилив вскоре закончится, поэтому нужно было поторопиться. Я отыскал доски и, протащив их по палубе, перебросил на уже плавающие в воде связанные бревна. Затем спустился по канату, как следует все прикрепил и вновь поднялся на корабль.

Опустошив три больших матросских сундука, я сложил в один из них весь провиант, какой нашел на корабле: хлеб, зачерствевшие рисовые лепешки, пару кругов сыра, вяленую баранину, мешок с небольшим количеством пшеницы и ячменя — ими наш кок подкармливал в плавании домашнюю птицу, которая давно уже была зажарена и съедена. Захватил ящики с вином и рисовой водкой и погрузил все это во второй объемистый сундук. Из одежды и обуви, имевшейся в каютах в неограниченном количестве,

я взял только то, что подходило мне по размеру, заполнил последний сундук, после чего спустил все три на плот.

Еще больше меня интересовали оружие и рабочие инструменты. В каюте капитана я обнаружил пистолеты, два отличных охотничьих ружья и мешочек с дробью, а в каморке корабельного плотника — внушительный ящик, содержимое которого мне было известно. Добавил пилу, молоток и топор. Зная, что на корабле находилось несколько бочонков с порохом, я отправился за ними. К сожалению, только два из них уцелели — в остальных порох был подмочен. Я дополнил свой арсенал парой старых тупых сабель и переместил его за борт. Теперь плот был предельно нагружен…



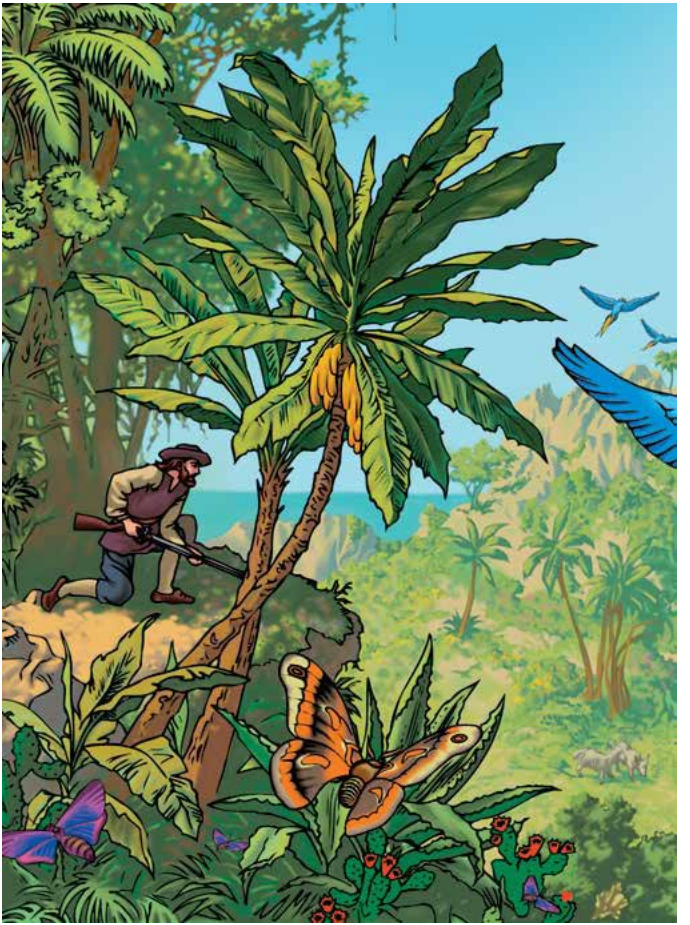
Добраться до берега без паруса было непросто — достаточно подняться небольшой волне, и мне вряд ли удалось бы удержать мое самодельное судно на плаву, поэтому я отыскал весла, оставшиеся от одной из шлюпок, и наконец-то окончательно перебрался на плот. Море оставалось спокойным, дул легкий попутный ветер, и я с Божьей помощью пустился в плавание.

Около мили все шло благополучно, но затем ветер усилился, и меня начало относить к той части берега, куда я добрался вплавь после бури. Приливное течение несло плот вправо, прямо к небольшой бухте; я греб изо всех сил, стараясь держаться кормой к волне. Громоздкий и ненадежный плот совершенно потерял управление и несся по воле ветра и волн, пока не наскочил одним краем на песчаную отмель. Настил плота сильно накренился, я бросился спасать груз, не имея возможности даже сдвинуть свое судно с места. На беду, одна из веревок лопнула и сундук с провизией едва не рухнул в воду. Если бы поднявшаяся с приливом вода в скором времени не выровняла плот, я бы надолго застрял на этой отмели в полной беспомощности. К счастью, мое судно снялось с мели самостоятельно.

Затем я высмотрел удобное место для причала,

закрепил груз понадежнее и принялся грести. Я орудовал веслами, сражаясь с течением, до тех пор, пока не приблизился к берегу настолько, чтобы хорошо видеть выбранную мною ровную площадку. Когда вода отступит, мой плот прочно встанет на ней. Я подогнал его как можно ближе к береговой полосе и, удерживая на месте, принялся ждать. Через час начался отлив, и плот со всем своим драгоценным грузом оказался на суше.

Я так устал, что не мог и пальцем пошевелить. Однако мне еще предстояло отыскать место для ночлега и перенести туда все вещи. Я по-прежнему не знал, куда забросила меня судьба — на материк или на остров, обитаема эта земля или нет и с какими опасностями мне суждено столкнуться… Но уходить далеко от моря я не собирался, потому что надеялся, что какой-нибудь корабль рано или поздно появится в здешних водах и тогда я смогу подать сигнал бедствия.



Оглядев окрестности, я заметил в полумиле от залива невысокую холмистую гряду. Возможно, именно там можно было найти безопасное пристанище. Прихватив заряженное ружье, я отправился на разведку. Но ничего подходящего найти не удалось, и, хоть солнце уже садилось, я все-таки решил взобраться на ближайший холм. Там было еще светло, и я увидел, что нахожусь на острове, со всех сторон окруженном морем. Только на западе тянулась полоса рифов и мелких клочков суши. Открытия, одно другого печальнее, последовали тотчас: судя по всему, мой остров лежал вдалеке от торговых путей, был абсолютно необитаемым и диким. Невозделанная земля, скалы и мелколесье, множество птиц, без боязни круживших над холмами, — вот и все, что я увидел.

Спустившись вниз, я не удержался и подстрелил одну из птиц. Грохот моего ружья, по-видимому никогда еще не звучавший в этих местах, переполошил в зарослях пернатых и мелкую живность. К тому же мясо напрасно убитой птицы оказалось несъедобным. С холма был полностью виден наш несчастный корабль, глубоко сидевший на мели, и я подумал, что хорошо бы еще раз побывать на нем, пока непогода не разрушила судно

окончательно. Неизвестно, сколько мне придется прожить на этом острове, и все, что было на корабле, могло пригодиться…

Я вернулся к своему плоту, когда на землю опустилась полная темнота, и при свете костра переправил оставшиеся вещи на берег. Я не знал, как устроиться на ночь, и боялся нападения хищников; впрочем, позже выяснилось, что мои опасения были совершенно напрасными. Не придумав ничего лучшего, как оградить место моего ночлега сундуками, ящиками и досками, я улегся прямо на песок и мгновенно уснул.

Отлив был в нижней точке, когда, проснувшись около семи утра, я оставил все на берегу и поспешил к воде. Воспользоваться плотом я не мог — он оказался далеко на суше. Поэтому, сбросив верхнюю одежду и башмаки, я поплыл, как и в первый раз, прямо к кораблю. Теперь мне было легче — я знал, где находится канат, по которому можно взобраться на палубу. Я собирался соорудить еще один плот, правда, поменьше прежнего.

Времени до начала прилива оставалось не так уж много, но, умудренный опытом, я быстро сколотил плот, спустил его на воду и нагрузил. Перенес два мешка с гвоздями, мелкими и

крупными, а также плотницкий бурав, дюжину топоров и такой необходимый предмет, как точило. Добавил три железных лома, бочонки с ружейными пулями, семь мушкетов, еще одно охотничье ружье, большой мешок с дробью. Кроме того, я собрал по каютам всю одежду, какую нашел, и прихватил подвесную койку, тюфяки, одеяла и подушки. Напоследок я спустил на плот запасной парус и еще одну пару весел.

Все это я благополучно доставил на берег — к моему превеликому удовольствию.

Глава 11
Вещи нужные и ненужные

За три недели, прожитые на острове, я побывал на судне двенадцать раз…

Но в тот день все мое имущество оставалось на берегу, и меня мучили опасения, что звери попортят съестные припасы. Однако, возвратившись, я не заметил никаких следов непрошеных гостей. Лишь на одном из сундуков грелся на солнце зверек, отдаленно похожий на дикую кошку. Я вскинул ружье; зверек спрыгнул и спокойно уселся на землю, без страха разглядывая меня, будто хотел познакомиться. Получив в подарок сухарь, он сгрыз его и, не дождавшись нового угощения, потерял ко мне интерес и скрылся в густых манграх[2].

Я хотел было открыть тяжелую бочку и разложить подмокший порох, чтобы высушить его, но потом решил соорудить палатку из парусины, нарубив кольев и шестов. Для этого пришлось прогуляться в рощу к подножию холма. Затем

---

[2] Сноски: 2

Мангры — заросли вечнозеленых деревьев и кустарников с надземными дыхательными корнями.

я перенес в палатку все, чему могли повредить жаркое солнце или внезапный ливень, а вокруг возвел ограду из бочонков и пустых ящиков. Вход в убежище изнутри я загородил доской, а снаружи — самым прочным сундуком. Рядом с ним я устроил себе постель. Основательно поужинав, я рано улегся, не забыв положить рядом заряженное ружье.

Мне кажется, никто из потерпевших бедствие еще не имел такого огромного запаса вещей. Моя палатка представляла собой настоящий склад. Однако я считал, что и этого недостаточно. До тех пор пока корабль оставался на мели и был невредим, я изо дня в день пополнял свои запасы. Особенно удачной вышла третья экспедиция, когда я переправил на берег все снасти, канаты, тросы, бечеву и парусину. Большой парус я разрезал на куски и позже перевез по частям. Затем я собрал письменные принадлежности, книги, посуду и всевозможные мелочи: от пуговиц до ниток, иголок и наперстков.

Еще одна неожиданная находка меня обрадовала. Я в очередной раз обследовал корабль, уже уверенный, что там ничего стоящего нет. И вдруг обнаружил на камбузе большую бочку с сухарями, три бочонка рому, ящик с сахаром

и мешок превосходной муки, которая не была испорчена водой, как многие другие продукты. Сухари я вынул из бочки и, завернув в куски парусины, вместе с остальной добычей перевез на свой склад.

Оставалось забрать железные и деревянные части корабля, которые я был в состоянии снять. Для этого, дождавшись отлива, я снова пустился вплавь. Из оставшихся рей я соорудил широкий специальный плот совсем другой конструкции, что заняло несколько часов. Погрузка тяжестей оказалась нелегкой и небыстрой, вдобавок я прихватил толстые якорные канаты — их также пришлось разрезать на части. Наконец я отчалил, но удача в этот раз от меня отвернулась. Войдя в бухточку, я не сумел справиться с громоздким и неповоротливым плотом — он перевернулся, и я вместе с грузом оказался в воде. Случилось это недалеко от берега, поэтому мне ничего не стоило выплыть, но все добытое с таким трудом пошло ко дну. Особенно я жалел о железе; впрочем, когда наступил отлив, я вытащил на берег большую часть каната и несколько листов железа. Для этого мне пришлось нырять несчетное количество раз.

Несмотря на то что я перевез уже почти все, что

было возможно, мне по-прежнему не хотелось расставаться с кораблем. Когда я снова вплавь отправился в двенадцатую — и последнюю — свою экспедицию, неожиданно поднялся ветер. Однако я не обратил на это никакого внимания. Раньше я лишь бегло осматривал капитанскую каюту, теперь же, открыв шкаф, обнаружил в нем два глубоких ящика. В одном из них я нашел пару бритв, большие ножницы и дюжину приличных ножей и вилок; в другом — деньги.

Я усмехнулся. К чему мне здесь этот ненужный хлам? Он не стоит и одного ножа, лежащего в моей палатке… Тем не менее я взял деньги с собой, сложив в парусиновый мешочек, который пару дней назад сшил на берегу. Все остальное я завернул в парусину и поместил в заплечный мешок побольше.

Ветер усилился настолько, что оставаться на корабле стало опасно. Не теряя времени, я спустился за борт и поплыл. Плыть было тяжело из-за груза и встречного течения, но я все-таки добрался до берега и поспешил к палатке. Позади шумело и пенилось море. К счастью, уже через несколько минут я находился в своем убежище.

К вечеру разразился настоящий шторм. Я провел беспокойную ночь, а когда утром выбрался

из палатки, то без всякой радости обнаружил, что наш многострадальный корабль исчез. Единственное, что утешало, так это мысль о том, что мне удалось перевезти с него великое множество необходимых для жизни вещей.

От корабля остались одни обломки. Впоследствии волны выбросили их на берег. Я же был занят другим. Место, где я разбил палатку, совершенно не годилось для постоянного жилья, ибо не могло защитить меня от прихотей погоды. Оно находилось слишком близко к морю, в низине, открытой лучам палящего солнца, а главное — рядом не было источника пресной воды. Перенести палатку или вырыть землянку? Я должен был найти верное решение, но еще до того следовало отыскать на острове такой уголок, где были бы все необходимые условия. Какие? Во-первых, это должна была быть местность с родником, не болотистая, но защищенная от зноя, недоступная для хищных зверей и, что очень важно, расположенная так, чтобы я мог видеть море. Надежда, что какое-нибудь судно, проплывая мимо острова, подберет меня, не давала мне пасть духом и придавала сил.

После долгих поисков я наконец-то обнаружил лужайку у подножия крутого холма, один

склон которого поднимался совершенно отвесно. Спуститься на лужайку с вершины было невозможно; кроме того, в нижней части склона я заметил углубление, похожее на пещеру. Место было сухое, защищенное от прямых солнечных лучей, заросшее луговой травой. На этой зеленой поляне площадью около ста квадратных ярдов я и решил устроить свое жилище. Лужайка полого спускалась в низину, к берегу моря, склон смотрел на северо-запад, и оттуда хорошо был виден закат солнца.

Прежде чем ставить палатку, я очертил перед пещерой полукруг диаметром в двадцать ярдов и вбил вдоль него два ряда крепких заостренных кольев. Мой частокол достигал в высоту пяти футов, между рядами кольев оставался просвет около шести дюймов. Весь этот промежуток я заполнил обрезками канатов, а изнутри для прочности укрепил свою ограду подпорками.

Работа эта заняла немало времени. Несколько дней я провел в роще. Там я рубил сучья, обтесывал и заострял колья, а затем переносил их на поляну. Однако начало было положено.

Глава 12
Коза и козленок

Сразу за внешним краем моего частокола начинался спуск в низину. Частокол был сплошным, вместо калитки я использовал приставную лестницу наподобие корабельного трапа. По ней я перебирался через ограду, а ночью втаскивал ее внутрь. Так я чувствовал себя в полной безопасности. Огромных усилий стоило мне перенести на новое место жительства все мое имущество. Я сложил его у подножия холма и только после этого принялся ставить палатку. Чтобы защитить себя от тропических ливней, я сделал ее двойной — сначала разбил одну поменьше, а над ней поставил большую, которую еще и накрыл сверху брезентом. Между самыми прочными палаточными подпорками я прикрепил подвесную койку, принадлежавшую помощнику капитана. Теперь моя постель была удобной и теплой.

Следующим делом стало заполнение моего нового жилища всем необходимым. Я перенес туда продукты, которые нужно было уберечь от сырости, одежду, посуду и все прочее, что могло

мне понадобиться. Покончив с этим, я начал рыть в углублении холма, которое поначалу принял за пещеру, что-то вроде погреба. Земля там оказалась рыхлой, без камней, перемешанной с небольшим количеством песка; вынутый грунт я переносил на лужайку и равномерно рассыпал, покрывая траву слоем в полтора фута…

Понадобились месяцы труда и невероятные усилия, чтобы довести до конца столь трудоемкую работу. За это время произошло событие, заставившее меня отложить все дела. Я еще не успел поставить палатку, весь мой скарб грудой был свален на траве, когда внезапно разразилась короткая, но сильная гроза. Я мигом накрыл парусом вещи, юркнул под него сам и вдруг весь сжался от мысли, что молния может угодить в бочонки с порохом. Я не думал о собственной гибели — мне было страшно потерять то, от чего зависели моя безопасность и возможность добывать пропитание. Поэтому, когда дождь прекратился, я первым делом принялся шить мешочки из парусины и сколачивать небольшие ящики для хранения пороха. Чтобы спрятать разделенный на части порох в разных местах, мне пришлось потратить несколько дней.

Несмотря на бесконечные труды и хлопоты,

мне все равно приходилось выбираться за ограду, чтобы обследовать окрестности и охотиться. В первую свою прогулку я сделал неожиданное открытие: на острове водятся козы. Однако животные оказались такими пугливыми и проворными, что приблизиться к ним было почти невозможно. Надеясь, что мне удастся подстрелить хотя бы одну из них, я стал более внимательно следить за козами и отметил любопытную особенность: животные не замечали меня и мирно паслись, когда я наблюдал за ними откуда-нибудь сверху.

Как-то в полдень, взобравшись на пригорок, я обнаружил в низине небольшое стадо коз. Первым же выстрелом подстрелив крупную козу, я бросился вниз. Убитое животное неподвижно лежало на траве, а рядом, растерянно блея, топтался маленький козленок. Я взвалил козу на плечо и понес к палатке, козленок же побежал за мной. Я понадеялся вырастить его и приручить, но из этого ничего не вышло — сосунок ничего не ел из моих рук и таял на глазах…

Еще одной заботой стало устройство очага. Кроме того, нужно было запастись достаточным количеством дров. Я непрерывно размышлял о том, что меня ожидает в будущем. Одиночество

на необитаемом острове вынуждало меня все время вести борьбу за выживание. Но когда я, устав за день, забирался в палатку и укладывался спать, мрачные мысли одолевали меня, не давая покоя. Мой остров лежал вдали от главных маршрутов торговых судов, и я подозревал, что никогда не увижу ни одного корабля. Неужели мне придется состариться именно тут, в дикости и безвестности, и в конце концов достигнуть бесславного финала — смерти? Я роптал на судьбу, забывая, что сам был виновником собственных злоключений.

И тут же меня обжигал стыд за свое малодушие, которое казалось мне позорным. Сердце мое горевало, а рассудок упрекал. «Конечно, — говорил мне голос разума, — ты, Робинзон, находишься в незавидном положении. Но где те, что были с тобою? Почему они мертвы, а ты один остался в живых? За что тебе такая милость? Как ты считаешь, кому из вас лучше?»

Сидя на склоне, я смотрел, как багровое солнце спокойно уходит за горизонт, вдыхал полной грудью чистый прохладный воздух и слушал шум моря. Издали донесся громкий крик кваквы[3] —

---

[3] Сноски: 3
Кваква — птица семейства цапель.

птица охотилась за лягушками; устраивалась на ночь в своем гнезде каравайка, шуршали в зарослях кустарника грызуны, переругивались попугаи, затихли колибри; и я был счастлив, что остался жив. Мне было радостно, оттого что я обеспечил себя почти всем необходимым, не растерялся и не поленился перевезти его с корабля. Каково бы мне пришлось сейчас, если бы корабль не сел на мель так близко к острову? Я хорошо запомнил свою первую ночь на развилке дерева… Теперь у меня всего вдоволь, и особенно я был доволен наличием ружей; когда придет конец запасам пороха и зарядов, подумалось мне, я найду способ обойтись без оружия и придумаю средство, чтобы добывать себе пропитание.

Где-то на десятый день моей жизни на острове я понял, что вскоре потеряю счет времени. Когда я сюда попал, было, помнится, тридцатое сентября, период осеннего равноденствия[4]. Но в этих широтах солнце стоит прямо над головой, и его высота над горизонтом почти никогда не меняется. Вбив большой деревянный столб напротив того места, куда выбросило нашу шлюпку, я вырезал на дощечке надпись: «Здесь я ступил на берег

---

[4] Сноски: 4
Осеннее равноденствие начинается 23 сентября.

30 сентября 1659 года» и приколотил дощечку к столбу. На столбе я каждый день делал зарубки: шесть коротких, седьмую, воскресную, — подлиннее. Зарубки, обозначавшие первый день месяца, я делал еще длиннее и глубже. Теперь у меня был календарь.

Гораздо позже, разбирая привезенные мною с корабля сундуки, я нашел-таки среди них бумагу и чернила. Циркули, компасы, навигационные приборы, подзорная труба, географические карты и книги по навигации лежали на самом дне. Кроме того, я тогда захватил и кое-что из собственного багажа: несколько книг на португальском языке, в том числе и молитвенник, тетради и прекрасно изданную в Англии Библию.

Глава 13
Терпение и труд

У нас на корабле были две кошки и собака.

Кошек я перевез на берег еще на первом своем плоту, а пес просто прыгнул в воду и поплыл вслед за мной. Долгие годы он верно служил мне и был добрым товарищем, дарил минуты радости и заменял общение с людьми. Мы понимали друг друга с полувзгляда; единственное, чего мне недоставало, так это то, что пес не мог говорить.

Я решил записывать все, что со мной происходило, и всячески экономил чернила, хотя понимал, что со временем они все равно закончатся, а вместе с ними придет конец и моим записям.

Время шло, и я лишился ниток, иголки затупились и сломались, одежда истрепалась; несмотря на большой запас всевозможных вещей, мне многого не хватало. У меня, например, не было ни лопаты, ни заступа, ни кирки; мне нечем было обрабатывать почву, — а я подумывал заняться земледелием.

На то, чтобы окончательно устроиться на ост-

рове, содержать в порядке мой склад и еще более основательно укрепить ограду, понадобился почти год. Самая трудная и изнурительная работа заключалась в том, чтобы нарубить в роще толстых сучьев и молодых стволов, обтесать, распилить, а затем дотащить до площадки. Вбивая колья изгороди, я поначалу использовал увесистый сук, но затем вспомнил, что у меня есть железный лом, и дело пошло намного быстрее. Впрочем, особенно спешить мне было некуда. Покончив с частоколом и погребом и приобретя надежную крышу над головой, я стал чаще обычного бродить по острову с ружьем в надежде подстрелить какую-нибудь дичь. Именно тогда я и принял решение записывать в дневник все, что ежедневно происходило со мной…

Вначале, словно в бухгалтерской книге, я перечислил все отрицательные и положительные стороны своей нынешней жизни. Я беспристрастно сопоставил злое и доброе, горестное и отрадное, плохое и хорошее:

ПЛОХО

Я волею судьбы заброшен на необитаемый остров, и у меня нет никакой надежды на избавление.

Я отрезан от мира, и меня мучит мысль, почему это случилось именно со мной.

Я лишен человеческого общества подобно преступнику в одиночной камере и обречен на нравственные страдания.

У меня мало одежды, скоро она износится, и тогда мне нечем будет даже прикрыть свое тело.

Я беззащитен перед нападением людей, зверей и от всяких природных бедствий.

Меня некому утешить, мне не с кем даже поговорить.

ХОРОШО

Я не погиб подобно моим спутникам, я — жив.

Тот, кто спас меня, единственного из всех, поможет мне и в будущем.

Я не умер с голоду, нашел в себе силы бороться и бросил вызов судьбе.

Я в пустынном краю с жарким климатом. Одежда мне нужна, однако не настолько, насколько в ней нуждаются в цивилизованном мире.

Мой остров оказался безлюдным, и я не видел тут за целый год ни одного крупного хищника и не пережил никаких бедствий.

Это очень горько, но Господь сотворил чудо, и я с благодарностью смирился со своим положением.

Эта первая запись свидетельствовала, что в любой ситуации, в какой бы ни оказался человек, есть свои минусы и плюсы. Когда я понял, что помощи ждать неоткуда, и перестал пристально всматриваться в морской горизонт, то жизнь с ее ежедневными хлопотами и заботами полностью захватила меня. Я даже стал находить в ней приятные стороны и маленькие радости…

Моя палатка уже была приспособлена для жилья. С частоколом я покончил, и теперь мое обиталище выглядело как укрепленный форт. С внешней стороны я насыпал вдоль частокола земляной вал высотой в два фута. Кроме того, я соорудил навес из ветвей, и мой дворик оказался как бы под кровлей, защищавшей его от дождя. Так как вещей у меня было превеликое множество и они загромождали палатку, я принял решение углубить пещеру, где находился мой погреб. Кроме погреба мне нужна была просторная кладовая. Опыт у меня был, и работал я легко, вынося, как и прежде, вынутую землю наружу. Теперь я знал, что хищников опасаться не стоит, и мне в голову пришла мысль прорыть еще и подземный ход, ведущий за пределы ограды. Я осуществил задуманное, и у меня получилась сводчатая галерея, которая впоследствии слу-

жила мне не только дорогой к палатке, но и значительно расширила мою кладовую. Я постоянно пользовался своим потайным ходом, возвращаясь с охоты или с берега моря.

Когда с кладовой и подземным ходом было покончено, я принялся за изготовление мебели, прежде всего стола и стульев, без которых я так и не привык обходиться. Я не мог ни пообедать как следует, ни сделать запись в дневнике, ни отдохнуть, особенно если погода стояла сырая и дождливая. До этого я никогда в жизни не столярничал, но деваться было некуда — за что только ни возьмешься, если испытываешь потребность в той или иной вещи! Я умел вычислять и рассчитывать, имел инструменты, остальное же зависело от моего трудолюбия и терпения.

На стол и пару стульев пошли короткие доски и бортовая обшивка — их я привез с корабля; когда эта мебель была готова и расставлена в палатке, я принялся за полки и скамью для кладовой. Корабельные доски я употребил все до единой, поэтому новые мне пришлось изготовить самому с помощью пилы, топора и рубанка. Именно эти простые инструменты помогли мне соорудить массу нужных вещей, хотя никто до меня не столярничал таким образом и не тратил на это

столько времени. Мне снова приходилось отправляться в рощу, выбирать подходящее дерево, валить его, очищать ствол от веток, распиливать на доски и только затем обрабатывать рубанком.

Полки я приладил в погребе и кладовой, одну над другой, в несколько рядов, на скамье расставил ящики и бочонки, а в кладовой разложил по полкам свои инструменты, гвозди, бурав, молоток и прочую мелочь. Также я вбил в стены деревянные колышки — для ружей.

Если бы мои владения посетил гость, мне не пришлось бы краснеть: у меня все было под рукой и в полном порядке, сияло чистотой, и я не стал бы скрывать, что горжусь собой. Размышляя, я увлекся и стал мечтать о том, как когда-то смогу показать кому-нибудь плоды своего труда. Я был готов принимать желаемое за действительное: однажды, когда я сидел на берегу моря, мне даже показалось, что у самого горизонта промелькнул парус. Сердце мое сжалось, и я горько расплакался. Сквозь слезы я жадно всматривался туда, где по-прежнему было пусто, — как вчера, как много дней подряд…

По завершении благоустройства моего дома жизнь вошла в привычное русло и потекла своим чередом. Я начал свои записи и вел дневник до тех

пор, пока не иссякла последняя капля чернил.

Глава 14
Дневник Робинзона

30 сентября 1659 года

Наш корабль попал в шторм и сел на мель возле неизвестного побережья. Было принято решение пересесть в шлюпку и попытаться достичь берега, однако нас постигла катастрофа — шлюпка перевернулась и экипаж погиб. В живых остался я один, несчастный Робинзон Крузо. Меня, полуживого, выбросило волнами на остров, который я назвал островом Отчаяния.

Ничего, кроме гибели, ждать не приходилось — голодный, оборванный, обессиленный, без малейшей надежды на чью-либо помощь, я проклинал свою злосчастную судьбу. Когда наступили сумерки, я все же нашел в себе силы отыскать крепкое дерево, взобраться на него и устроиться на ночлег. Я опасался быть растерзанным хищниками. Буря стихла, пошел дождь, но я крепко проспал всю ночь.

1 октября

Я проснулся рано и с удивлением обнаружил, что нахожусь в таком месте, откуда хорошо виден

наш корабль. Вскоре я понял, что, дождавшись отлива, смогу до него благополучно доплыть. Это чрезвычайно обрадовало меня, но одновременно и опечалило. С одной стороны, я теперь мог перевезти на берег сохранившиеся продукты и необходимые мне вещи; в то же время, думал я, останься команда на судне, возможно, всем удалось бы избежать гибели. Мы бы переждали бурю и нашли способ добраться до какой-нибудь обитаемой земли. Мне было мучительно жаль моих товарищей… Я предпринял попытку попасть на корабль, и моя вылазка закончилась успешно. Дождь продолжался весь день, но ветер совершенно прекратился.

2–24 октября

Все эти дни я был занят тем, что переправлял на берег все, что могло бы пригодиться мне для жизни на необитаемом острове. Я следил за приливами и отливами и учился строить плоты. Наряду с периодами ясной погоды порой подолгу шли дожди — в этих широтах в такое время наступает сезон дождей.

20 октября

В одном из последних рейсов плот опрокинулся, и все, что было на нем, пошло ко дну. Но

поскольку это случилось недалеко от берега, я дождался отлива и, хотя и с трудом, смог поднять со дна бóльшую часть железных изделий.

25 октября

Шквальный ветер сотрясал остров целую ночь, а наутро я увидел, что наш корабль разнесло в щепки, — вблизи отмели, на которую он сел, плавали только обломки, а часть остова выступала из воды, когда начинался отлив. Весь день я хлопотал на берегу над спасенным мною добром — укрывал парусиной и брезентом, чтобы ливень ничего не испортил.

26 октября

Отправился на поиски удобного места для жилья и к вечеру наконец-то нашел то, что мне требуется. У подошвы холма я очертил полукруг большого диаметра, чтобы соорудить ограду. Это будет двойной, укрепленный внешней насыпью частокол.

26–30 октября

Прилежно трудился, несмотря на проливные дожди. Переносил свое имущество с берега на новый участок. Начал постройку ограды.

31 октября

Утром прошелся с ружьем по окрестностям в надежде подстрелить какую-нибудь дичь на обед, а заодно осмотрел местность. Добыл дикую козу, детеныш которой увязался за мной. К сожалению, выкормить козленка-сосунка мне не удалось.

1 ноября

Разбил под склоном холма просторную палатку, закрепил внутри подвесную койку и впервые сладко проспал в ней целую ночь без снов.

2 ноября

Собрал и сложил в одном месте все добытое мною на корабле дерево: ящики, доски и бортовую обшивку, а также бревна, из которых я строил свои плоты.

3 ноября

Подстрелил двух птиц, очень похожих на уток; их мясо оказалось нежным и вкусным. Отобедав, начал мастерить стол.

4 ноября

Свое время я распределяю таким образом: с утра, если стоит подходящая погода, отправляюсь на пару часов поохотиться. Подстрелив добычу, возвращаюсь домой и готовлю еду. Затем перекусываю, отдыхаю. После обеда, когда спада-

ет влажная жара, принимаюсь за работу. Такого распорядка дня я стараюсь держаться постоянно. Продолжаю столярничать, и хотя сначала я был неумелым мастером, позже заметно продвинулся в этом ремесле. Думаю, что с каждым на моем месте произошло бы то же самое.

5 ноября

Взял с собой на охоту собаку. Подстрелил дикую кошку, ее мясо не годилось в пищу, зато шкурка была мягкой и пушистой. Я почти всегда снимал шкуру с добытого зверя, высушивал и хранил ее. Возвращаясь вдоль берега моря, видел множество разнообразных морских птиц; из них я узнал только чайку, фаэтона и олушу — остальные мне были неизвестны. Мой пес прыгал по мелководью и лаял на зеленую черепаху, из мяса которой можно приготовить отменный суп. Однако поймать в воде такую черепаху нелегко, нужно дождаться, когда она выберется на прибрежный песок, чтобы отложить яйца. В отдалении заметил парочку тюленей, которые ныряли и резвились.

6 ноября

После обычной утренней прогулки принялся за отделку стола. Работу закончил, но остался ею не вполне доволен. Однако спустя несколько

месяцев так набил руку, что смог исправить все свои ошибки.

7 ноября

Погода понемногу устанавливается. Тружусь над стулом. Последующие три дня и часть понедельника, пропустив воскресный день для отдыха, продолжал это занятие. Самым трудным оказалось придать стулу нужную форму и высоту. Несколько раз все приходилось начинать заново. Надо сказать, что в дальнейшем я перестал соблюдать воскресенье, потому что однажды забыл отметить его в своем календаре и сбился в подсчетах.

13 ноября

Снова шел тихий, теплый дождь, после которого повеяло свежестью. Потом тучи сгустились, загремел гром и разразилась короткая, но сильная гроза. Я испугался, что мой порох может воспламениться от попадания молнии. После грозы я решил высыпать его из бочки, разделить на небольшие части и спрятать в разных местах. Потеря сразу всего пороха могла лишить меня возможности охотиться и пополнять запасы провизии.

14–16 ноября

Все это время я занимался изготовлением ящиков и шитьем мешочков для хранения пороха. Затем наполнил их и спрятал как можно дальше один от другого. В эти же дни убил крупную, неизвестную мне птицу, чье мясо оказалось очень вкусным.

17 ноября

Начал было расширять пещеру в склоне холма за палаткой, но временно прекратил это занятие. Мне не хватает места в кладовой, но для такой работы нужны хотя бы лопата, кирка, а также тачка или большая корзина, а у меня их нет. Долго раздумывал, чем все эти орудия заменить. Попробовал долбить стену железным ломом; получилось, но лом тяжеловат для такой работы, и поэтому требуется слишком много усилий и времени. Вернулся в палатку и лег спать в огорчении, потому что не представлял, как выйти из этого положения.

18 ноября

Отыскал в лесу небольшое вечнозеленое бакаутовое дерево, которое в Бразилии называют «железным». Из его необыкновенно прочной древесины изготовляют некоторые части кораблей. С большим трудом срубил его, затупив топор, —

слава богу, что он у меня не один. Отколол от ствола подходящего размера брус и едва дотащил до участка, так как он был невероятно тяжел. Но лопату я все-таки сделал! Это занятие отняло у меня уйму времени и сил; думаю, ни у кого в мире не было подобной лопаты, и даже держак вышел не хуже, чем делают в Англии. Лопата, хоть и недолго, прослужила мне верой и правдой.

Мне все равно недоставало корзины или тачки. Сплести корзину было не из чего — я пока еще не встречал в окрестных рощах подходящих гибких прутьев; смастерить тачку я мог бы, однако изготовить колесо для нее было мне не под силу. Пришлось заменить тачку корытом наподобие тех, в которых каменщики держат известь. На это пошли доски, прихваченные с корабля. С корытом было гораздо легче удалять вырытую землю из пещеры. Все вместе — бакаутовая лопата и корыто — отняло у меня почти четыре дня, не считая утренних часов, которые я посвящал охоте.

23 ноября

Продолжал углублять нишу в пещере. Эта работа длилась восемнадцать дней, пока я не увидел, что здесь может свободно поместиться все мое имущество. У меня имеется погреб, теперь будет

и кладовая; больше того, я расширил углубление настолько, что его можно теперь использовать и как склад для вещей, и как кухню, и даже как столовую. Я по-прежнему живу в палатке, однако в случае сильных дождей могу укрыться гораздо надежнее. Для самого жаркого времени несколько позже я соорудил широкий навес на своем дворике.

Глава 15
Мешок с зерном

10 декабря

Мне казалось, что с пещерой покончено, когда неожиданно обрушилась правая часть свода именно там, где я начал рыть подземный ход. Счастье еще, что меня не придавила масса грунта, — я в это время находился в палатке. Обвал был серьезный и задал мне новую работу: нужно было убрать всю землю и укрепить свод, иначе происшествие могло повториться.

11 декабря

Два дня я только этим и занимался. Вкопал в пол пещеры две сваи и подпер свод досками крест-накрест. Затем еще в течение недели устанавливал такие же опоры в ряд вдоль боковых стен. Крепление получилось на славу!

17 декабря

Приладил в погребе полки; использовал для этого опорные столбы, вбивая в них гвозди вместо крюков. Развесил все вещи, какие только смог там пристроить. Начал приводить свое хозяйство

в надлежащий порядок.

20 декабря

Перенес в кладовую всю кухонную утварь и разложил по местам. Приладил и там несколько полок; сколотил небольшой столик для того, чтобы готовить на нем еду. Досок осталось совсем мало, поэтому вместо второго стула я смастерил скамью.

24 декабря

Не выходил из палатки, потому что круглые сутки шел проливной дождь. Догрызаю остатки морских сухарей.

25 декабря

Все та же отвратительная погода.

26 декабря

Наконец-то дождь прекратился. Все кругом ожило, зелень стала свежее, воздух прохладнее, небо очистилось.

27 декабря

Утром подстрелил двух козлят, одного наповал, другого только ранил в ногу. Поймав подранка, принес домой и осмотрел. Рана оказалась пустяковой, я перебинтовал ее и выходил козленка. Со временем он стал совсем ручным, пощипывал

травку у меня на участке, и я впервые задумался над тем, чтобы завести домашний скот. Тем более что порох у меня скоро закончится.

28–31 декабря

Полное безветрие, изнурительная жара. Выходил поохотиться только под вечер. Дичи мало. Все остальное время занимался домашними делами и читал.

1 января 1660 года

Жара не спадает, но я дважды, утром и вечером, ходил на охоту. Днем отдыхал. Когда уже в сумерках возвращался с охоты домой, в долине заметил стадо коз. Они такие пугливые, что к ним не подойти на выстрел. Подумал — а не натравить ли на них моего пса?

2 января

Взял на охоту собаку. Однако мой опыт не удался — стадо, как только я натравил пса на коз, двинулось на него, угрожающе выставив рога. Пес мой, бешено лая, начал пятиться, пока не струсил окончательно и не бросился прочь.

3 января

Начал укреплять внешнюю сторону частокола земляным валом. Хоть остров мой и кажется

безлюдным, вероятность нападения на мое жилище все еще существует, — ведь я до сих пор не обследовал его полностью. Работа с частоколом продолжалась около четырех месяцев, потому что прерывалась непогодой и другими неотложными делами. Теперь у меня появилось надежное убежище…

Каждый день, если не было дождя, я выбирался на охоту, все дальше уходя от дома и осваивая окружавший меня мир. Я наткнулся на высокие непроходимые заросли бамбука и долго огибал их стороной, видел кокосовые пальмы, дынное дерево — папайю, дикорастущий табак, отведал плодов авокадо. Многих птиц и животных я видел впервые в жизни; особенно много попадалось шустрых зверьков с золотисто-красным мехом, похожих на зайцев. Пестрые попугаи сновали в лианах, которые поднимались своими крепкими стеблями к свету из полумрака широколиственного леса, шелестели папоротники, благоухали орхидеи, на открытых местах встречались колючие кактусы — я поражался, любуясь многообразием и красотой тропической природы.

Однажды я наткнулся на диких голубей. Они вили гнезда не на деревьях, а в расщелинах

скал, так что я легко мог до них добраться. Взяв несколько птенцов, я попытался их приручить и сделать домашними. Я долго провозился с голубями, но как только птенцы окрепли, они тотчас улетели. Так повторялось несколько раз; возможно, голуби покидали мой дом, потому что у меня не было подходящего для них корма. После этого я ловил диких голубей только для собственного пропитания.

Я продолжал успешно столярничать, однако кое-что смастерить так и не смог. Мне не хватало бочек, в особенности для питьевой воды, — единственный подходящий бочонок из тех трех, что имелись у меня, был слишком маленького объема, и приходилось часто его наполнять, спускаясь к роднику. Но изготовить солидную бочку у меня не получилось.

Нуждался я и в свечах. День здесь гас мгновенно — темнота наступала около семи часов вечера. Света от очага было недостаточно. Я припомнил, как делал свечи во время моих злоключений в Африке: брал фитиль, погружал его в жир или растительное масло, зажигал и подвешивал. Затем много раз подряд обливал растопленным воском и остужал, пока не выходила толстая свеча. Воска, однако, у меня не было, и пришлось

использовать козий жир. Я сделал плошку из глины, хорошенько высушил ее на солнце, для фитиля взял пеньку от старой веревки. Так у меня получился светильник. Он горел слабо и неровно, намного хуже, чем свеча, но теперь, соорудив несколько таких светильников, я мог по вечерам хотя бы ненадолго взять в руки книгу.

Еще до начала дождей, разбирая вещи, я наткнулся на мешок, в котором были остатки корма для корабельной птицы. Мешок мне понадобился для пороха, и, выйдя за палатку, я как следует вытряхнул его содержимое на землю, избавляясь от изгрызенного крысами зерна. Каково же было мое удивление, когда спустя месяц я увидел на поляне неизвестные мне зеленые ростки. К этому времени я совершенно позабыл о мешке и не помнил, где вытряхивал его. Теперь же я стал внимательно приглядываться к стеблям. И не напрасно — они быстро подрастали и вскоре заколосились. Это был ячмень! Больше того — среди колосьев ячменя я заметил с десяток стебельков пшеницы. На моих глазах совершилось чудо — ведь в мешке, по моему мнению, оставалась одна труха, в которой похозяйничали корабельные крысы. Чудом было и то, что стоило мне пройти на два шага дальше и встряхнуть мешок в дру-

гом, более сухом и солнечном месте, пшеница и ячмень могли не взойти. Я решил поискать в округе — может быть, где-то еще на острове растут хлебные злаки, — обшарил все поляны в окрестностях, но ничего не обнаружил.

Когда в конце июля колосья полностью созрели, я с величайшей осторожностью срезал их. Зерна набралась горстка, но я собрал все до последнего, рассортировал и спрятал в сухом и прохладном месте. Я надеялся, посеяв зерна раз и другой, со временем получить такой урожай, чтобы его хватило и на пропитание, и для нового посева. Ждать пришлось долго — лишь к концу четвертого года моего пребывания на острове все это у меня получилось. Дело в том, что свой первый урожай я едва не погубил, не рассчитав время и посеяв ячмень перед наступлением засухи. Всходы оказались редкими и слабыми. С пшеницей вышло удачнее. Когда зерна́ накопилось достаточно, я приловчился толочь его в муку и печь из нее отменные лепешки…

Однако возвращаюсь к частоколу. Четырнадцатого апреля я закончил эту работу. Чтобы мое жилье нельзя было обнаружить со стороны, я не оставил в ограде никакого прохода, решив ограничиться приставной лестницей.

Глава 16
Землетрясение. Продолжение дневника

16 апреля

Закончил сколачивать лестницу и проверил на прочность — поднялся по ней, перенес через частокол и спустился во двор. Теперь, находясь в моей крепости, я чувствую себя в безопасности.

На другой день я едва не погиб.

Я занимался обычными делами у самого входа в пещеру, как вдруг со склона на меня посыпалась земля и в глубине холма — там, где начиналась подземная галерея, — затрещали столбы, подпиравшие свод. Я испугался: неужели опоры рухнут, как это уже случилось однажды, и придется все начинать сначала? Однако все оказалось гораздо хуже: земля, словно при качке на море, заколебалась под моими ногами, палатка заходила ходуном, с вершины холма покатились камни. Опасаясь, что меня может завалить землей или искалечить, я опрометью бросился к лестнице и перелез через частокол. Только оказавшись на ровном месте, я догадался, что произошло

довольно сильное землетрясение.

Я увидел, как от скалы, стоявшей у берега, отвалилась огромная глыба и с грохотом скатилась в воду. На морском дне также происходили толчки — вода в заливе, казалось, кипела. Я упал на землю и закрыл руками голову; мне было страшно, и больше всего от мысли, что землетрясение может разрушить пещеру, где хранятся все мои запасы провизии и инструменты; обвал навсегда похоронит мои ружья, мой подземный ход, мою с таким трудом изготовленную мебель…

Этот кошмар продолжался минут десять; после третьего толчка наступило затишье, но я не рискнул вернуться в свою крепость. Сидя в траве, я горячо и долго молился.

Неожиданно небо нахмурилось, потемнело, как перед грозой, ветер резко усилился. Я взглянул на море — волны с ревом обрушивались на берег, надвигалась буря. Где-то позади меня трещали, ломаясь, ветки деревьев, дело шло к сильнейшему ливню. Внезапный ураган, понял я, явился следствием землетрясения, а значит, толчки больше не повторятся. Вскоре первые капли ударились о землю и я поспешил домой, чтобы укрыться в палатке. Ливень оказался настолько сильным, что вокруг моего убежища забурлили

потоки воды; я стремглав перебежал в пещеру, где было сухо, и устроился на скамье, время от времени с опаской поглядывая на потолок.

Дождь как будто не собирался утихать. Он беспрерывно лил сутки напролет, заставив меня безвылазно сидеть в пещере. Мой пес давным-давно спрятался в кладовой и не высовывал оттуда носа. Я пошел его проведать, а заодно поужинать с ним вместе и хлебнул для бодрости рома.

Землетрясение и ливень задали мне новую работу — придется снова укреплять свод пещеры и рыть канавы для отвода дождевой воды… Уже укладываясь на ночь, я подумал, что если мой остров подвержен таким капризам природы, то оставаться здесь наверняка опасно. Случись землетрясение посильнее — и склон холма рухнет, похоронив меня заживо хоть в палатке, хоть в пещере. Нужно построить шалаш где-нибудь на открытом месте и огородить еще один участок — так же надежно, как и прежний. Если бы кто-нибудь мог знать, как горько мне было расставаться с тем, что я сделал своими руками, с какой тоской я смотрел на мое уютное гнездо и хозяйство, приведенное в полный порядок…

Но как только дождь прекратился, я начал подыскивать удобное место для нового пристани-

ща, при этом, однако, не оставляя и повседневных занятий. Мне не очень хотелось покидать свою крепость. К тому же, чтобы построить новую ограду и шалаш, перенести туда все имущество, потребуется много времени, а ночевать так или иначе придется здесь. Так что от шуток природы все равно не уберечься.

И еще одно обстоятельство мне досаждало: у меня затупились и зазубрились почти все инструменты.

22 апреля

Помимо дюжины ножей в моем хозяйстве было три больших топора и десятка три маленьких топориков, которые мы закупили в Бразилии для торговли с неграми. Имелось и точило, но использовать его в одиночку я не мог — кто-то должен был приводить в движение круглый точильный камень. Я долго ломал голову, как выйти из этого положения, пока меня не осенило. Смастерив из дерева колесо, я приспособил его так, чтобы с помощью ремня ногой приводить колесо в движение и вращать вал с точильным камнем, — при этом руки мои оставались свободными.

Целая неделя ушла у меня на это приспособление.

28 и 29 апреля

Заново наточил все инструменты; вышло как нельзя лучше!

30 апреля

Убедился, что запас сухарей подходит к концу. Постановил, как это ни прискорбно, ввести экономию — по сухарю в день.

1 мая

Утром решил пройтись по берегу в поисках съестного. Запасы провизии в моем погребе таяли, охота не всегда была удачной, поэтому я решил во время отлива поискать черепашьи яйца и съедобные водоросли. А если повезет — поймать краба или какую-нибудь рыбу.

Неожиданно я заметил крупный, издали похожий на бочку предмет, который лежал на берегу. Я подошел поближе — действительно, то был бочонок с подмокшим порохом. Рядом валялись корабельные обломки; вероятно, все это было выброшено на берег последней бурей. Присмотревшись, я увидел и самый остов нашего несчастного судна, который будто воскрес из небытия. По оголившейся во время отлива отмели я, сняв башмаки и подтянув повыше штаны, поспешил к тому, что прежде было кораблем.

Теперь его носовая часть, прежде глубоко уходившая в илистое дно, высоко поднялась, а корма полностью отломилась и была разбита волнами вдребезги. Остатки кормовой палубы были занесены песком так, что образовалась как бы песчаная отмель, и мне не пришлось пускаться вплавь, как это пришлось делать прежде. Такие перемены я объяснил последствиями землетрясения — оно не только подняло остатки судна к поверхности моря, но и встряхнуло их так, что волны подхватили и унесли к берегу различные предметы, находившиеся в глубине трюма.

Я и думать забыл о намеченном переселении на новое место. Мне не терпелось проникнуть во внутренние помещения корабля, но задача, к сожалению, оказалась не из простых. Это меня не остановило — я привык преодолевать трудности и не отчаиваться. Шаг за шагом я начал разбирать судно на части, зная теперь, что любая мелочь может пригодиться.

Глава 17
Сон. Продолжение дневника

3 мая

Сегодня захватил с собой пилу и лопату. Пробрался на палубу; для начала выгреб песок и отодрал доски. Распилил все, что мог, но закончить работу мне помешал прилив.

4 мая

Удил рыбу, однако ничего съедобного не поймал. Удочка у меня самодельная, леса — из пеньковой бечевки, но только один крючок. Тем не менее обычно рыбалка удавалась и я мог вволю лакомиться рыбой, в том числе и вяленой. Напоследок случайно поймал маленького дельфина и отпустил его в море.

5 мая

Как следует поработал на судне пилой. Оторвал от палубы три большие сосновые доски, связал их и переправил на берег во время прилива.

6 мая

Исследовал обломки корабля. Вывернул несколько болтов, надергал гвоздей — работа тя-

желая, но мне нужно железо. Возвратился домой вконец измученный. Может, бросить это дело?

7 мая

Все-таки снова пошел на берег и перебрался на судно, но не для работы, а просто взглянуть, как и что. Внутренность трюма заполняется песком и водой.

8 мая

Снова на корабле; взял с собой железный лом, чтобы взломать палубу, с которой песок почти смыло волнами. С помощью лома оторвал еще две доски и сплавил на берег обычным способом. Лом я спрятал на берегу, рассчитывая продолжить работу завтра.

9 мая

Выломал еще несколько досок и наконец-то сумел пробраться в трюм. Обнаружил наполовину ушедшие в песок запечатанные бочки. С помощью лома попытался их вскрыть, но без всякого успеха. Наткнулся также на рулон листового свинца и попробовал вытащить, но не сумел — не хватило сил.

10–14 мая

Снова работа на корабле. Теперь у меня на

берегу брусья, доски и больше центнера всевозможного железа.

15 мая

С помощью двух топориков попытался отсечь кусок свинца, приставив острие одного и ударяя обухом другого, как молотком; ничего из этого не вышло.

16 мая

Поднялся сильный ветер, на корабль я не смог попасть из-за прилива, потому что замешкался — ловил в скалах голубей на обед.

17 мая

В миле от дома нашел еще обломки судна; кроме мелких к берегу прибило кусок носовой части, но он так велик и тяжел, что я не смог его сдвинуть с места.

24 мая

Продолжаю по утрам усердно трудиться на корабле. Постепенно с помощью лома я раздвинул все предметы, стоявшие в трюме вплотную. Но в мое отсутствие во время прилива всплыли наверх несколько бочонков, а также два матросских сундука. Их унесло в открытое море. На берег выбросило лишь большой бочонок с остатками

бразильской солонины, подпорченной песком.

Я ходил на охоту только во время приливов, чтобы к началу отлива быть готовым возобновить работу на корабле. За три недели у меня образовалась такая гора дерева и железа, что впору было строить лодку. Кроме того, мне все же удалось отрубить и извлечь из трюма около центнера листового свинца.

17 июня

Вчера нашел на берегу крупную зеленую черепаху, а вблизи от нее — гнездо с кладкой яиц. Сегодня изжарил черепаху на углях; я никогда не пробовал такого нежного и вкусного мяса, ведь моей пищей были в основном дичь и козлятина. Принес домой и сложил в погреб свыше полусотни черепашьих яиц.

18 июня

Весь день шел дождь. Я не выходил и с утра до вечера провалялся в постели. Меня сильно знобило — должно быть, простудился, работая на ветру.

19 июня

Мне нездоровится, и хоть я укрылся всем, что нашлось в палатке, беспрестанно дрожу от холода, будто наступила настоящая зима.

20 июня

Ночью не сомкнул глаз ни на минуту — сильнейшая головная боль и озноб.

21 июня

Мое состояние становится все хуже, боюсь, я серьезно захворал. Что будет со мной, таким беспомощным? Повторял слова молитвы; мысли путались, во рту пересохло, не было сил даже протянуть руку к моей единственной оловянной кружке с водой. Озноб так силен, что стучат зубы.

22 июня

Немного полегче, но чувствую себя обессиленным и измученным.

23 июня

Все повторилось, особенно ужасная головная боль и изнурительная лихорадка.

24 июня

Отпустило!

25 июня

Полдня бросало то в жар, то в холод; приступ лихорадки закончился слабостью и испариной.

26 июня

Крепко проспав ночь, рано утром проснулся более бодрым. А поскольку у меня закончились запасы мяса, превозмогая слабость, отправился на охоту. Убил козу, едва доволок тушу домой. В моем состоянии полезен бульон, но сварить не в чем, у меня нет горшка. Изжарил кусок мяса, поел и свалился без сил в постель.

27 июня

Лихорадка возобновилась с такой силой, что я не мог и пальцем пошевелить. Меня мучила жажда, в кружке уже не было ни капли воды, но сходить за ней в погреб мне даже в голову не пришло — до того мне было худо. Я стонал и метался на постели до вечера, пока приступ не прошел. Мне нестерпимо хотелось пить, но подняться я не мог и только молил: «Господи, смилуйся надо мной!»

Под утро я наконец-то уснул. Мне приснился страшный сон.

Я сидел на земле за оградой в том самом месте, где спасался во время землетрясения. И так же, как тогда, смотрел на полное грозовых туч небо. Вдруг с мрачного черного облака прямо ко мне стала спускаться некая фигура. В руках у этой как бы озаренной огнем фигуры было копье, взгляд метал молнии, одежда вихрем клубилась у ног…

Земля подо мной задрожала, и от ужаса я закрыл глаза. А когда открыл, фигура, потрясая оружием, стояла рядом со мной и грозно восклицала: «Ты не раскаялся, так умри же!» Видение занесло копье, и я, весь в слезах, проснулся…

Обессиленный, я лежал, по-прежнему мучаясь жаждой, но голова моя уже не болела, сознание прояснилось, лихорадка, казалось, отступила. Я погрузился в размышления о своем необычном сне. Означал ли он, что смерть меня миновала, или это был какой-то иной знак?

Вся прошлая жизнь промелькнула передо мной, жизнь, полная ошибок, упрямства и несчастий. Я был воспитан в религиозной традиции, но никогда особенно не задумывался о Божьем гневе. Болезнь изменила меня и пробудила во мне сознание собственной вины: я горько упрекал себя за легкомыслие и эгоизм. Кроме того, я был просто глупым и неблагодарным человеком, потому что забыл о том, что моя жизнь находится не только в моих руках. Господь в очередной раз напомнил мне об этом и снова проявил беспредельное милосердие — я не умер!

Мне было гораздо лучше в то утро. Но я предполагал, что приступ лихорадки может снова свалить меня с ног в любую минуту, и решил под-

готовиться к его возвращению. Первым делом я отправился в пещеру, чтобы запастись водой и отрезать ломоть вяленой козлятины. Мутноватую воду я перелил в бутыль, добавил в нее четверть пинты рома и взболтал. Голода я не чувствовал, но все равно съел несколько кусочков мяса, запил водой и взбодрился настолько, что вышел наружу, развел костер и испек в золе на ужин три черепашьих яйца. Отнес все в палатку и снова улегся. Я ждал, что лихорадка вот-вот вернется.

Однако до вечера я спокойно продремал.

Поужинав и допив воду — жажда непрерывно терзала меня, — я рискнул спуститься к ручью и наполнить прохладной водой хотя бы бутыль. Несмотря на то что слабость меня не покидала, я, прихватив бутыль и ружье, добрался до берега моря и там присел. Перед моим затуманенным болезнью взором открылась безмятежная картина: море тихо плескалось, над ним с криками кружились чайки, солнце еще не зашло за горизонт. Я спросил себя: «Что такое этот прекрасный мир, который мне так знаком? Кто его создал и зачем? Кто я в нем? Ради чего живу? С какой целью Бог мне все это оставил?»

На обратном пути я вдруг вспомнил, что в Бразилии местные жители используют табак

как лекарство и что у меня в одном из сундуков лежат несколько пачек табака — и резаного, и листового. В кладовой я достал из сундука пачку листового табака, разделил ее на две части, чтобы одну половину залить ромом, настоять и выпить перед сном, а другую оставить на утро и, положив листья на угли, подышать табачным дымом. Кроме того, один лист я бросил в рот и пожевал; табак был страшно крепкий и сразу меня одурманил, но я, уходя из кладовой, все же не забыл прихватить свои плошки с фитилями и Библию.

Устроившись в койке, я попробовал читать, однако от слабости у меня дрожали руки и строки расплывались перед глазами. Я открыл Библию наугад и сумел разобрать лишь несколько слов, которые эхом отозвались в моем сердце: «Призови меня в день печали, и я избавлю тебя, и ты прославишь имя мое…»

Эти слова в точности подходили к моему положению.

Пришла ночь, от выпитой настойки у меня закружилась, а потом отяжелела голова, и я, не успев погасить светильники, провалился в крепкий сон. А когда проснулся, то еще долго лежал, прислушиваясь к себе: надвигается приступ болезни или нет? Но никаких признаков лихорадки

не было…

Не знаю, сколько я проспал. Когда же выбрался на свет Божий и посмотрел на солнце, то понял, что было около трех пополудни. Я был бодр, зверски голоден и счастливо, словно дитя, улыбался. Это произошло 29 июня.

Глава 18
Первое путешествие по острову

30 июня

Кажется, я полностью здоров. Выбрался на охоту, но все же старался не отходить от дома далеко. Убил морскую птицу, похожую на казарку, и не решился употребить ее в пищу. Обедал черепашьими яйцами. Перед сном повторил то же лекарство, только не пил так много настойки и не вдыхал табачного дыма. Наутро почувствовал себя хуже: опять знобило, хоть и не так сильно, как прежде.

2 июля

Снова лечился табаком во всех видах, увеличил порцию настойки. Отлеживался.

3 июля

Приступов больше нет, но болезнь окончательно отступила лишь спустя несколько недель. Читал Библию.

4–11 июля

Немало времени провел на охоте, впрочем, безуспешно. Я брожу слишком близко от дома,

потому что еще слаб. Лечение табаком, видимо, помогает, но я бы его никому не посоветовал: табак и впрямь способен остановить лихорадку, это правда, однако он лишает человека сил, награждает судорогами и нервной дрожью. Всему виной сырая дождливая погода…

Моя жизнь на острове снова налаживалась, хотя печальные мысли о моей злосчастной судьбе не покидали меня. Надежды на спасение больше не было никакой. Мало-помалу я снова привел хозяйство в порядок и тогда же обнаружил, как подросли и налились колосья на лужайке под холмом. Это натолкнуло меня на мысль о том, что пора бы как следует изучить мой остров. Ведь я не знал ни растений, ни животных, ни птиц, обитающих в моих владениях, и не всегда мог понять, какие из них годятся в пищу, а какие нет.

15 июля

Рано поутру я начал свое первое путешествие — отправился к той бухточке, где причаливал со своими плотами. В нее впадал широкий и шумный ручей. Пройдя вдоль извилистого русла пару миль вверх по течению, я обнаружил, что вода там пресная и чистая, — значит, прилив туда уже не достигает. Местами ручей мелел, но по его берегам раскинулись луга, покрытые влаж-

ной изумрудной травой, а на возвышенностях, где было посуше, рос дикий табак, над которым кружились колибри. Я хотел отыскать кассаву[5], из клубней которой индейцы пекут лепешки, однако не нашел. Зато повстречал агаву — растение, похожее на африканское алоэ; по своему невежеству я не знал его свойств. Немало прожив в Африке и Бразилии, я не нашел ни времени, ни желания поинтересоваться тамошней флорой и теперь горько жалел об этом. Здесь росли всевозможные пальмы, тростник, похожий на сахарный, и бамбук, но толку от этого не было, так как я опасался ядовитых растений.

---

[5] Сноски: 5

Кассава, или маниок съедобный — род растений семейства молочайных. Возделывается для получения крахмала, который затем перерабатывается в крупу.

Глава 19
Райский уголок

16 июля

Назавтра я вновь отправился той же дорогой. Миновал участок саванны, добрался до истоков ручья и вышел к мелколесью. Здесь я встретил дынное дерево — папайю, как называют его бразильцы, и нарубил его листьев, чтобы использовать их для приготовления мяса. Даже самая жесткая дичь, завернутая в листья папайи, часа через два становится нежной, как молодой ягненок. Меня поразило обилие виноградных лоз в этой части острова, но, зная, что свежий дикий виноград в больших количествах вредит желудку, я решил собрать его, высушить и сделать из него изюм.

В этот вечер я впервые не стал возвращаться домой и заночевал вдалеке от своей крепости. У меня гудели ноги и ныли плечи от тяжести ружья и поклажи, состоявшей из бутыли с питьевой водой, запаса еды, ножа, топорика и собранного винограда. Как и в ночь кораблекрушения, я устроился в развилке могучего дерева и отлично

там выспался.

С утра я снова продолжил путешествие.

Пройдя в северном направлении около четырех миль, я свернул на запад. Передо мной внезапно открылась долина, похожая на райский сад. И хоть сердце мое щемило от грусти, я был полон тайного ликования: ведь на самом деле я — единственный хозяин всего этого великолепия! Британский лорд, владеющий родовым поместьем… Здесь высились королевские и кокосовые пальмы, пальма маурикия, которую высоко ценят индейцы; рощи плодовых деревьев, кактусы, орхидеи и множество совершенно неизвестных мне растений. Из них я знал только авокадо. Сорвав темно-зеленый плод, похожий на грушу, я с удовольствием его съел. Осторожно срезал другой плод, видом напоминающий крупный ананас без кожуры, рассек пополам — внутри на снежно-белой мякоти чернели семена, на вид вроде арбузных. Понюхал: незнакомый плод имел аромат земляники, а на вкус напоминал подслащенный лимон. Он наверняка был съедобен, и я решил набрать этих плодов, а также авокадо и винограда.

Мне захотелось поселиться в чудесной долине, но я оказался бы слишком далеко от моря. Поэто-

му я оставил свой урожай на земле и отправился назад, прихватив лишь небольшое количество щедрых даров природы.

19 июля

В пути мой виноград помялся; уцелевшие гроздья я развесил сушить. То же самое я сделал, придя утром следующего дня за своим урожаем в долину. Я взял с собой мешки, но сразу понял, что виноград мне до дома не донести, так как нижние гроздья будут раздавлены тяжестью верхних. Я выбрал солнечное местечко и устроил сушильню в надежде через некоторое время получить готовый изюм. Остальные съедобные плоды были переправлены в мой погреб.

Все чаще я подумывал о том, чтобы перебраться сюда, но рассудок подсказывал мне иное. Смущали меня не только отдаленность от побережья, но и то, что всякий раз, оставляя собранные плоды на земле, на следующее утро я находил их растоптанными и изгрызенными зубами неизвестных мне обитателей долины…

Однако же мне до того полюбилось это место, что я провел тут в трудах почти весь конец июля. Построил себе шалашик, оградил двойным частоколом высотой в четыре фута, соорудил приставную лестницу. В общем, обезопасил себя,

как и в старом жилище. Иногда я оставался тут на несколько дней подряд; теперь, посмеивался я, у меня есть резиденция на берегу моря и поместье в волшебной долине.

Когда в августе начался дождливый сезон, мне пришлось вернуться домой — в мою крепость под холмом. Безусловно, я мог бы накрыть шалаш парусиной и утеплить его, но здесь не было ни холма, надежно защищавшего мое жилище от ветра, ни пещеры на случай продолжительных проливных дождей.

3 августа

Весь виноград, собранный в долине, отлично высох. У меня получилось до двухсот больших гроздьев превосходного изюма, которые я снес в погреб. И вовремя: с середины августа по октябрь дожди лили почти непрерывно. Иногда они превращались в настоящие водопады, и я по нескольку суток не высовывал носа из пещеры.

Тогда же произошло удивительное событие.

Одна из моих кошек давно сбежала; я решил, что она погибла, и долго сокрушался по этому поводу. Вторая затосковала и вскоре околела — они были сестрами и очень ладили друг с другом, забавляя меня. И вдруг эта беглая кошка вернулась ко мне в пещеру, да не одна, а с тремя котята-

ми вполне европейской внешности. Я видел на острове животных, похожих на диких котов, но никак не предполагал подобного поворота событий. От этих трех котят впоследствии развелось несметное потомство, такое шумное и прожорливое, что порой мне даже приходилось жалеть, что когда-то я спас наших кошек с корабля.

Избегая сырости, я не выходил из убежища, хотя понимал, что пора добывать себе пропитание. Выбрался всего дважды: в первый раз убил козла, а во второй, 26 августа, нашел на берегу огромную черепаху. Мое меню в это дождливое время было простым и питательным: завтрак — изюм, на обед — кусок жареной козлятины или черепашьего мяса, фрукты; ужин состоял из черепашьих яиц.

Чтобы не сидеть без дела во время дождей, я занялся своим тайным подземным ходом, расширил его, укрепил и сколотил из досок дверь, которая изнутри запиралась на деревянную щеколду. Теперь я мог возвращаться домой с любой ношей, не пользуясь лестницей.

30 сентября

Ровно год, как я попал на остров. Я спустился на берег к своему календарю и посмотрел на последнюю зарубку. «Сколько еще дней и ночей

предстоит мне тут провести?» — печально подумал я. Горизонт был все таким же пустынным. Однако сердце мое не покидали вера, воля к жизни и готовность преодолеть любые трудности.

Глава 20
Завершение дневника

Чернил оставалось все меньше, и я пришел к выводу, что записывать нужно только самые значительные события.

Заметив, что в этих широтах дождливое время года чередуется с засушливым, я сделал выводы, которые, к сожалению, не помогли мне избежать ошибок. У меня был небольшой запас семян ячменя и пшеницы, и вот, дождавшись окончания дождей, я решил их посеять. Задумано — сделано. Я вскопал своей неуклюжей лопатой клочок земли, разделил его пополам и занялся сельскохозяйственной деятельностью. Всех семян я не использовал, оставив по горсточке и тех, и других. И хорошо, что я поступил именно так — из первого моего посева ни одно зерно не взошло, потому что наступила долгая жара. Я поливал свое поле родниковой водой, однако все было без толку. До следующей весны не показалось ни одного ростка.

Сбереженные семена я посадил в другом, более низком и влажном месте, и они дали обильный

урожай. Но, поскольку и в этом случае я отложил четвертую часть семян про запас, сбор оказался не велик. И все же начало было положено. В то же время — а это было примерно в ноябре — я наведался на мою «дачу» в долине и обнаружил, что колья ограды, срубленные в ближайшей рощице, пустили побеги наподобие ивы и мой частокол зазеленел. Я аккуратно подровнял его, и в течение трех лет он так разросся, что из зелени получился шатер, дающий густую тень. Это подсказало мне посадить такие же деревца внутри моей старой крепости, что я и сделал, отступив на восемь ярдов от частокола. Саженцы принялись, и эта живая изгородь укрыла меня от палящих лучей солнца и сослужила мне добрую службу, о чем я впоследствии расскажу.

Пользуясь собственными наблюдениями, я составил календарь, обозначив там дождливые и сухие месяцы. Это мне пригодилось для выращивания хлеба. И не только. Заранее зная, как пагубно действует на здоровье сезон тропических дождей, я заблаговременно запасался водой и провизией, ведь мне приходилось подолгу находиться в пещере.

В зависимости от направления ветров дожди заметно отличались: они были то проливными,

то короткими, а порой между ними по нескольку дней сияло солнце. Мне по-прежнему не хватало многих вещей в моем хозяйстве, и, сидя взаперти во времена штормов, я использовал вынужденное заточение для занятий ремеслом. Так, к примеру, я не единожды пытался сплести корзину, однако всякий раз мне недоставало подходящих прутьев. Я знал, как это делается, — еще в детстве мне часто доводилось наблюдать за работой соседа-корзинщика. Он был в приятельских отношениях с моими родителями, и матушка меня к нему отпускала. Я не только с любопытством следил за работой проворных рук старика, но и помогал ему. Поэтому вся загвоздка была в материале.

Так продолжалось до тех пор, пока мне не пришла в голову мысль: а не подойдут ли для корзины гибкие ветки тех деревьев, которые я использовал для живой изгороди? Ведь в Европе корзины и короба плетут из липового лыка, бересты, лозы или побегов ивы, на которую мои деревца очень похожи. Отправившись в очередной раз в долину, я нарезал целый ворох прутьев и впоследствии делал это не раз, пополняя запасы материала. Когда же на остров обрушились ливни, я начал плести корзины. У меня их по-

лучилось много — больших и средних, совсем маленьких — для семян, ровных и кособоких. Но это ничего не значило, ведь за красотой я не гнался, главное — в них прекрасно и удобно хранилось что угодно, включая зерно.

После этого пришлось решить еще пару задач. Кроме бочонков, бутылок и бутылей, в которых я хранил ром и питьевую воду, у меня не было никаких емкостей. Долгое время я жил без посуды, мне не в чем было сварить суп или бульон, мясо или яйца. У меня имелся здоровенный корабельный котел, но он не годился для приготовления еды, по которой я соскучился. А я был совсем не против отведать тушеных овощей или мяса с подливой… Еще я мечтал разжиться курительной трубкой, пока в конце концов не придумал, чем ее заменить.

Когда закончились дожди и наступила ясная погода, я отправился в очередное путешествие по острову. Взяв с собой ружье, запас пороха, дроби и пуль, топорик, из еды — изюм и пару сухарей, я свистнул свою собаку и двинулся в сторону ручья. Мне хотелось обследовать его противоположный берег, где я до сих пор еще не бывал.

Дойдя до моего шалаша в долине, скрытого за тенистой изгородью, я свернул на запад. Через

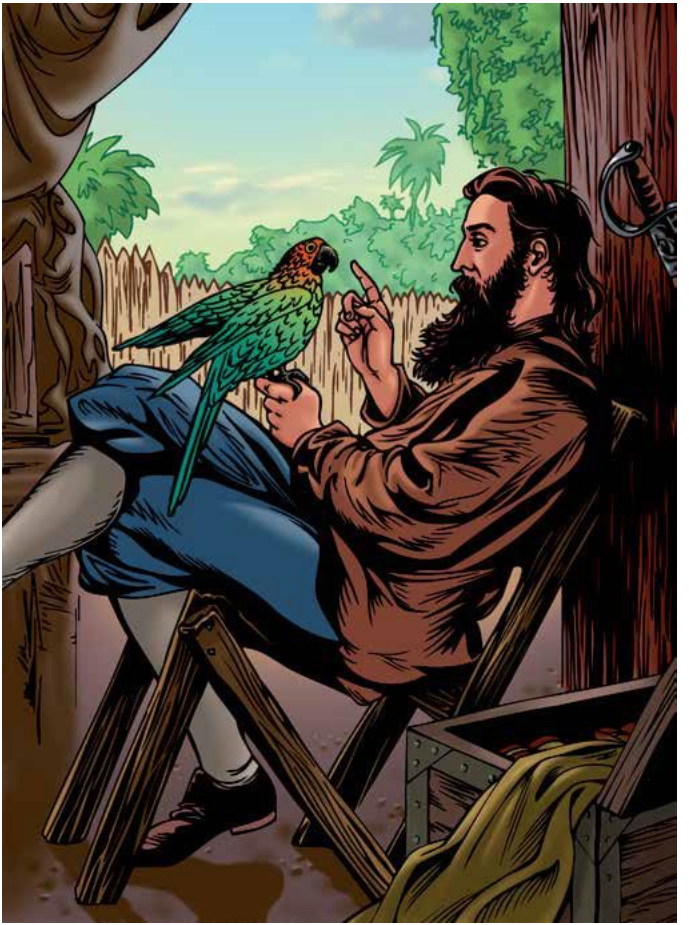
полчаса долина осталась позади, начался подъем, и вскоре я увидел сверкающую под яркими лучами солнца голубизну моря. Я поспешил в ту сторону, и уже через несколько минут передо мной открылся широкий морской простор, хотя при этом я хорошо различал землю на горизонте, но не мог понять, материк это или еще один остров. Земля тянулась с запада на юг и находилась довольно далеко — на глаз милях в сорока, если не дальше. Смутно проступали очертания какого-то высокого плоскогорья.

«Бог мой, — подумал я, — а что, если это какая-нибудь часть Америки, населенная дикарями? Что стало бы со мной, попади я туда? Да ведь мой безлюдный остров и в самом деле рай...»

Эта мысль утешила меня, к тому же во мне вновь проснулась надежда. А вдруг на далеком побережье находится испанская колония, и тогда рано или поздно я увижу какой-нибудь проплывающий мимо корабль, который меня подберет. Но если это не так и белых людей там нет, а есть одни свирепые дикари, моя безопасность выглядит очень сомнительной.

Глава 21
Клетка для попугая

Размышляя о своем открытии, я не спеша продолжал разведку. Эта часть острова показалась мне гораздо привлекательнее, чем та, где я поселился. Вокруг было зеленее, ярче — везде, куда ни посмотришь, сочные луга, густые рощи, голубое небо. В ветвях деревьев переговаривались пестрые попугаи, да так громко и живо, что мне захотелось поймать какого-нибудь. Я весь взмок, гоняясь за птицами, а пес мой веселился, распугивая их радостным лаем; наконец мне удалось взять одного в плен. Это оказался птенец гиацинтового ара, которого я благополучно принес домой, приручил и добился, чтобы попугай стал звать меня по имени. Замечу, однако, что для этого понадобилось несколько лет…



Прогулкой своей я остался доволен. В травянистых низинах попадалось большое количество зверьков с блестящим красноватым мехом, уже знакомых мне; гораздо позже я узнал, что их называют золотыми зайцами, иначе — агути. Видел я животных, похожих на лис и на небольших кошек с тигровой окраской. Тратить на них порох было пустым занятием — я догадывался, что в пищу они не годятся.

Я прошел около двух миль, если считать по прямой, но столько кружил, высматривая все новое, что до дома добрался совершенно обессилевшим.

Тем не менее в последующие дни я повторял и повторял свои походы, все чаще оставаясь на ночлег в лесу. Спал я в таких случаях на дереве, но иногда устраивался прямо на траве, огородив себя кольями; собака всегда была со мной и чутко отзывалась на приближение любого дикого зверя.

Однажды, выбравшись к берегу моря, я окончательно убедился, что избрал далеко не самое лучшее место для жизни. Там за полтора года мне удалось поймать всего трех черепах; здесь же их было несметное множество. А какое тут было разнообразие птиц! Я не знал почти ни одной, но

мясо тех, что я подстрелил, оказалось на удивление вкусным. Можно было бы продолжать охоту, но я решил поберечь порох. И хоть эта часть острова мне приглянулась, я так и не решился покинуть свою крепость. Пройдя по побережью еще с десяток миль, я повернул назад, к дому, оставив на последнем рубеже моего путешествия метку, — чтобы в следующий раз достигнуть этого места, обойдя остров с востока.

По глупости и самонадеянности я решил возвращаться домой именно так — по восточному берегу. «Площадь моих владений невелика, — беспечно думал я, — разве можно здесь заплутать? В крайнем случае взберусь на гору и сразу увижу, где находится мое жилище, — сверху палатку видно издалека». При этом я начисто забыл, что моя крепость расположена под крутым склоном холма, а значит, увидеть мне ничего не удастся.

Пробираясь по скалам, я к вечеру спустился в незнакомую широкую долину, где мне пришлось заночевать. С восходом солнца я отправился в путь, однако вскоре окончательно заблудился, потому что дальше тянулись бесконечные крутые холмы и густые рощи, похожие одна на другую. Вторую ночь я провел на дереве без сна под вой и хохот каких-то тварей; пес мой внезапно исчез в

неизвестном направлении. Наутро я обнаружил собаку мирно спящей под кокосовой пальмой. Погода стояла пасмурная, душная, при мне было тяжелое снаряжение, и мы с моим псом в конце концов снова вышли на берег моря. Здесь я и воткнул высокий шест в горячий песок. Оттуда я вернулся домой уже знакомой дорогой…

Мое старое убежище встретило меня тишиной и покоем.

Еще на обратном пути в одной из долин я приметил безмятежно пасущееся стадо коз. Пес бросился вниз и отбил от стада козленка, которого я забрал с собой и довел на веревке до шалаша. Оставив животное на ночь за оградой, я перебрался через частокол и поспешил лечь в постель, так как совершенно обессилел. Признаться, я тотчас забыл о нем, а с утра сразу же занялся неотложными делами: приготовлением пищи, уборкой, столярными работами — одним словом, поддержанием того порядка жизни, который завел. Мой шалаш казался мне верхом благоустройства, я отъедался после трудного путешествия, отдыхал и мастерил клетку для попугая, который уже начал ко мне привыкать.

И тут я вспомнил о несчастном малыше.

Я нашел козленка привязанным к колышку

у шалаша и полумертвым от голода и жажды. Трава повсюду, куда он мог дотянуться, была выщипана подчистую. Я сразу же напоил бедное животное, нарубил нежных побегов с ближайших деревьев и, перерезав веревку, отпустил. Я думал, что козленок, утолив голод, сразу убежит, но он доверчиво подошел ко мне и лег в тени у моих ног. С тех пор я всегда сам кормил его, и козленок сделался совсем ручным. Так было положено начало моему животноводству.

Вскоре подоспела дождливая пора осеннего равноденствия, и снова тридцатого сентября я отпраздновал печальную годовщину моего заточения на острове — уже вторую. Мне вспомнилась прежняя жизнь, полная упрямства, себялюбия и отвратительных поступков, и я понял, что, к счастью, уже не чувствую себя тем человеком, который их совершал. Мои радости и горести, удовольствия и огорчения, заботы и отдых стали совсем иными, чем тогда. Еще год назад я не переставал думать о своем несчастном положении. Меня не покидало отчаяние. Теперь эти чувства потеряли остроту, я научился ценить и любить свою жизнь.

Глава 22
Пугало

Мне редко случалось оставаться без дела; весь мой день был рассчитан по минутам и заполнен всевозможными занятиями: охотой, стряпней, столярными работами, расчисткой территории, починкой одежды и многими другими мелочами. Не забывал я читать по воскресеньям свою Библию.

Наступил декабрь — время моего первого урожая. И хоть участок был невелик, ячмень и пшеница взошли дружно. Я радовался плодам моих усилий до тех пор, пока не обнаружил, что снова рискую все потерять. И дело было не в засухе. На мое поле повадились грызуны, опустошая его из ночи в ночь. Зверьки, похожие на зайцев, так обнаглели, что, не боясь ни меня, ни моего пса, ни дневного света, все чаще шуршали в молодых побегах, пока не привели меня в полное отчаяние.

Существовало единственное средство — защитить ростки от набегов прожорливых разбойников частой и достаточно высокой оградой.

Пришлось потратить целых три недели на то, чтобы изгородь получилась прочной. Днем я отпугивал разбойников стрельбой, а на ночь привязывал к ограде пса. Это дало результат: пшеница и ячмень благополучно поднялись и заколосились.

Но на смену грызунам явились птицы. Их были несметные тучи. И сколько я ни палил из ружья, ни кружил вокруг частокола, свистом и криками отпугивая пернатых, все было без толку. Окончательно выйдя из себя, я подстрелил парочку птиц покрупнее, подвесил их на шест и воткнул это пугало в землю посреди поля. Я не очень рассчитывал на свою затею, но случилось невероятное: отныне птицы не только не приближались к колоскам, но и вовсе покинули участок, улетев прочь. Мои пшеница и ячмень были спасены, и к концу декабря я снял весь урожай.

Для жатвы, не имея серпа и косы, я использовал саблю, найденную на корабле вместе с другим оружием. Я срезал только верхнюю часть стеблей, складывал колосья в большую корзину и уносил с поля в пещеру. Когда все было собрано, я перетер колосья руками, чтобы отделить зерно от

мякины. В результате получилось два бушеля[6] пшеницы и около трех бушелей ячменя.

Отложив часть урожая для посева, я задумался о том, как поступить с остальным. У меня не было никакой возможности смолоть, просеять или испечь хлеб из моего драгоценного зерна. Поэтому я принял решение не трогать урожай этого года, оставив его весь на семена, а тем временем что-нибудь изобрести. Правда, пару пшеничных лепешек я все-таки попытался испечь, но они вышли грубыми, корявыми и полусырыми…

Воодушевившись, я задумал вырастить хлеб на самой большой площади, какую только смогу обработать, засеяв ее всем имеющимся зерном, а также обнести поле живой изгородью, которая защитит его от птиц и палящего солнца. Для осуществления этой цели я должен был сберечь свой урожай и подготовить инвентарь. У меня уже был опыт, но, к сожалению, отсутствовали подходящие орудия производства. Мне нечем было боронить землю, не было плуга для вспашки, а единственная моя лопата находилась в плачевном состоянии.

---

[6] Сноски: 6

Бушель (англ. *bushel*) — единица объема в английской системе мер. Применяется для измерения сыпучих веществ. 1 бушель — 36,3687 литра.

Однако я с упорством и прилежанием принялся за дело.

Глава 23
Гончарное ремесло

Я вскопал деревянной лопатой два больших участка земли под холмом, засеял их пшеницей и ячменем и окружил свое поле небольшой посадкой — со временем она должна была превратиться в живую изгородь. Эта тяжелая работа заняла у меня почти три месяца.

А пока шли дожди и невозможно было даже выглянуть наружу, я перебрался в свою кладовую, где лепил из глины домашнюю утварь и забавлялся беседами с попугаем. Тот уже знал свое имя: слово «Попка» было первым, которое я услышал на острове не из собственных уст. Попугай скрашивал мое одиночество, он оказался подвижной, смышленой, иногда сердитой, но в основном весьма компанейской птицей.

Заняться гончарным ремеслом я подумывал давно. Для этого нужно было отыскать подходящую глину, а уж затем налепить посуды, хотя бы отдаленно похожей на горшки и миски. Без горна для обжига я, пожалуй, мог обойтись — жар солнца заменил бы его. Но где найти достаточное

количество хорошей глины?

Наконец я обнаружил то, что мне требовалось, в промоине под склоном, куда стекала дождевая вода. Для начала я решил изготовить кувшин для хранения зерна. Боже мой, сколько извел я глины на этот первый опыт! Какие странные и уродливые создания выходили из моих рук, какое количество горшков и кувшинов развалилось прямо на глазах и растрескалось, если я передерживал их на солнце! Мне понадобилось два месяца, чтобы кое-как состряпать пару объемистых сосудов, лишь отдаленно напоминавших кувшин.

Но и это была победа! Когда глина затвердела и мои изделия высохли, я бережно, словно они были сделаны из тончайшего венецианского стекла, перенес их в пещеру и установил в заранее сплетенные круглые корзины. Пустое пространство между стенками кувшинов и корзин я заполнил соломой, решив, что здесь будет храниться зерно нового урожая. Вскоре дело пошло на лад: мелкая глиняная посуда, все эти миски, кружки, горшочки, получились после обжига на солнце хоть куда.

Однако я стремился к большему. Мне был нужен глиняный котелок, настолько прочный,

чтобы он выдерживал огонь: я мечтал сварить настоящий суп… Как-то раз, поджарив на ужин кусок мяса, я начал гасить костер и разворошил угли. Под ними я обнаружил черепок давно разбитого горшка. Он казался необыкновенно прочным и походил на обломок кирпича. Это открытие подсказало мне, что необходимо построить что-то вроде печи для обжига горшков.

Для начала я не придумал ничего лучшего, как поставить несколько сосудов разной величины на большую кучу золы, обложить поленьями, поджечь и бдительно следить, чтобы они не растрескались. Для этого нужно было точно рассчитать нужное количество дров, что мне и удалось — все горшки остались целыми, когда дрова прогорели. Такую операцию я повторил раза три-четыре.

Теперь у меня было несколько кастрюль и котелков, пусть даже и немного необычной формы. Стоило ли удивляться — ведь я был похож на неумелую стряпуху, впервые взявшуюся испечь пироги из заквашенного теста… Да что там говорить — я едва дождался, пока мои горшки остынут. Все получилось, и я тут же сварил бульон из птицы, добавив туда кореньев и горстку очищенной пшеницы.

Затем пришло время ступы, чтобы измельчать в ней зерно в муку. Это было проще, чем гончарное ремесло, но задача оказалась не менее трудоемкой. Прежде всего я отыскал крепкий пень и топором вырубил из него колоду. Из нее я вытесал деревянную чашу той формы, которая мне казалась подходящей, а затем выжег сердцевину — так южноамериканские индейцы делают свои лодки, — получив таким образом углубление. Покончив с этой работой, я отправился искать бакаутовое дерево, чтобы изготовить пест. И с этим все удалось как нельзя лучше. Отныне у меня были вместительная деревянная ступа и тяжелый пест. На очереди стояло сито для очистки муки от мякины и мусора.

И тут я зашел в тупик, больше месяца ломая голову над тем, из чего изготовить эту столь необходимую вещь. Белье мое совершенно истрепалось, тонкие сорочки давно пришли в негодность; у меня была козья шерсть, однако прясть я не умел, а уж ткать тем более. Наконец я вспомнил, что в матросском сундуке лежат без дела несколько шейных платков из муслина — тонкой индийской ткани. Воспользовавшись этими платками, я сделал три небольших сита, и они служили мне на протяжении нескольких

лет.

К наступлению сезона тропических циклонов я соорудил в пещере, ближе к внешней стене, очаг. Он представлял собой углубление в земляном полу, обложенное плоскими камнями. У меня всегда имелся солидный запас сухих дров, а дым от очага уходил через вход в пещеру. Я приготовил несколько больших, достаточно широких, но мелких глиняных блюд, хорошо обожженных на огне, и спрятал их в кладовой. Кроме того, я вылепил из глины несколько четырехугольных плит и обжег их так, что они стали прочнее кирпича. Когда пришла пора печь хлеб, я развел огонь в очаге, дал поленьям прогореть и палкой разровнял угли, чтобы очаг раскалился. Сверху я положил свои плоские «кирпичи», а на них — раскатанное тесто. Затем накрыл все глиняным блюдом и засыпал жаром. Мой хлеб испекся как в настоящей пекарне. Лепешки у меня получались также отменные, лишь до пирогов руки не доходили — не начинять же их козлятиной…

На всю эту работу — гончарство, устройство очага и печи для хлеба — ушел весь третий год моей жизни на острове. Я уже не говорю о прочих хозяйственных заботах и охоте. Урожай ячменя и пшеницы я собрал своевременно и перенес в

корзинах в самое сухое место пещеры. На этот раз он оказался так велик, что для зерна не хватило места. Это вынуждало меня начать строительство амбара, однако я отложил это до лучших времен.

Теперь я мог, нисколько не скупясь, использовать зерно, тем более что сухари с корабля давно кончились. Охотился я, как и прежде, регулярно, хотя запасы пороха были уже не так велики, как мне бы хотелось. Я подсчитал: сорока бушелей зерна мне должно хватить для пропитания ровно на год. Поэтому я решил отныне сеять пшеницу и ячмень в таком же количестве, как и в прошлый раз — ни больше ни меньше.

Глава 24
Пирога

На протяжении всего этого года я часто вспоминал о земле, которую видел с противоположного берега моего острова. Отчего не попробовать добраться туда, думал я, и мысль эта прочно засела в моей голове.

Вот когда в моих воспоминаниях снова и снова всплывала широкая улыбка моего приятеля Ксури и наш вместительный баркас с косым парусом; будь у меня такой, я бы и до Бразилии добрался… В один из дней я отправился взглянуть на корабельную шлюпку, на которой экипаж нашего корабля так несчастливо пытался спастись во время злополучной бури.

Шлюпка лежала в нескольких милях от моего убежища — там же, куда ее выбросило море. Прибоем суденышко вынесло на песчаный пляж довольно далеко от берега и перевернуло вверх килем. Оно почти не пострадало, и если бы удалось его починить, у меня появилась бы возможность…

Глупец! Я потратил три недели на бесплодные

усилия: сначала я пытался перевернуть шлюпку, а затем пробовал дотащить ее до края воды, хотя мог легко сообразить, что с подобной задачей мне в одиночку не справиться. И все же я нарубил в лесу толстых жердей, которые должны были служить рычагами, вытесал два катка и перенес все это на отмель.

Но сколько я ни тужился, сколько ни кружил вокруг шлюпки, то так, то эдак пытаясь с помощью жердей ее перевернуть, она стояла как вкопанная! Однако упрямство меня не покидало: я начал копать и отбрасывать песок с одного борта, подложив под него жерди, чтобы лишенная опоры шлюпка перевернулась сама. Трудился я как безумный. Тяжелая лодка наконец дрогнула, сдвинулась с места и с грохотом встала на киль; я поспешно отскочил, отирая грязной рукой пот со лба.

И что из того? Все равно я не мог даже сдвинуть ее с места, и уж тем более — даже представить себе невозможно! — перетащить к полосе прибоя.

Совершенно измотанный, я отправился домой, но мое желание пуститься в плавание не только не прошло, но еще больше окрепло.

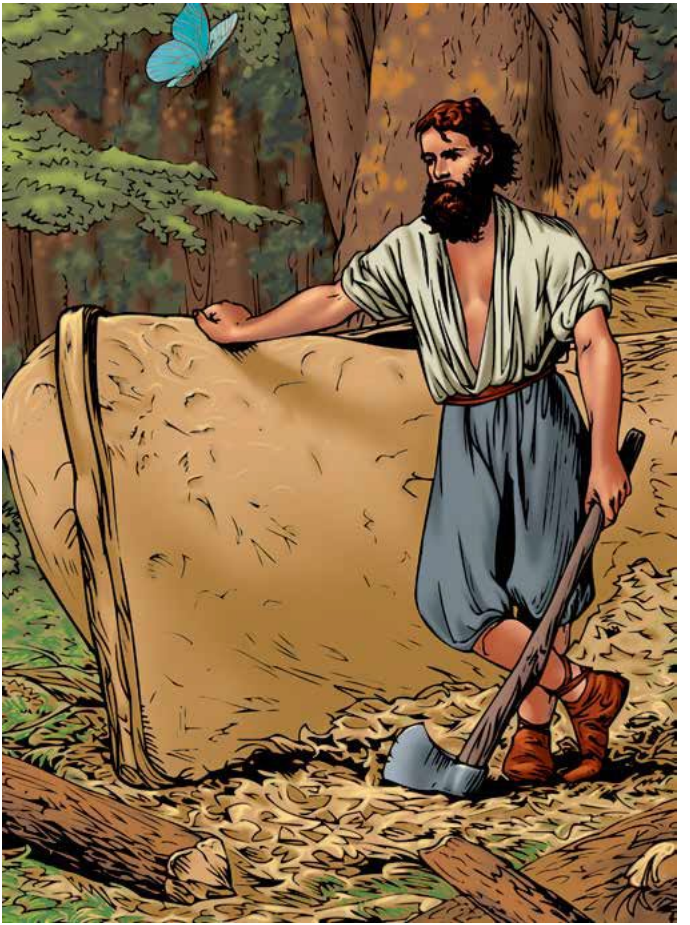
План возник сразу — нужно самому смастерить лодку. Ведь строят же туземцы свои пироги почти

голыми руками, а я нахожусь в гораздо лучшем положении, чем дикари. У меня в наличии самые разнообразные инструменты, дерево я выберу самое лучшее, все рассчитаю как полагается… да и без всего этого можно обойтись при желании… Мне казалось, что мой план, с виду легкий и простой, вполне осуществим, и я с такой страстью предавался фантазиям, что совершенно упустил из виду вопрос: а как спускать на воду мое судно? Мне даже не пришло в голову, что гораздо легче провести лодку, изготовленную из цельного ствола большого дерева, полсотни миль по морю, чем ее же протащить пятьдесят ярдов по суше до кромки воды.

Одним словом, здравый смысл меня покинул и я с воодушевлением принялся за работу, рассуждая примерно так: «Сперва сделаю лодку, а уж затем найду способ переместить ее к морю…» Первым делом, прихватив инструменты, я отправился на поиски подходящего дерева.

Мне повезло: я сразу нашел великолепную кедровую сосну — думаю, подобной не было даже у царя Соломона, строившего Иерусалимский храм из ливанского кедра, — однако мне пришлось затратить нечеловеческие усилия, чтобы одолеть это дерево. Три недели ушли только на то, чтобы

подрубить ствол и повалить кедр на землю, еще две понадобились, чтобы отделить от него верхушку и сучья, а затем целый месяц я обтесывал могучий кряж, придавая ему форму пироги. Еще три месяца я выдалбливал лодку плотницким инструментом, отказавшись от выжигания сердцевины огнем.



Когда я закончил, моя благородная красавица пирога лежала на боку в лесу на пригорке, уподобившись остроносому голландскому башмаку-сабо. Отсюда до моря было более ста ярдов, и я был готов преодолеть любые трудности, только бы добраться до воды. В первую очередь я принялся снимать дерн и лишнюю землю, чтобы получился отлогий спуск, ведущий к бухте. Работа была каторжная, но я утешался мыслью о свободе, внушая себе, что просто так никому она не достается. Когда, по моему мнению, все было готово, труд мой оказался напрасным. История со шлюпкой повторилась: я не смог сдвинуть с места свою пирогу ни на дюйм.

Чуть не плача от бессильного отчаяния, я бросился рыть канал, ведь если лодку невозможно доставить к морю, то пусть тогда вода придет к ней сама! Но, копнув несколько раз, я остановился, окинул печальным взглядом большую пирогу, победоносно задравшую нос к небу, и горько усмехнулся. Горячность моя остыла; подсчитав в уме глубину и ширину канала, а также объем грунта, который может вырыть за день один землекоп, я понял, что мне понадобится добрый десяток лет для этой работы. Так и осталась моя первая пирога стоять на краю склона…

Наступила четвертая годовщина моей жизни на острове. Я встретил ее трудом и молитвой. Вечера я проводил в компании моего пса, попугая и гулящей кошки с многочисленным выводком. Как обычно в это время, шел дождь и пахло ванилью — где-то поблизости зацвел лунный кактус, чьи цветки распускаются и увядают за одну ночь. После казуса с пирогой гордыня моя пошла на убыль, поскольку я понял, что не надо желать большего, чем Господь дал тебе на сегодняшний день. Да и чего мне было желать, если я уже почти ни в чем не нуждался?

Глава 25
Мысли о вечном и временном

Я был хозяином острова и единовластно распоряжался целым царством. У меня не было ни врагов, ни завистников, как и не было искушений. Я сеял хлеб и добывал дичь ровно столько, чтобы хватало мне и моим животным. На острове водилось множество черепах, однако я лишь изредка убивал по одной, чтобы полакомиться нежным мясом. Здесь было столько леса, что можно было бы построить целый флот, и достаточно винограда, чтобы наполнить трюмы этих судов вином и изюмом… Но я ценил лишь то, что доставляло мне удовольствие и давало возможность чувствовать себя здоровым и бодрым. Причем в таких количествах, сколько требовалось для безмятежного состояния духа. Мне помогали в этом природа, труд, опыт и долгие размышления в одиночестве.

Иногда, глядя на горстку золота и серебра, взятого в капитанской каюте на корабле, я спрашивал себя: зачем этот ненужный хлам? Я готов все до гроша отдать за десяток трубок для

табака или ручную мельницу, чтобы молоть выращенное мною зерно. Мне бы не помешали шестипенсовый пакетик семян репы или моркови, пригоршня гороха или бобов. А уж половину серебра я бы точно заплатил за бутылочку чернил… Мне и в самом деле не хватало привычных в прежней жизни мелочей, но я научился смотреть на такие вещи проще, легко отказывая себе во многом. Я научился во всем в первую очередь видеть светлые стороны, а уж потом темные, и помнить о том, что у меня есть, а не о том, чего я лишился.

Вслед за сухарями кончились чернила, и с невозможностью продолжать записи в дневнике я долго не мог смириться. До поры бумага и перо были моими единственными собеседниками на острове, и это давало мне возможность не только сохранить дар связной речи, но и не опуститься до дикости. Но я не забывал про Библию и старался не пропустить ни одного воскресного дня, чтобы не почитать великую книгу.

Одежда моя также начала приходить в негодность, белье износилось. Правда, оставалось около трех дюжин матросских клетчатых рубах, которые я берег как зеницу ока. Дело в том, что в здешнем климате я мог бы обойтись и без одежды,

но рубахи позволяли легче переносить адскую жару, которая иногда обрушивалась на остров. Лучи тропического солнца сжигали открытую кожу до волдырей, а ткань защищала мои руки, плечи и спину — ведь никаких целебных бальзамов, кроме козьего жира, у меня не было. Под таким солнцем нельзя было расхаживать с непокрытой головой — потом меня мучила сильнейшая мигрень. Для более прохладной погоды годились и матросские фуфайки, но их у меня было всего несколько штук.

Поразмыслив, я решил привести в порядок то немногое, что у меня оставалось из платья, и сначала определился в закройщики, а затем начал осваивать портновское ремесло. Смех да и только! Если бы кто-нибудь мог видеть, как неумело я кромсаю ножницами изношенные камзолы и сметываю на живую нитку штаны… Конечно, прежде всего мне была нужна куртка, и с грехом пополам я ее состряпал, причем не одну, а целых три. Что до штанов, то тут я потерпел постыдную неудачу.

Однако вскоре я нашел средство запастись новой одеждой. У меня накопилось много шкурок убитых на охоте животных. Каждую из них я предварительно просушивал на солнце, растянув

на шестах. По моей неопытности первые шкурки вышли неудачными — я их передержал на солнцепеке и они стали жесткими, как дерево. Но некоторые сохранили мягкость; как раз из них я сшил себе шапку мехом наружу, чтобы защититься от дождей. Удача меня воодушевила настолько, что следующими моими обновками стали кожаные штаны и куртка. Штаны вышли короткими, до колен, и широкими; просторной получилась и куртка. Кроил я так с умыслом: новая одежда нужна была мне не столько для тепла, сколько для защиты от солнца и дождя. В дождь вся вода стекала по длинному меху, а я оставался сухим.

Плотник я был неважнецкий, а портной — и того хуже. Только теперь я понял, как много усидчивости и терпения требует это ремесло. В особенности когда взялся за зонт, который отнял у меня все силы. Я видел, как в Бразилии изготовляют зонты, — там в них большая нужда из-за сильной жары. На моем острове было ничуть не прохладнее, да и во время дождя я был вынужден часто выходить из пещеры или палатки… Что только у меня ни получалось, пока я не достиг желаемого результата, сколько уродцев я смастерил — ведь мне нужно было добиться, чтобы

мой зонт стал раскладным. Сделать обычный зонт оказалось проще простого, но как его носить, не складывая, вместе с ружьями и тяжелой поклажей? И все-таки я добился своего, обтянул свой зонт козьей шкурой и теперь не боялся ни проливного дождя, ни палящего солнца.

Так и жил я — тихо и мирно, всецело покорившись Божьей воле. Если я и сожалел о том, что у меня нет собеседников, кроме попугая, собаки и кошачьего семейства, то недолго. Я говорил себе: разве моя беседа с самим собой, мои размышления и чтение в тишине хуже, чем самое веселое времяпрепровождение в кругу друзей и приятелей? Мое положение меня всецело устраивало…

Пять лет минуло без особых событий. Я изо дня в день трудился, к счастью, не болел, по-прежнему охотился, выращивал хлеб, собирал виноград, изучал природу моего острова, пока не пришло время для новых дел.

Глава 26
Вторая пирога

Моя первая пирога в качестве памятника осталась стоять на холме, я же тем временем мастерил вторую лодку, не такую большую и тяжелую. На этот раз я не только ее построил, но и удачно спустил на воду. Работал я в полумиле от бухты, так как ближе не нашел подходящего дерева, а затем прорыл канал в шесть футов шириной и в четыре глубиной, точно рассчитав осадку моей пироги.

Около двух лет я колдовал над лодкой и не пожалел об этом.

Мое суденышко не годилось для дальних странствий по морю, пирога вышла небольшой и легкой, и я простился с мечтой добраться до неведомой земли. У меня возник новый план — обойти по морю вокруг острова, и ничто мне в этой затее не препятствовало. Я установил в пироге небольшую мачту и сшил необходимого размера парус из кусков корабельной парусины, которой у меня было вдоволь. Проверив парус на ходу и убедившись, что никаких сложностей с ним не предвидится, я приладил на носу и корме

моей лодки ящики для провизии и необходимых в пути вещей, а для ружей — еще один ящик, с откидной крышкой, защищавшей их от непогоды и соленой воды. Затем я укрепил на корме большой зонт, чтобы защититься от солнечных лучей.

Вскоре я начал испытывать лодку, однако никогда не выходил в открытое море, стараясь держаться поближе к острову. Наконец время большого путешествия наступило! В дорогу я приготовил все необходимое: ружья, запас пороха и дроби, из провизии — половину вяленой козьей туши, два десятка ячменных лепешек, изюм, питьевую воду и бутылку рома. Из одежды, кроме той, что была на мне, я взял пару фуфаек и парусиновый плащ из матросского сундука, чтобы укрываться во время ночевок.

Шестого ноября, в шестой год моей отшельнической жизни, я отправился в путь.

Это морское путешествие оказалось гораздо более длительным, чем я рассчитывал. Я доплыл до восточной оконечности острова и обнаружил там длинную гряду скал, частью надводных, а частью скрытых под поверхностью; эта каменная гряда уходила далеко в открытое море, а за нею еще на полмили тянулась песчаная отмель. Преграда меня смутила: чтобы обогнуть рифы,

мне пришлось бы пройти лишнее расстояние. Я решил бросить якорь, вернее некое его подобие, сделанное из крюка, найденного мною среди прочего железа на корабле, и сойти на берег. Там я приметил возвышенность, с которой можно было бы рассмотреть, насколько далеко углубляется скалистый мыс в открытое море.

Поначалу мне показалось, что это расстояние не так велико — мили две, не больше, но, взобравшись на холм, я увидел, как у оконечности скал бурлит море, — очевидно, там сталкивались сильные морские течения. Чуть подальше море выглядело совершенно спокойным, и я решил, что можно попытаться обогнуть скалы и плыть дальше…

Однако мне пришлось простоять на якоре еще два дня, потому что дул сильный юго-восточный ветер, мешавший идти под парусом, а так как упрямство оставалось одной из черт моего характера, я отвел лодку в безопасное место и, прихватив свое имущество, устроился на берегу.

На третий день море успокоилось, и с утра я уже снова сидел в пироге. Самонадеянный невежда, я даже не предполагал, какой урок меня ждет! Едва мое легкое суденышко приблизилось к мысу, как тут же попало в бурное течение и завертелось,

словно песчинка в мельничных жерновах. Я ничего не мог поделать, все мои силы уходили только на то, чтобы удерживать лодку на плаву. Я чувствовал, что гибель моя близка: или бурный водоворот опрокинет мою лодку и я утону, или меня унесет далеко в открытое море. Единственное, что я мог при полном безветрии, так это не угодить в самую середину течения.

В сторону острова я даже не смотрел; я все бы отдал в эти минуты за то, чтобы поскорее вернуться в мой пустынный рай, к простым земным делам, к моему надежному дому. Я больше не роптал бы на одиночество…

Глава 27
Бедный, бедный Робин Крузо

Мы способны оценить покой только тогда, когда его теряем.

Мне казалось, что пирогу стремительно уносит в безбрежный океан. Я больше не видел своего острова, хотя до него было не больше двух миль. В отчаянии я греб из последних сил, пытаясь вырваться из течения и свернуть на север, то есть туда, где его смиряет встречный поток… Около полудня я с облегчением почувствовал на своем лице легкий юго-западный ветерок; затем ветер начал свежеть и через некоторое время окреп. Меня унесло так далеко, что, если бы не ясная погода, без компаса мне пришлось бы туго. Я поднял парус, стараясь как можно скорее возвратиться на берег.

Моя пирога повернула против течения, и с величайшей радостью я понял, что все изменилось: мощь водного потока ослабела, вода стала чище, мне уже не приходилось выбиваться из сил, налегая на весла. Вскоре справа от меня показались утесы, которые преграждали путь течению

и разделяли его на два русла, одно из которых устремлялось к северу. Именно туда я и направил свое суденышко.

Поток нес меня примерно с милю, пока передо мной не открылась часть берега, противоположная тому, откуда я начал свое плавание. Ветер оставался попутным, я продолжал держать курс на остров, хоть продвигался уже не так быстро. Через час я оказался в совершенно тихой воде и, проплыв еще около мили, благополучно причалил.

Ступив на твердую землю, я дал слово ни за что больше не подвергать себя такому риску. Я был благодарен Богу за урок и за очередное мое спасение. Отдохнув и подкрепившись, я отвел лодку в небольшую бухту, затененную росшими на ее берегах деревьями, бросил плащ на дно пироги и уснул крепким сном.

Утром, едва проснувшись, я начал собираться в обратный путь. О том, чтобы снова плыть морем, не могло быть и речи — я достаточно натерпелся страху и понимал, что это было бы чистым безрассудством. Я долго раздумывал, как доставить мою лодку домой. Западный берег острова был мне совершенно незнаком, и все же я медленно продвигался вдоль побережья, пытаясь подыс-

кать безопасное укрытие для пироги — уж очень мне не хотелось бросать ее на произвол судьбы. Мне посчастливилось: через несколько миль я наткнулся на тихий заливчик, который глубоко вдавался в сушу, постепенно сужаясь и мелея. Там я и нашел для моей лодки пристанище, будто специально приготовленный док. Я сошел на берег и осмотрел окрестности.

Оказывается, я находился совсем рядом с тем местом, где когда-то поставил шест-метку в прибрежном песке. Привязав пирогу на стоянке, я захватил только ружья и зонт — было очень жарко — и снова отправился в путь. После морских приключений, едва не закончившихся бедой, длинная дорога по суше показалась мне очень приятной. Еще не начало смеркаться, когда я добрался до моей лесной дачи, где все оказалось в порядке, включая и шалаш.

Едва перебравшись через частокол, я рухнул в тени как подкошенный и моментально уснул. Недавние события отняли все мои силы. Среди ночи меня разбудил чей-то хриплый возглас: «Робин… Робин… Робин Крузо! Бедный Робин Крузо! Где ты?!» Измученный бесконечной греблей, долгим переходом, жарой, я никак не мог прийти в себя, и мне казалось, что этот голос я слышал

во сне. Когда же меня снова настойчиво позвали: «Робинзон Крузо!» — я в панике вскочил и стал дико озираться вокруг.

Голос не умолкал, и неожиданно в сумраке мой взгляд наткнулся на птицу, восседавшую на ограде. Это был мой попугай, который настойчиво твердил одно и то же: «Робин, как ты сюда попал?» Я сам, забавляясь, научил попугая этим нескольким фразам и теперь, увидев моего Попку, облегченно рассмеялся, подзывая его. Как он попал сюда, мой приятель и собеседник? Я протянул руку, попугай вспорхнул и, устроившись на большом пальце моей руки, уже гораздо спокойнее прохрипел: «Бедный Робинзон!»

Дождавшись рассвета, мы вместе отправились домой.

Сказать по чести, страсть к морским путешествиям пропала у меня надолго. Я вернулся к привычным делам и заботам. Еще один год прошел тихо и уединенно.

Все это время ушло у меня на совершенствование в ремеслах. Плотничал я уже как заправский мастер, особенно если учитывать, что многих инструментов мне недоставало. И в гончарном деле я постепенно сделал заметные успехи — научился пользоваться гончарным кругом, который сам

же изготовил из подручного материала. Посуда теперь получалась у меня гладкая, правильной формы. Особенную радость доставил мне тот день, когда я вылепил себе трубку, обжег ее по всем правилам и она оказалась достаточно прочной, а главное — тянулась как надо. К слову, первая вылепленная мною трубка была далеко не такой совершенной. Теперь же мечта моя исполнилась: во время перерыва в работе я мог, набив трубку табачком, покуривать в тени под навесом.

Большую изобретательность проявил я и в плетении корзин. Их стало у меня великое множество, на все случаи жизни: для зерна и винограда, травы и поленьев, рыбы и хлеба; некоторые служили для переноски вещей и даже для мусора. Когда я шел на охоту, то брал с собой специальную корзину, чтобы, к примеру, убив козу, освежевать и подвесить тушу, а часть мяса доставить в корзине домой. Если мне удавалось найти черепашьи яйца, то я мог забрать их все сразу…

День сменялся ночью, солнце — дождем, приливы — отливами; я окончательно забыл не только большие города и страны — я не помнил даже, как выглядит мое прежнее лицо.

Глава 28
Робинзон-фермер

На одиннадцатом году моего пребывания на необитаемом острове запасы пороха подошли к концу. Эта потеря была очень ощутимой, так как заменить порох я ничем не мог. Меня это не на шутку озаботило.

Еще на третьем году моей жизни здесь я поймал и приручил молодую козочку. Я хотел найти ей пару, но у меня ничего не получилось. Бедняга осталась в одиночестве и состарилась без потомства. Умерла она уже в преклонном возрасте — мне не хватило духу пустить ее на жаркое.

С тех пор меня не оставляла мысль попробовать ловить коз живьем. Особенно хотелось мне завести дойную козу с козлятами. Сначала я ставил силки, которые за неимением стальной проволоки делал из бечевы. Козы в них попадались, но тут же рвали непрочную бечеву, а приманку съедали. Пробовал я и «волчьи ямы». В тех местах, где коз водилось множество, я вырыл несколько углублений, прикрыл их рогожей и набросал

сверху сена и листьев. Животные приходили — я видел вокруг ям следы козьих копыт, — съедали корм и уходили прочь. Но я не отчаялся, немного видоизменил устройство ловушки, и уже на другой день в одной из ям ревел дряхлый козел, а в другой, побольше, блеяли козлята — один самец и две самочки.

Старика я выпустил на волю, и он, злобно боднув попавшееся на дороге дерево, потрусил прочь, а козлят вытащил одного за другим из ямы, связал им ноги веревкой и едва дотащил домой.

Дикие козы — животные сообразительные и, если с ними разумно обращаться, очень скоро становятся почти ручными. Мои трое козлят были так напуганы, что долго не хотели прикасаться к сену, которым я пытался их накормить. Они жалобно блеяли и жались друг к дружке в своем загончике; но через пару дней, когда я подложил им свежих ветвей и колосьев пшеницы, мои пленники сдались и прекратили голодовку.

Я задумал завести целое стадо, понимая, что это единственный способ обеспечить себя мясом, когда у меня закончатся порох и дробь. Для начала я решил соорудить огороженный выгон для коз, чтобы они не сбежали к своим диким сородичам. Потому и принялся искать подходящее место

для содержания будущего стада, где животные были бы обеспечены водой, травой и защитой от солнца.

Мне посчастливилось — вскоре я нашел ровную и широкую луговину; были тут небольшие родники с прозрачной водой, а на противоположном краю находилась тенистая рощица. Поначалу я собирался огородить всю луговину частоколом длиною в две мили — у меня хватило бы времени на изгородь и в пять раз больше, — а потом понял, что это великая глупость. Держать коз в таком огромном загоне — это все равно что пустить их пастись по всему острову, поскольку животные остались бы такими же дикими, как и прежде. Я решил ограничиться участком пастбища в сто ярдов шириной — на таком выгоне поместилось бы все мое стадо, а если оно разрастется, я всегда смогу добавить еще площади.

С рвением принявшись за работу, я через три месяца все подготовил. Когда ограда была закончена, я перевел на пастбище моих трех, уже ручных, козлят, постоянно наведывался к ним, подкармливал ячменными и пшеничными колосьями; вода журчала прямо на огороженном участке, я следил за тем, чтобы в дождливую погоду козлята находились в специально постро-

енном для них хлеву.

Через полтора года мое стадо увеличилось до двенадцати голов, а еще через пару лет — до сорока трех. Я разбил участок на пять загонов, соединенных между собой, — так мне было удобнее управляться с козами. Кроме мяса, которого у меня теперь было вдоволь, появилась возможность доить коз, и это меня радовало: иной раз я получал до двух галлонов[7] козьего молока в сутки. Научился я этому делу не сразу; часто бывало, что даже с самыми смирными животными у меня ничего не выходило: то коза взбрыкнет, то уже почти полный кувшин опрокинется. Однако со временем я наловчился и больше не проливал ни капли молока. Ферма кормила меня исправно. Раньше я даже не догадывался, как делаются из молока масло и сыр; после многих проб и неудач мне удалось добиться успеха — теперь эти продукты разнообразили мое меню…

Кто бы смог удержаться от улыбки, глядя на меня и мою маленькую семью, смирно сидящую за обеденным столом?

Во главе уставленного всевозможными яствами стола восседает сам король, то есть я — его

---

[7] Сноски: 7

Галлон (англ. *gallon*) — единица объема (емкости, вместимости) в системе английских мер. В Великобритании 1 галлон — 4,54609 дм^3.

величество хозяин острова, имеющий власть казнить и миловать. Я пирую, окруженный верными слугами. Одному только попугаю Попке, как фавориту, разрешается вести со мной беседу. Пес всегда сидит по правую руку; он, бедняга, от старости немного глуховат и обычно дремлет — так и прошла его одинокая жизнь на острове без подруги. Обе кошки не спускают с меня глаз в ожидании подачки… Это уже не те кошки, которых я захватил с корабля. Гостьи из Бразилии давно отправились в кошачий рай, а ко мне прибилась парочка из многочисленного потомства одной из них. Это полудикое кошачье племя доставляло мне много неприятностей и хлопот, пока я не повел против них настоящую войну. Через некоторое время вернулись только двое котят; они были крепкие, ласковые, правда, вороватые, но я оставил их у себя.

И все-таки мне не хватало пироги. Но забрать ее из дальней лагуны было слишком трудно, и я ограничивался пешими прогулками по острову. Время от времени меня тянуло снова взглянуть на очертания загадочной далекой земли. И однажды я снова отправился туда, откуда открывался вид на нее.

Если бы кто-либо повстречал меня в Англии

в таком наряде, то долго бы смотрел мне вслед, не зная, задать ли стрекача или расхохотаться до упаду. На голове у меня красовалась бесформенная островерхая шапка мехом наружу с падающей на плечи накидкой, которая предохраняла мои затылок и шею от солнечных лучей и дождя. Нет ничего неприятнее и вреднее, когда в тропиках вода ручьем стекает вам за шиворот. Одет я был в долгополый кожаный камзол с разнокалиберными пуговицами и штаны до колен из шкуры очень старого козла, шерсть которого свисала почти до земли. Чулки мои и башмаки давно износились, и я сшил себе нечто отдаленно похожее на сапоги, застегивающиеся сбоку, словно гетры, но самого невероятного фасона. Поверх камзола я носил широкий пояс из козьей — какой же еще! — шкуры, очищенной от шерсти. Его дополняли пряжка в виде двух тонких ремешков, которыми я стягивал пояс, а по бокам — петли для пилы и топора. За плечами у меня болтались две сумки с порохом и дробью, ружье, корзина, а над головой я держал большой раскрытый меховой зонт, крайне безобразный, однако незаменимый в моих походах.

Что до моего лица, то оно совершенно не походило на негритянское, хотя именно этого и

следовало ожидать, поскольку я жил у самого экватора. Кожа лица и рук лишь слегка потемнела, несмотря на то, что я ничуть не боялся загара. Первое время я отпускал бороду, а затем стал подстригать ее ножницами. Усы я оставил, и они отросли такой длины, какую я встречал только у турок-мусульман. Кончики усов свисали и закручивались, я часто цеплялся ими за колючие ветки кустарника, но расстаться с такой красотой у меня не было сил.

Одним словом, в Англии мною пугали бы непослушных детей…

Глава 29
След

Впрочем, собственная внешность меня интересовала меньше всего.

Итак, я отправился в новое путешествие и провел около недели вне своего надежного жилища. Для начала я решил еще раз взглянуть на скалистую гряду, которую так неудачно пытался миновать, плывя на пироге, и возле которой меня едва не унесло течением в открытое море. В эту часть острова я пришел самой короткой дорогой, прихватив с собой подзорную трубу. Каково же было мое удивление, когда, взобравшись на холм, никаких бурунов у скал я не обнаружил — в том месте море было лазурным и совершенно спокойным.

Я остался, чтобы понаблюдать за этим загадочным явлением природы и только к вечеру следующего дня пришел к выводу, что причиной бурных течений является чередование приливов и отливов. К тому же существовал определенный промежуток, когда течения бурлили не у самой косы, а на значительном расстоянии от нее. В

это время можно было совершенно безбоязненно обогнуть рифы на лодке и наконец-то вернуть ее домой. Однако память тут же услужливо явила картину моей первой морской прогулки, и я, вздрогнув, решил, что уж лучше построю еще одну пирогу, чем рискну повторить ужасное плавание. Пусть будет две лодки — каждая на своей стороне острова, ведь было же у меня два дома!

Первый — и самый главный, моя крепость, — находился под защитой холма и был обнесен двойной оградой. Внутри ухоженного дворика располагалась надежная палатка, а также погреб, кладовая с потайным ходом и тенистой живой изгородью. В пещере имелись очаг, стол, скамья, стулья; в кладовой, сухой и чистой, находились моя посуда и более дюжины корзин разных размеров, наполненных всевозможной провизией, в том числе зерном, из которого я научился печь хлеб. Погреб я также расширил, потому что запасы продуктов у меня не уменьшались, а только увеличивались. Я мог спрятаться от ливней в пещере, но в ясные дни спал в палатке или на свежем воздухе, бросив на траву пару фуфаек и закутавшись в плащ. Неподалеку от этого дома располагались оба поля, которые я старательно возделывал и засевал, из года в год получая от-

менный урожай ячменя и пшеницы.

Другое мое пристанище, «дачу» в лесу, я тоже содержал в полном порядке. Деревья, которые образовали сплошную живую изгородь, я регулярно подстригал, и все равно весь участок оставался в тени; лестница была надежно спрятана, и только я один мог попасть за ограду и пройти к надежному, укрытому парусиной шалашу. Здесь я проводил немало времени и часто оставался ночевать, поэтому в шалаше была устроена постель из козьих шкур.

Рядом с моим лесным жилищем находились загоны для коз. На то, чтобы огородить пастбище, как помнится, ушло много времени и сил, но я регулярно подправлял и укреплял изгородь новыми кольями, опасаясь, что козы могут разбежаться. Плетеную ограду щедро поливали дожди; ветки, срубленные с живых деревьев, пустили корни и постепенно так разрослись, что образовали своего рода стену вокруг загона — надежную защиту от непрошеных гостей. Моя ферма располагалась в прекрасном месте, стадо с каждым годом увеличивалось, и по моим подсчетам запасов мяса, молока, масла и сыра мне бы хватило лет этак на сорок. Недалеко от этого участка рос виноград, который я сушил на зиму, получая изюм. Я

очень дорожил этим лакомством, считая, что оно содержит много питательных, полезных для организма веществ и разнообразит мои завтраки.

Шалаш и ферма находились как раз на полпути между домом и той бухточкой на западном берегу, где я оставил лодку. Поэтому я часто останавливался здесь переночевать, прежде чем предпринять короткую морскую прогулку. За лодкой я тоже приглядывал, чтобы она всегда оставалась чистой и сухой; выбираясь в море в ясную погоду, я старался не отплывать далеко от берега, ловил рыбу или просто катался ради удовольствия…

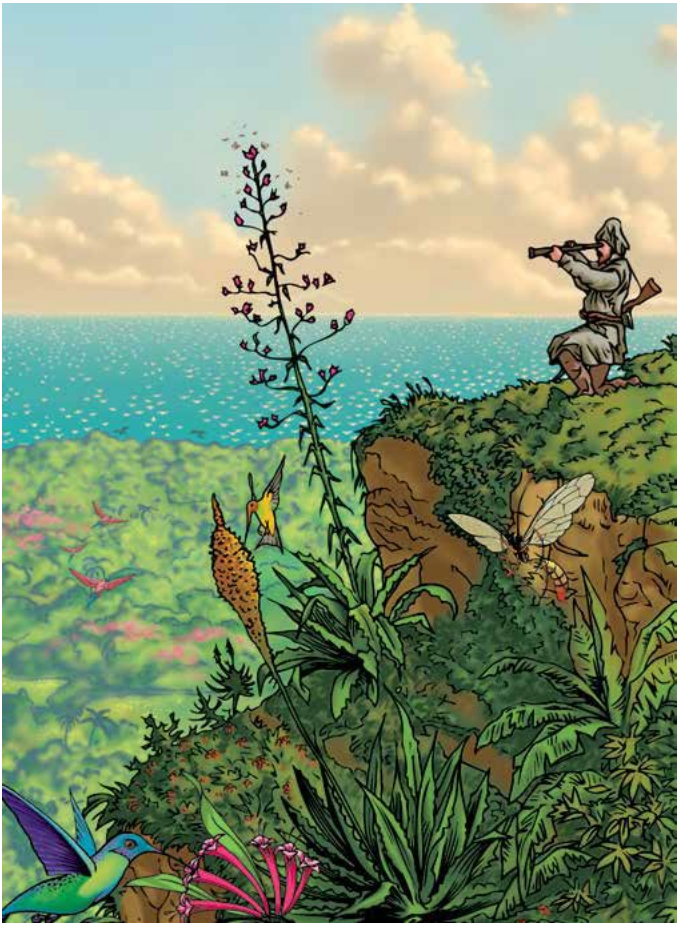
Однако теперь я перехожу к событию, круто изменившему мою благополучную и размеренную жизнь.

Как-то в полдень я направлялся по берегу к лодке, чтобы заняться рыбалкой, и внимательно смотрел под ноги в надежде обнаружить на берегу черепашьи гнезда. Море в это время было тихим, сонным, даже птицы приумолкли в вершинах пальм. Я шел не спеша, пребывая в меланхолической задумчивости.

Неожиданно я застыл на месте, будто передо мной выросла каменная стена. На песке виднелся четко обозначенный след босой человеческой ноги. Я вздрогнул и осторожно осмотрелся: никого, все, как обычно. Прислушался: тишина, ничего подозрительного, лишь слабые всплески волн да шуршание песка. Я присел на корточки, чтобы рассмотреть отпечаток, все еще надеясь, что он мне привиделся, однако это и в самом деле был человеческий след — пальцы ног, стопа, углубление, оставленное пяткой…

Я поспешно поднялся на холм и оглядел окрестности, но, кроме привычного пейзажа, ничего нового не обнаружил. Спустился вниз — след был на месте. Но почему он был один? Я принялся рыскать вокруг, но это оказалось пустой тратой времени. В смятении и страхе я не придумал ничего лучшего, как вернуться домой. Всю дорогу я оглядывался по сторонам, мне мерещилось бог знает что; я шарахался и вздрагивал от каждого звука, а дикие фантазии заставляли гулко биться мое сердце. Мне казалось, что за каждым деревом кто-то прячется, а кусты подозрительно шевелятся. Мгновенно перебравшись через ограду, будто за мной гнались полчища привидений, я, словно насмерть перепуганный заяц, забился в

свое убежище. Позднее я даже не помнил, как попал в свою крепость — через потайной ход или с помощью приставной лестницы…



До самой ночи я не выходил из пещеры, не зажигал светильники; нервы мои были в полном беспорядке — до утра мне не удалось сомкнуть глаз. Причина страха осталась на песке, вдали от моего дома, но от потрясения, которое я пережил, ощущение опасности не исчезло, а напротив, еще сильнее возбудило мое воображение. «А что, если это сам дьявол пришел за моей грешной душой? — думал я. — Кто, кроме него, способен принять человеческий облик и попасть туда, куда никто из людей добраться не может?» Но с другой стороны, успокаивал я себя, если бы врагу рода человеческого вздумалось меня напугать, он бы нашел иной способ это сделать. Сатана не так глуп; в любой момент след ноги могло смыть первой же волной во время прилива…

А если это все-таки был человек, дикарь с той земли, которую я видел вдали? «Наверное, — продолжал рассуждать я, — он случайно попал на остров, вышел в море на своей пироге и…» Но ведь ни бури, ни ветра в последнее время не было, и почему след этот один-единственный? Хорошо, пытался успокоить я себя, пусть кто-то даже побывал на берегу. Осмотрелся, увидел, что остров необитаемый, совершенно дикий, передохнул и снова ушел в море, потому что желания

оставаться в этой пустыне у него наверняка не больше, чем у меня.

Уже на рассвете мне в голову пришла страшная догадка: этот человек обнаружил мою лодку. Он тотчас понял, что на острове кто-то есть, проследил за мной, видел оба моих дома, пашни, ферму… И теперь плывет назад, чтобы сообщить об этом своим соплеменникам. Дикари вернутся, разорят мои поля, мою крепость, возьмут меня в плен, будут пытать или сразу убьют. А если мне все же удастся спрятаться и спастись, после варварских разрушений, учиненных дикарями, я просто погибну от голода. Сил, чтобы начать все заново, мне уже не хватит…

Глава 30
Кости

Странное и необъяснимое существо — человек!

Вот я, к примеру, перенеся столько бедствий, оказался навсегда оторванным от мира. Одинокий, без надежды увидеть родину и все-таки нашедший в себе мужество так долго жить на острове, бороться, трудиться и сохранять человеческое достоинство, я едва не закончил безумием. И только потому, что случайно увидел след чьей-то ноги… Ведь я плакал от того, что остался без людей, мечтал услышать от кого-то хоть слово, увидеть чей-то корабль, а теперь панически боялся появления человека на острове. Почему я решил, что это непременно должны быть свирепые дикари? Не знаю… Я мучился от мысли, что Господь оставил меня или зачем-то снова решил подвергнуть испытаниям. Я смирился со своей жизнью, ничего у Бога, столь бессердечного, не прошу, почему же опять все начинать заново, почему нельзя вернуть мою прежнюю, такую безмятежную жизнь?

Я метался по пещере, не решаясь даже выглянуть наружу. В конце концов у меня началась нервная горячка, продолжавшаяся несколько дней.

Как я провел это время, абсолютно изгладилось из моей памяти. Когда я снова пришел в себя среди ночи в темном подземелье — исхудавший, с дрожащими руками и запекшимися губами, совершенно измученный, спотыкающийся на каждом шагу, — то с восторгом понял, что все-таки жив. Душа моя была спокойна; на ощупь, шатаясь, я побрел в кладовую, выпил кувшин воды, рухнул в постель и проспал до следующего полудня.

Первое, что мне пришло в голову, когда я открыл глаза, была мысль: да ведь это же мой собственный след на песке! Это я его оставил, когда ходил взглянуть на лодку, а потом босой возвращался назад. Тогда неожиданно хлынул ливень, а я не захватил с собой зонта, поэтому пришлось скинуть камзол и сапоги и спрятаться в лесу под раскидистым деревом… Вот чем объясняется то, что след оказался не на моей привычной тропе.

Эти соображения придали мне смелости.

Я покинул свою нору, предварительно захватив пустые кувшины для воды. Запас провизии у

меня существенно уменьшился, ведь я пополнял его ежедневно, а то, что находилось в погребе, за время моего беспамятства испортилось. Перед уходом я пожевал зачерствевшую лепешку, запив ее остатками воды. Кроме того, меня тревожило, что козы, которых я доил каждый вечер или, в крайнем случае, по утрам, не доены уже несколько дней. Вследствие этого у них может пропасть молоко — так, на беду, и случилось: несколько животных серьезно захворали.

Я поспешил на ферму сразу после того, как пополнил запас свежей воды. Но даже спускаясь к роднику, я все равно бесконечно прислушивался и озирался; я даже не взял с собой ружья, чтобы подстрелить какую-нибудь пичужку, — звук выстрела мог меня выдать. Позже, когда мне все-таки удалось пересилить страх, я отправился доить коз…

Прошло несколько дней, и я стал смелее, так как вокруг не было ничего подозрительного. Мое стадо вело себя как обычно — мирно щипало травку и жевало сено; попугай не выказывал никакого беспокойства, а кошки по обыкновению проказничали и резвились на солнышке. Оставалось только посмеяться над моими безумными фантазиями.

Несмотря на это, я решил еще раз взглянуть на злополучный след, чтобы больше не оставалось никаких сомнений. Достаточно убедиться, что это отпечаток моей ноги, — и страху конец. Однако на пустынном песчаном берегу я сразу понял, что мои предположения не имеют под собой никаких оснований. Я никогда не проходил здесь босиком — ни в дождь, ни в солнце, — а лес, где я укрывался от короткого ливня, находился в противоположной стороне от пляжа. Да что там рассуждать — достаточно сравнить след на песке с подошвой моего сапога: отпечаток был гораздо больше, чем моя собственная подошва!

Я задрожал, как в лихорадке, и попятился, дико озираясь. Итак, больше никаких сомнений: на моем острове действительно кто-то побывал. Возможно, еще и сейчас по нему бродят неизвестные люди и каждую минуту меня подстерегает опасность.

Ожидание зла во сто крат хуже самого зла.

Пока я мчался к своей крепости, то и дело пугаясь собственной тени, мой рассудок снова помутился настолько, что мне нестерпимо захотелось разнести в щепки все ограды и частоколы, разогнать коз, разрушить палатку и пещеру, разбить утварь, — и только для того, чтобы никто

не обнаружил на острове присутствия человека. В тот момент я даже не думал о том, где буду скрываться сам… Но, хвала Всевышнему, по мере приближения к убежищу мысли мои прояснились, и в пещеру я уже входил гораздо более спокойно, хотя и чувствовал себя подавленным.

И впрямь, страх возможного несчастья труднее пережить, чем само несчастье. В тяжелой дремоте я проворочался всю ночь, под утро забылся тревожным сном, а когда проснулся, почувствовал себя намного лучше, чем в минувшие дни. Я стал рассуждать гораздо спокойнее и вот к какому выводу пришел.

Мой остров необитаем, это так, но он лежит недалеко от материка или других островов, возможно населенных туземцами. Сюда, к острову, богатому дичью и растительностью, дикарей могло привлекать стремление расширить свои владения или же их легкие пироги время от времени приносит течением или внезапным ветром. Как бы там ни было, они, скорее всего, периодически посещают остров. За пятнадцать лет я не повстречал ни одного туземца, но это ничего не значит — я и своего-то острова толком не знал, а жил и осваивал только те места, куда меня забросило кораблекрушение. Кроме того, если

дикари и высаживались на берег, то ненадолго, в противном случае за эти годы я обнаружил бы более явственные следы их присутствия. Скорее всего, они проводили тут совсем немного времени и сразу уплывали, пользуясь сменой приливов и отливов.

Из этого следовало, что мне необходимо обеспечить свою безопасность, если вдруг они появятся на побережье. То есть позаботиться о надежном укрытии, в котором я могу спрятаться, заметив что-нибудь подозрительное…

Я обошел свое убежище и сразу увидел, что наружный выход моего подземного хода ничем не защищен. Три года назад я посадил за частоколом деревья, и теперь они густо разрослись, но перед входом в подземную галерею образовалась небольшая утоптанная площадка. Я исправил этот недостаток, а заодно забил кольями промежутки между деревьями — теперь они стояли сплошной стеной. Мой форт был окружен двойным кольцом защиты, которую я также усилил: засыпал землей, песком, ветками и старыми корнями пространство между живой изгородью и частоколом. И это еще не все! У меня в кладовой хранились семь мушкетов, привезенных с корабля. Я зарядил их и подобно морским пушкам

поместил в узкие бойницы, которые оставил во внешней стене. Теперь я был готов отразить любое нападение.

Много месяцев я потратил на работу, но и на этом не остановился. Всю луговину перед моей крепостью я засадил похожими на ивы деревьями. Они хорошо и быстро прижились. Через два года там уже шумела молодая рощица, которая вскоре обещала стать совсем непроходимой, и вряд ли кому-нибудь могло прийти в голову, что за ней скрывается человеческое жилье. Чтобы добраться домой, я пользовался подземной галереей — ее я тоже основательно укрепил.

Итак, я принял все меры, чтобы обезопасить себя от внезапного нашествия и дать достойный отпор врагам. Я трудился не покладая рук, хотя подстегивала меня не реальная опасность, а внушенный ею панический страх.

В эти же месяцы работы я не забывал и о повседневных делах.

Мне приходилось постоянно ухаживать за своим стадом, ведь козы кормили и одевали меня. Я стал реже охотиться, тем самым сберегая время для другой работы. Поголовье коз росло, и я стал подумывать, как сохранить их от посторонних глаз в случае опасности. Конечно, можно было бы

вырыть большую пещеру и при необходимости загонять их туда, но я ограничился тем, что начал сооружать еще несколько загонов в таких укромных местах, где их нелегко было обнаружить. В этих загонах я собирался поместить козлят — тогда, если бы основное стадо погибло, я смог бы без особых хлопот вырастить еще одно.

Я заново обследовал окрестности и нашел подходящее место совсем недалеко от моего форта. Это была небольшая поляна в лощине, со всех сторон окруженная непроходимыми зарослями, — в них-то я и заблудился однажды, возвращаясь домой с восточного побережья. Поляна была не больше трех акров, и ее сплошной стеной обступали деревья. Мне это было на руку, поскольку здесь уже имелась естественная ограда и специально ничего не нужно было строить. Я сразу принялся за работу, а через месяц все было готово для того, чтобы перевести сюда коз. Отобрав десяток козочек и пару козлят из последнего приплода, я благополучно переселил их на новое место. Еще с неделю я провозился над окончательным укреплением изгороди, а заодно проследил, как осваиваются мои животные в новых условиях. Все шло просто замечательно…

Два года минуло с того злополучного дня, когда

я увидел чужой человеческий след и потерял покой. И хотя ни одна живая душа больше не появлялась на острове, я все равно продолжал жить в тревоге. Мое безмятежное существование закончилось навсегда.

С сожалением должен признать, что страхи, особенно ночные, скверно повлияли на мой характер. Я стал раздражительнее; меня больше прежнего мучили внезапные перемены погоды, слишком жаркое солнце, назойливые порывы ветра и даже обычное мяуканье котят, требующих козьего молока. Я больше не вел бесед с попугаем, все реже открывал Библию и все чаще не смыкал глаз до рассвета. Почти каждый вечер — как бы я ни уставал за день — я ложился с мыслью, что, возможно, не доживу до утра. Меня ждут осада дикарей, пытки, издевательства и смерть. Этот страх настолько изнурял мое сердце, что порой мне казалось, что уж лучше бы я утонул вместе с моими товарищами и никогда не попал в это Богом забытое место…

Однажды рано утром, воспользовавшись безветрием и нежаркой погодой, я отправился проведать мой молодняк. Козы подрастали, я прихватил для них лакомство — большую охапку пшеничных колосьев. Покормив коз, я присел

под деревом передохнуть перед обратной дорогой. Помнится, в тот миг я испытывал состояние покоя и душевного равновесия, ставшего для меня редкостью. Оттого, видимо, и решил немного прогуляться к западной оконечности острова, куда ни разу не заглядывал. Местность там была малознакомая, однако я уверенно поднялся на невысокий холм, чтобы посмотреть, далеко ли до побережья. Я отправился на прогулку налегке, прихватив лишь одно ружье. С вершины моим глазам открылся морской простор, и вдруг вдали показался предмет, очертаниями напоминающий пирогу. Я присел, жалея, что у меня нет при себе подзорной трубы. Когда же снова поднялся, чтобы спуститься с холма, ничего даже отдаленно похожего на лодку в море не было видно.

Гадать о том, чей след на песке я видел два года назад, больше не стоило — то, что открылось мне в этой части острова, было ужасающим подтверждением всех моих тревог и страхов. На берегу повсюду виднелись отпечатки босых ног. Посещение этой отдаленной гавани для кого-то стало самым обычным делом. Тем не менее я почему-то сохранял спокойствие. Приблизившись к самой кромке воды, я еще раз взглянул в ту сторону, где мне померещилась пирога, но море оставалось

тихим и пустынным. Я обернулся и… потрясенно замер: следы босых ног, образуя причудливый узор, кружили вокруг человеческих костей и черепов, грудой лежавших вперемешку с песком и золой…

Я знал, что некоторые дикие племена, воюющие друг с другом, после победы просто съедают пленных врагов, и для них, в отличие от цивилизованных людей, каннибализм — не преступление. Очевидно, подумал я, дикари приплывают с материка в эту часть острова для своих кровожадных обрядов. Подтверждением этому служили следы большого костра, у которого людоеды устраивали свои адские пиры и пляски.

Все это настолько ошеломило меня, что я на время позабыл о своих страхах, а заодно и об опасности, которой подвергался, оставаясь на этом берегу. То, что я увидел, было нестерпимо омерзительно. Я отвернулся; тошнота подступила к моему горлу. Не оглядываясь больше на ужасное место, я поспешил домой. Какое счастье, что мне выпало родиться в той части света, где нет подобных диких ритуалов!..

Удивительно, но с этого дня я перестал бояться непрошеных гостей.

На то было две причины. Первая: я прожил на

острове без малого двадцать лет и до последнего времени ни разу не видел ничего, что даже отдаленно походило бы на человеческий след. Я мог прожить еще столько же — с тем же результатом. Вторая причина заключалась в том, что, по здравому рассуждению, этим людоедам не было никакого смысла что-либо искать на безлюдном острове. Их прогулки по морю были прямо связаны с ритуальными убийствами пленников.

Но одна лишь мысль об этом жестоком обычае повергала меня в мрачное настроение. Еще долго я безвылазно отсиживался в той части острова, где находились обе мои усадьбы, поля и загоны с козами. Я и думать позабыл о лодке. У меня пропало всякое желание выходить в море, потому что я знал: в любую минуту я могу столкнуться с дикарями и тогда мне не поздоровится.

Глава 31
Грот и его обитатель

Большой удачей было то, что я обзавелся домашними козами, — теперь я мог сберечь порох и не выдавать себя пальбой из ружья во время охоты. Свое стадо я пополнял ловлей коз капканами. И хотя я никогда не выходил из дому без оружия, в течение ближайших двух лет я не сделал ни единого выстрела. Кроме ружья, я носил с собой еще пару пистолетов и старую саблю, для чего пришлось приспособить к поясу особые ремни.

В таком снаряжении я больше походил на грозного вояку, чем на мирного фермера, и, несмотря на то что мое снаряжение, включая топор и поклажу, доставляло мне множество неудобств, с ним я чувствовал себя гораздо увереннее.

За исключением этих мер предосторожности, я не изменил своих привычек и обычного распорядка дня, и вскоре моя жизнь вошла в прежнее русло. Я оценивал свое положение трезво и пришел к выводу, что оно не так уж плачевно по сравнению с тем, что могло бы ожидать меня при других обстоятельствах. В сравнении же, как мы

знаем, познается истина.

Я по-прежнему ни в чем не испытывал нужды — ни в пище, ни в одежде; к тому же у меня была надежная крыша над головой. Нескончаемые заботы о собственной безопасности сделали меня почти равнодушным к житейским удобствам и несколько притупили мою изобретательность.

Кроме того, вещей, которых, как казалось раньше, мне остро не хватает, стало гораздо меньше. Еще совсем недавно я носился с мыслью научиться делать из ячменя солод и варить пиво. Краем уха я когда-то слышал о том, что для этого нужно, но у меня не было ни специальной бочки, ни дрожжей, ни хмеля, ни котла для варки. Если бы не история с дикарями, я бы непременно что-нибудь изобрел, а мое упорство всегда позволяло мне осуществлять задуманное.

Но теперь все изменилось. Мои мысли днем и ночью вертелись вокруг того, как перебить непрошеных гостей, когда они снова явятся на побережье. Я хотел одного — истребить всех дикарей во время их чудовищного пира и попытаться спасти хотя бы одну жертву. А если по какой-то причине мне это не удастся, то по меньшей мере напугать выстрелами и навсегда отвадить людо-

едов от моего острова.

Всевозможные хитроумные планы один за другим рождались в моей голове, пока я не понял одну простую вещь: даже с моими ружьями, мушкетами и пистолетами я представляю собой отличную мишень для двух десятков воинственных дикарей, которые владеют копьями и луками не хуже, чем я ружьем. А возможно, и лучше.

Я додумался даже до того, чтобы заложить на том месте, где каннибалы обычно разводят огонь, мину с пятью или шестью фунтами пороха, чтобы взрыв разметал и покалечил бóльшую часть этих извергов. Но, во-первых, мне было жаль расходовать столько пороха, а во-вторых, я не мог быть уверен в том, что дикари соберутся у костра именно в тот самый момент, когда произойдет взрыв.

В конце концов я пришел к выводу, что от этой затеи мало толку. В лучшем случае мне удалось бы только напугать людоедов. Оставив этот фантастический план, я переключился на мысль о нападении из засады.

Я думал о том, как в разгар кровавого пиршества я мог бы притаиться в каком-нибудь укрытии и, имея под рукой пару заряженных пистолетов, три ружья и саблю, внезапно атаковал бы дикарей. Нескольких я наверняка уложил бы

на месте, ну а остальные…

На этом мои фантазии иссякали. Я не сомневался, что смогу справиться с туземцами, воспользовавшись паникой в стане врага. Мысль о засаде так меня воодушевила, что я стал видеть во сне, как беспощадно расправляюсь с негодяями. Я даже потратил несколько дней на поиски подходящего места, откуда можно было атаковать дикарей, и еще раз побывал на берегу — там, где впервые обнаружил следы жуткого пиршества. За это время птицы растащили человеческие останки, волны смыли кости и черепа, ветер засыпал песком кострище, однако от этого моя жажда мести не уменьшилась. Ни пережитый страх, ни отвращение уже не могли удержать меня от задуманного.

После настойчивых поисков место для засады было найдено.

Это был уступ на склоне лесистого холма, откуда я, притаившись, мог наблюдать не только за тем, как пироги причаливают к берегу, но и за всеми перемещениями туземцев. Поблизости от уступа росло старое дуплистое дерево, причем одно дупло в его стволе было таких размеров, что я мог поместиться в нем со всем своим снаряжением. Как только людоеды начнут свои

приготовления к кровавому ритуалу, я внезапно нападу на них и постараюсь уложить наповал столько, сколько смогу…

План мой был разработан во всех деталях, и в течение трех месяцев я добросовестно нес сторожевую службу, ежедневно отправляясь к прибрежному холму, чтобы понаблюдать за морем. Холм находился в двух милях от моего дома, и я часами не отрывался от подзорной трубы, следя, не покажется ли на горизонте пирога с дикарями. Однако со временем мне это наскучило — неделя проходила за неделей, а на глади моря не появлялось ничего похожего на лодку.

Бесплодное ожидание остудило мой воинственный пыл.

Кроме того, я начал находить изъяны в моих замыслах. Взвесив все обстоятельства, я пришел к выводу, что не имею никакого права убивать туземцев и как христианин, и как цивилизованный человек, которого варварские обычаи людоедов совершенно не касаются. Мало ли по каким причинам люди убивают друг друга… И нет особой надобности нападать первым и уничтожать дикарей, пока они не трогают меня, — так рассуждал я. Из-за военных приготовлений я запустил дела; мое хозяйство требовало внимания, а я,

словно мальчишка, играющий в войну, был полностью поглощен воображаемыми битвами. Мне необходимо одно: предотвратить нападение на меня и мое убежище, а если это все же случится, дать достойный отпор и постоять за себя.

Есть и другая сторона дела, продолжал я свои рассуждения. Гибель моя в результате стычки с дикарями весьма вероятна. Я останусь в живых только в том случае, если перебью их всех до единого. Но стоит хоть одному из людоедов ускользнуть, в скором времени на острове высадятся полчища варваров. Я навлеку на себя ужасную смерть, тогда как сейчас мне ничто не угрожает. «Лучше уж, — думал я, — так тщательно скрыть следы моего пребывания на острове в случае нового вторжения дикарей, чтобы им и в голову не пришло, что здесь кто-то может жить».

На протяжении всего следующего года я даже не приближался к моему сторожевому посту — желание расправиться с дикарями окончательно угасло. Да и сами людоеды давно не появлялись. Единственное, что я предпринял, уже почти совершенно успокоившись, так это перевел лодку поближе к дому. Теперь мое суденышко находилось в надежном месте и было готово немедленно выйти в море — в случае, если бы мне пришлось

бежать с острова. Неподалеку от лодки я устроил надежный тайник, в котором спрятал якорь, парус, весла и запас всего необходимого в пути.

Я жил размеренно, в кругу повседневных забот, и прекратил свои исследовательские походы по окрестностям. Растил коз, сеял хлеб, латал прорехи в одежде, снова и снова возвращаясь к мысли о том, как надежно оберегало меня божественное провидение. Не наткнись я на отпечаток босой ноги туземца, у меня бы до сих пор не возникло подозрений по поводу грозящей мне опасности. А ведь я в любой момент мог оказаться на волосок от гибели! Путешествуя по острову, рано или поздно я бы встретился с дюжиной размалеванных голодных людоедов. Бегают они необычайно быстро, а их свирепости может позавидовать даже исчадие ада.

Мне становилось не по себе, когда я представлял, что могло ожидать меня в этом случае. И в то же время я не был наивен настолько, чтобы не быть готовым к возвращению дикарей на мой остров…

Постоянное ожидание опасности начисто лишило меня прежнего легкомыслия и безмятежности. Порой мне казалось, что я состарился лет на двести. Я больше не любовался закатами,

не бродил по окрестностям, приглядываясь к травам, цветам и деревьям, не слушал пения птиц. Теперь мне не было дела до моих обедов и ужинов; я думал только о том, как вновь сделать свою жизнь безопасной.

Я дошел до того, что не осмеливался вбить гвоздь или разрубить полено без опасения, что этот звук будет услышан кем-то, кто бродит по острову. По той же причине я прекратил охотиться и не решался лишний раз развести огонь в очаге, чтобы дым не выдал моего присутствия. Мне стало не хватать посуды, ведь для того, чтобы наделать новых горшков и кувшинов, нужно было их обжечь как следует, а это требовало большого огня.

Неудивительно, что я испытал огромную радость в тот день, когда случайно обнаружил грот в одной из скал неподалеку от берега. Эта находка на время вернула мне душевное равновесие, и я сейчас расскажу почему.

Вход в эту небольшую пещеру был настолько узким и неприметным, что его невозможно было заметить со стороны. Наткнулся я на него, когда рубил и жег сучья у самого подножия скалы. За грудой камней я заметил лаз, вернее, узкую расщелину, на которую не обратил бы внимания

никто, кроме человека, постоянно занятого поисками надежного убежища.

Сучья я жег для того, чтобы получить древесный уголь. Еще в Англии я видел, как его производят, пережигая куски древесины, прикрытые толстым слоем дерна. Дома я опасался разводить огонь, однако не мог обойтись без лепешек и горячей пищи. И тогда мне пришло в голову заменить дрова углем, который горит жарко и совершенно не дает дыма. Я собирал валежник, рубил его, сжигал прямо в лесу, а затем приносил домой готовый уголь.

Увидев расщелину в скале, я немедленно направился к ней, чтобы проверить, насколько она глубока. Когда я не без труда протиснулся в узкий лаз, передо мной неожиданно открылся узкий темный проход, ведущий в более просторное помещение. Не раздумывая, я пополз по нему и вскоре оказался в полной тьме. Подняв руку, я так и не смог дотянуться до свода грота.

А в следующую минуту я вылетел оттуда со скоростью пули — во сто крат быстрее, чем вошел.

Едва опустив руку, я замер и в испуге попятился. Из мрака на меня смотрели два горящих зеленым огнем глаза неведомого существа. Был ли это человек, а может, демон — в тот миг мне было

некогда выяснять. Только оказавшись снаружи, я смог вздохнуть полной грудью и опомниться.

«Должно быть, — сказал я себе, — тебе померещилось. У страха, как говорится, глаза велики. Кому, кроме тебя, мог понадобиться этот грот?»

Набравшись храбрости и прихватив горящий сук, я решил тем же путем отправиться на разведку. Однако не успел я протиснуться в лаз, как из глубины грота донесся протяжный стон, за которым последовали хриплое бормотание и тяжелые вздохи.

Я застыл, обливаясь холодным потом и чувствуя, как у меня на затылке встали дыбом волосы, — будь на мне шапка, она непременно свалилась бы с головы…

И все же, собравшись с духом и подбадривая себя мыслью, что Всевышний не покинет меня в беде, я двинулся прямо в то место, откуда исходили таинственные звуки. И что же? При свете факела, который я держал перед собой, я увидел, что в гроте, с тоской уставившись прямо мне в глаза, лежит огромный старый козел.

Я тронул животное ногой, чтобы заставить его подняться, но козел едва смог пошевелиться. По всей вероятности, бедняга был при смерти.

Пока жив, пусть остается здесь, решил я. Уж

если он меня так напугал, то любой дикарь, который вздумает сюда сунуться, сбежит без оглядки.

Глава 32
Подземный тайник

Оправившись от испуга, я начал осматриваться в гроте. Это было небольшое помещение неправильной формы площадью около двенадцати квадратных футов. Грот был естественного происхождения — его стен никогда не касалась человеческая рука. В дальнем углу виднелся еще один проход, и когда я приблизился к нему, то увидел, что он ведет дальше, вглубь скалы. Проход был достаточно широк, чтобы в него мог протиснуться человек моего сложения, но я не стал обследовать его без предварительной подготовки, решив вернуться сюда на следующий день.

Прихватив свечи, огниво, сделанное из старого ружейного замка, и лопату, я прямо с утра отправился к гроту. Прежде всего мне пришлось похоронить несчастного козла, который скончался минувшей ночью. Затем я вернулся к лазу в глубине грота и немного его расширил. К моей радости, подземный ход постепенно становился просторнее, так что я смог проползти на чет-

вереньках ярдов десять, не имея при этом ни малейшего понятия, куда он ведет. Мною двигало нетерпеливое, почти детское любопытство.

И я был вознагражден за все усилия!

Когда, перемазанный землей и глиной, я наконец-то выбрался из самой узкой части подземного хода, то почувствовал движение воздуха и смог встать, выпрямившись во весь рост.

Я зажег свечу и ахнул от удивления. Передо мной открылась картина, прекраснее которой я еще не видел на своем острове. Я находился в просторном гроте высотой более двадцати футов; пламя свечи отражалось от свода и стен множеством разноцветных огоньков, сверкающих, словно алмазы. Под ногами у меня хрустел чистый сухой гравий — и нигде не было видно никаких признаков плесени и сырости.

«Вот, — подумал я с восторгом, — самое лучшее и безопасное место, где можно хранить вещи, которыми я особенно дорожу: порох и оружие, несколько мушкетов и запасные ружья». Сюда можно поместить также зерно и все то, что боится влаги, грызунов и насекомых. Правда, лаз довольно тесный, но с этим неудобством можно смириться, учитывая все преимущества столь замечательного тайника. В моей домашней кре-

пости остались бы только те припасы и оружие, без которых я не могу обойтись в повседневной жизни.

Не откладывая дело в долгий ящик, я принялся за осуществление намеченного плана.

Когда почти все было перемещено в грот, я неожиданно вспомнил о бочонке с подмоченным порохом. Я достал его из кладовой и вынес на свет. Вскрыв крышку, я обнаружил, что вода проникла в бочонок всего на пол-ладони, а из подмокшего пороха образовалась твердая скорлупа наподобие той, что у кокосовых орехов. Основное же содержимое бочонка осталось совершенно сухим, и это чрезвычайно обрадовало меня. Таким образом, я стал богаче еще на шестьдесят фунтов отменного пороха, что стало для меня настоящим подарком.

Я переправил бочонок в свой новый тайник и с тех пор держал дома только небольшой запас — не более трех фунтов.

В те дни я воображал себя одним из великанов, о которых рассказывают древние легенды, существом, живущим в расщелинах скал и глубоких пещерах, недоступных для смертных. Кто бы меня ни искал, кто бы ни гнался за мной — пусть даже целая орда кровожадных дикарей, — никто

не отыщет моего тайного убежища. Я ликовал. А если кто и пойдет за мной по следам, то все равно не сумеет и не осмелится проникнуть в грот…

Все эти события случились на двадцать третьем году моего пребывания на острове.

За эти годы я успел совершенно сжиться со своим положением. Если бы не постоянная необходимость быть настороже и опасность высадки десанта дикарей-людоедов, я охотно согласился бы провести здесь остаток своих дней до самого последнего вздоха и тихо отошел бы в лучший мир, как тот древний козлище, которого я обнаружил в гроте.

У меня, как и у каждого человека, были свои маленькие радости и развлечения. Я поймал еще двух попугаев, и, хотя уделял им гораздо меньше времени и внимания, чем своему любимцу Попке, со временем они тоже научились произносить мое имя — Робинзон Крузо. Вместе со стариком Попкой — я не знал, сколько ему лет, но слышал в Бразилии, что ара порой живут и больше века, — попугаи составляли мне веселую и бесшабашную компанию. Попка уже знал множество слов; в жаркие дни мы с ним любили посидеть в тени и поболтать по душам…

К сожалению, пес, который был мне верным

другом на протяжении шестнадцати лет, умер от старости. Что до кошек, то плодились они по нескольку раз в год; я оставлял себе лишь двух или трех самых крепких, послушных и спокойных, остальных же приходилось отпугивать выстрелами, потому что эти наглые создания повадились воровать провизию в погребе и кладовой. Окрестности моего убежища часто оглашались отвратительными кошачьими воплями, но я старался обращать как можно меньше внимания на это одичавшее и отбившееся от рук племя. Кроме того, я держал при себе пару козлят, приучая их брать корм из рук. Живой частокол вокруг моего форта стал таким густым и ветвистым, что больше походил на лес. В его вершинах свили гнезда птицы, будившие меня на рассвете разноголосым пением.

Несмотря на то что мне приходилось постоянно оставаться начеку, я, признаться, был доволен своей участью.

Однако тихой жизни вскоре пришел конец.

Зло, которое ежедневно нам докучает, подчас кажется страшнее всего остального, что только может случиться с человеком. Но именно оно становится в своем роде пробным камнем, испытанием, которое закаляет человека и готовит его

к грядущим трудностям и бедствиям. Я мог бы привести тому множество примеров, включая и свою собственную судьбу. Но в этом смысле особенно замечательны события последних лет моего пребывания на острове.

Наступил декабрь — пора летнего солнцестояния и сбора урожая. В эти дни я проводил все время на полях, где созревал хлеб. Однажды, как и всегда, я поднялся на рассвете, перекусил, приготовил все необходимое и отправился в путь. Однако, пройдя совсем немного, я застыл на месте как громом пораженный: над береговыми зарослями поднимался к небу густой дым костра. Причем костер этот находился не на той стороне острова, где обычно высаживались дикари, а гораздо ближе к моему дому.

Я бросился к частоколу и затаился среди густых ветвей. Ноги едва держали меня. Я лихорадочно думал о том, что дикари — если, конечно, они разбредутся по острову — непременно наткнутся на поля, возделанные мною, и загоны с козами. Им станет ясно, что здесь живут люди, и они не успокоятся, пока не разыщут меня.

Я перебрался через ограду и стал готовиться к обороне.

Поспешно зарядив мушкеты в бойницах, я

прихватил пистолеты и ружье и, помолившись, твердо решил сражаться с варварами до последнего вздоха.

Прошло два часа, но ничего не происходило: все так же шумела листва, пели птицы, грелись на солнышке котята и дремали на кровле моей палатки попугаи.

Я отложил оружие. Неизвестность мучила меня гораздо сильнее, чем опасность быть съеденным дикарями, и, взвесив все за и против, я решил выйти за ограду и разведать обстановку.

Самым удобным местом для наблюдения за этой частью берега был холм, у подножия которого находился мой дом. Я взял заряженное ружье и подзорную трубу, осторожно перелез через частокол, пробрался сквозь заросли и начал карабкаться наверх. Взмокнув от усилий и напряжения, я наконец-то достиг вершины холма. Отсюда все побережье было видно как на ладони. Расположившись на площадке, я прилег на землю и направил подзорную трубу в ту сторону, где по-прежнему поднимался дым. И сразу увидел голых дикарей, сидящих у костра. Их было человек десять, и, полагаю, они развели огонь совсем не для того, чтобы погреться.

Туземцы прибыли в двух больших пирогах — те

стояли высоко над линией прибоя, и было ясно, что раньше наступления прилива им не удастся сняться с мели и отправиться в обратный путь. Женщин среди дикарей не было, и то, что они посетили остров ради очередного варварского пиршества, не вызывало никаких сомнений. Я провел на холме еще пару часов и хорошо видел их дикие пляски. До меня даже доносились их крики и нестройное пение.

Трудно представить смятение, в которое повергло меня это событие. Больше всего меня встревожило то, что туземцы высадились на моей стороне острова, а не там, где обычно. Впрочем, постепенно я успокоился, поняв, что незваные гости отчалят с приливом и я снова смогу выходить из дома.

Как только дикари уселись в пироги и отплыли от берега, я спустился с холма и, прихватив с собой ружья, пистолеты и саблю, отправился к тому месту, где впервые обнаружил следы зловещей трапезы. Путь туда занял у меня около часа. Из-за деревьев я заметил в море еще три пироги — они направлялись от острова к той земле, которую я видел на горизонте.

Об остальном вы уже догадались. На берегу, как обычно, остались ужасные следы кровавого

пира.

Глава 33
Пушечный выстрел

Прошло больше года, прежде чем дикари снова появились на моем острове.

За все это время я не встретил никаких признаков их пребывания. Разумеется, в сезон дождей туземцам тут нечего было делать, а в этом году плохая погода затянулась, море все время штормило.

Несмотря на отсутствие врагов, я вел довольно жалкую и беспокойную жизнь; бесконечное ожидание и страх перед внезапным столкновением с туземцами изводили меня настолько, что тоскливое уныние стало привычным спутником моих дней и ночей. Меня терзали мелкие хвори, и одна лишь мысль о том, что я все-таки немало сделал для своего благополучия и безопасности, немного утешала меня. Мне снились тревожные сны: то я сражаюсь с полчищем каннибалов, то бегу в ужасе от них, то снова вижу картины человекоубийств и адских плясок.

В середине мая, а если быть точным — то есть соотносить время с зарубками на моем кален-

даре — шестнадцатого числа, с утра на море началась буря. К полудню она усилилась и продолжалась до вечера. Ветер беспрестанно дул с юго-запада, и я, прихватив Библию, перебрался из палатки в более тихую и сухую пещеру. Устроившись поудобнее, я раскрыл книгу и едва успел прочитать первые слова, как вдруг до меня донесся отдаленный пушечный выстрел.

Я вздрогнул от неожиданности. Будучи готов ко всему что угодно, я растерялся. Вот так сюрприз!

Возбужденный до предела, я, недолго думая, схватил ружье, подзорную трубу, второпях сунул в пришитый к поясу кожаный карман кисет с табаком, трубку и огниво и поспешил на вершину холма. Едва я поднялся на площадку, как прогремел второй выстрел. Не мешкая ни секунды, я начал лихорадочно собирать мелкие сучья и ветки, а затем с третьей попытки развел костер. Ветер подхватил струйку дыма и унес ее вдаль, но постепенно огонь разгорался все сильнее.

По звуку второго выстрела я определил направление и понял, что пушка палит в том месте, куда однажды меня унесло течением в лодке. Но даже в подзорную трубу я ничего не мог разглядеть из-за громадных волн, разбивавшихся о скалы. Тем не менее у меня были все основания предпо-

ложить, что бедствие терпит большой корабль, возможно отставший от каравана. И если я ничем не могу помочь морякам, может статься, что они сами, заметив огонь на острове, поменяют курс и доберутся сюда. Тогда я буду спасен!

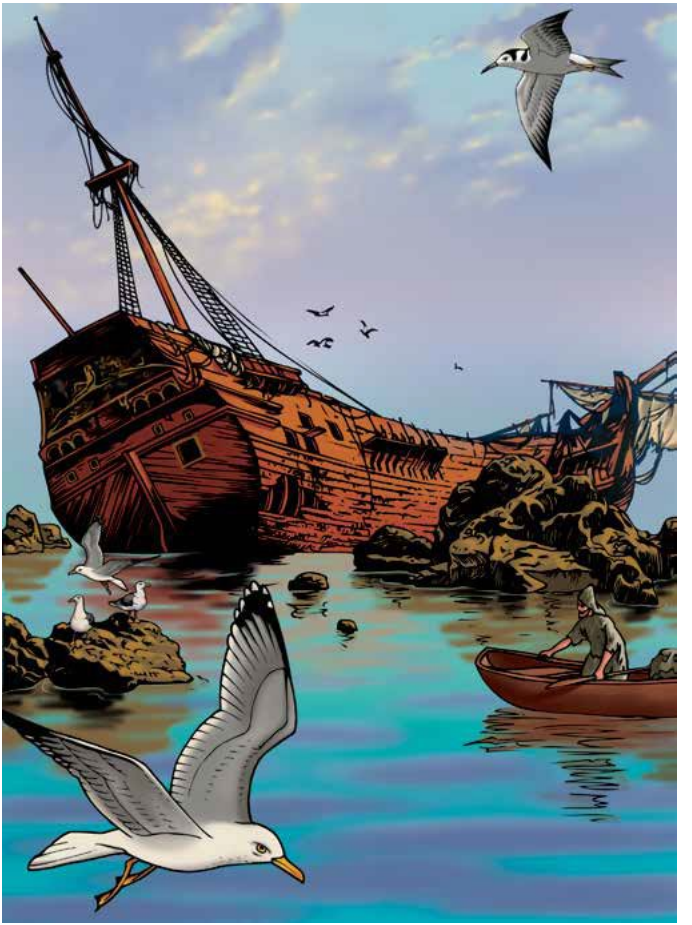
Я надеялся, что так оно и будет, тем более что вскоре прозвучал третий выстрел, вселивший в меня уверенность, что на корабле все-таки заметили мой костер.

Я поддерживал огонь весь вечер и в течение всей ночи, время от времени спускаясь в рощу за дровами, но выстрелы прекратились. Когда совсем рассвело, я сразу схватился за подзорную трубу, однако опять ничего не смог разобрать из-за туманной мглы, хотя море немного успокоилось и ветер совершенно стих. Единственное, что мне удалось разглядеть, — это неподвижный силуэт, чернеющий рядом с цепью рифов у южной оконечности острова.

Весь день я следил за этим таинственным силуэтом и ломал голову над тем, что может означать его полная неподвижность. Наконец я предположил, что это корабль, стоящий на якоре, и, чтобы получить подтверждение своей догадки, отправился в юго-восточную часть острова. Ружье было со мной, но признаюсь честно: в тот момент я и

думать забыл о дикарях — настолько вчерашнее происшествие волновало меня.

Я выбрался к скалам, поднялся на пригорок, с которого когда-то наблюдал прихотливую игру течений, и вздох разочарования вырвался из моей груди: передо мной был лишь остов корабля, очевидно разбившегося этой ночью о рифы. Мне было бесконечно горько и от моей ошибки, и от того, что здесь наверняка погибли люди. Моряки не могли знать, что течение несет их во мраке к скалистому мысу, ну а шторм довершил остальное, швырнув корабль на рифы, почти полностью покрытые водой. Едва ли с корабля могли видеть остров, и третий выстрел орудия был не ответом на мой сигнальный огонь, а отчаянным и безнадежным призывом о помощи. Я же расценил его так, как мне хотелось, а действительность оказалась совсем иной.



Существовало три варианта событий. Первый, самый печальный: моряки с наткнувшегося на рифы корабля спустили на воду шлюпки и попытались спастись, однако их постигла та же участь, что и наш экипаж — шлюпка затонула и никто не сумел достичь берега. Шлюпку также могло унести в открытое море, где, скорее всего, спасшихся моряков ждала голодная смерть или гибель от жажды. И наконец, — я отчаянно надеялся на это — корабль был торговым, плыл в составе каравана и всему экипажу, несмотря ни на что, удалось спастись, перебравшись на другое судно. Я хорошо представлял, как сложна и опасна такая операция, но все-таки хотел верить, что все обошлось благополучно…

Мне было до слез жаль этих людей, ибо я сам когда-то пережил нечто подобное. И вот результат, с горькой усмешкой подумал я: судьба была ко мне милосердной и одновременно жестокой, поскольку дважды у берегов этого острова терпели крушение корабли, а остаться в живых довелось мне одному. Я прошептал: «Господи, пусть случится чудо и хотя бы одному из этих несчастных моряков удастся спастись! У меня был бы товарищ, вдвоем нам было бы не так тяжело жить на этом острове… и все изменилось

бы к лучшему...»

Однако мне не суждено было что-либо узнать об участи экипажа.

Через несколько дней море выбросило на берег тело юноши-юнги — я обнаружил его, когда снова отправился к скалам. Он был в матросской форме — в куртке, коротких холщовых штанах и синей изорванной рубашке. В карманах куртки, кроме трубки и пары золотых монет, не оказалось никаких бумаг, из которых можно было бы узнать его национальность. Внешне юноша походил на европейца. Я похоронил беднягу у подножия скалы, напротив того места, где разбился его корабль, поставил безымянный крест и взял себе на память его курительную трубку.

И все-таки я не мог отделаться от мысли, что на изуродованном судне кто-то остался в живых и теперь нуждается в моей помощи. Я слепо надеялся на такую случайность и вынашивал планы добраться до корабля. Это было крайне сложно и опасно, но нетерпение придавало мне смелости.

Наконец наступил полный штиль, оставалось рассчитать время прилива и отлива, после чего можно было попытаться достичь судна на лодке. Путь предстоял неблизкий, ведь моя пирога находилась далеко от этого места, но меня это не

останавливало.

Глава 34
Испанский корабль

Сгорая от желания поскорее осуществить задуманное, я начал готовиться к экспедиции. Собрал большой запас провизии, чтобы накормить голодных моряков, если они окажутся на корабле, в том числе много хлеба и ячменных лепешек, вяленое мясо, корзинку изюма, бутыль с пресной водой и бутылку рома, которого у меня еще было вдоволь.

Я вывел свою лодку со стоянки, почистил ее и установил мачту и весла. В закрытый ящик на корме сложил оружие, провизию и поставил мое суденышко на якорь у берега. Затем вернулся за остальным грузом. На этот раз он состоял из еще одной бутыли с водой, бутылки козьего молока и большого куска сыра. Не забыл я прихватить компас и зонт.

Все это я перенес в лодку и, попросив Бога благословить мое плавание, покинул побережье. Стараясь держаться невдалеке от берега, я неторопливо продвигался на веслах в сторону северо-восточной оконечности острова. Оттуда мне

предстояло, подняв парус, преодолеть опасный участок пути в открытом море.

Достигнув того места, откуда уже была видна рифовая гряда, я в смятении бросил грести. Нужно ли мне плыть дальше? Стремительное течение бурлило совсем близко — и у меня не было никакой уверенности, что я его одолею. Решимость моя куда-то пропала, и я малодушно повернул к берегу, к знакомой тихой бухте, в которую я заходил в тот раз, когда едва уцелел, унесенный течением далеко от острова.

Причалив, я выбрался из лодки и в раздумье присел на пригорке. Меня мучили противоречивые чувства — с одной стороны, я боялся снова пуститься в плавание, а с другой — не мог побороть желание все-таки побывать на корабле. Пока я колебался, начался прилив, так что мне поневоле пришлось отложить выход в море.

Воспользовавшись этой передышкой, я поднялся на холм, откуда однажды наблюдал за поведением морских течений у оконечности острова и рифовой гряды. Оттуда было хорошо видно, что отливное течение начинается прямо у южного берега острова, а приливное направляется к его северной оконечности. Поэтому достаточно было держаться северного берега,

чтобы без труда вернуться от разбитого корабля к острову.

Это открытие меня чрезвычайно ободрило. Я решил заночевать в лодке, а утром, дождавшись нужного момента, продолжить свою экспедицию.

Укутавшись в плащ, я дремал, с нетерпением ожидая рассвета. Наконец рассвело, и я отчалил от берега. Сперва я взял курс на север и держал его до тех пор, пока не почувствовал, что быстрое течение, устремлявшееся на восток, подхватило и понесло мою лодку. Пришлось энергично действовать рулевым веслом, чтобы меня не опрокинуло и не унесло слишком далеко в сторону.

Все вышло как нельзя лучше: я избежал грозного водоворота у скал и уже через пару часов приблизился к кораблю, даже издали выглядевшему плачевно.

Это был галеон, скорее всего, испанский. Корпус его угодил между двумя рифами, корма была разрушена штормовыми волнами, обе мачты будто срезаны ножом от удара о камни. Однако бушприт и носовая часть судна уцелели. Когда я подплыл поближе, на палубе показалась собака, которая принялась отчаянно лаять и скулить.

Я позвал ее, и она, бросившись в воду, поплыла ко мне.

Я втащил ее в лодку. Бедное животное буквально погибало от голода и жажды. Когда я дал ей хлеба и сыра, она набросилась на еду, как отощавший за зиму волк, а воду, казалось, могла пить без конца.

Накормив пса, я поднялся на борт корабля.

Первое, что я увидел, это два мертвых матроса, которые лежали на пороге рубки, застыв в судорожном предсмертном объятии. Кроме собаки, на судне не осталось в живых ни единой души; по всей вероятности, во время кораблекрушения ураганные волны яростно обрушились на давший течь корабль и людей смыло в море.

Все на борту было залито водой и промокло. Лишь в трюме я увидел закупоренные бочки — но с чем они были, я так и не узнал, потому что эти бочки оказались такой величины, что я не смог даже сдвинуть их с места. Нашлось еще несколько матросских сундуков, тоже запертых; два из них я переправил в лодку, даже не пытаясь открыть. Позже, уже на берегу, разобравшись в содержимом сундуков, я понял, что, если бы корма уцелела, в каютах обнаружилось бы много ценных вещей. Галеон, по моим предположе-

ниям, шел с богатым грузом из Буэнос-Айреса мимо брегов Бразилии в Мексиканский залив, а затем через океан в Испанию. «Что толку теперь гадать, — подумал я, — раз судно погибло и неизвестно, что случилось с людьми…»

Кроме сундуков, я прихватил с собой ящик, полный бутылок с темным и густым вином, в общей сложности около двадцати галлонов, и мне стоило немалого труда переправить его в лодку. В одной из уцелевших кают нашлись несколько мушкетов и четыре фунта пороха. Мушкеты я оставил, а порох взял; прихватил также кочергу, каминные щипцы, медный чайник, два котелка и решетку для жарки мяса на углях.

Тем временем уже начался прилив, и я со всем этим грузом и собакой поздним вечером благополучно возвратился на берег. Чувствовал я себя совершенно измученным.

Ночь снова провел в лодке, а утром решил переправить все найденное в грот. Подкрепившись хлебом, изюмом и сыром, я перенес груз на берег, а заодно осмотрел его более внимательно. В бутылках оказалось не вино, а ром, не похожий на бразильский и притом весьма посредственный; но, открыв один из сундуков, я обнаружил в нем много замечательных вещей. Так, к примеру, я

нашел старинной работы погребец, наполненный резными бутылочками, закупоренными серебряными пробками. Я вскрыл первую попавшуюся — внутри оказался превосходный ликер. Нашел я также пару банок хорошо сохранившегося варенья, несколько отлично скроенных полотняных рубах, так необходимых мне, полторы дюжины белых носовых платков и столько же цветных шейных.

Этим находкам я страшно обрадовался, потому что давно не держал в руках ни полотна, ни батиста; особенно мне пригодились носовые платки. На самом дне сундука лежали три больших кошелька с золотыми и серебряными монетами и несколько слитков чистого золота общим весом около фунта. Должно быть, эти вещи и деньги были собственностью офицера или даже капитана судна.

Второй сундук принадлежал человеку попроще. В нем также находилась одежда, но самая обычная. Перебирая вещи, я понял, что они принадлежали канониру; в этом сундуке среди прочего нашелся мешочек особого пороха, который используют для затравки в корабельных орудиях.

Признаться, я был разочарован, ибо полез-

ного для меня на галеоне оказалось немного. Воспользоваться деньгами я не мог — они были ненужным сором; все это золото я бы охотно отдал за пару английских башмаков и чулок, о существовании которых давно позабыл. Правда, теперь у меня были ботинки, принадлежавшие погибшим морякам, и пара сапог, найденных в матросском сундуке. Однако по прочности и удобству они не шли ни в какое сравнение с той обувью, которую я когда-то носил.

Как бы там ни было, все деньги и золото я переправил в тайник и присоединил к тем монетам, которые давным-давно привез со своего корабля.

Покончив с делами, я вернулся к лодке. Собака поджидала меня на берегу; мы отчалили, и мне пришлось основательно поработать веслами, пока мы добирались в залив, где была моя лодочная стоянка. Я испытывал глубокую радость от того, что эта небезопасная экспедиция наконец-то закончилась.

Дома я нашел все в полном порядке и снова зажил прежней мирной жизнью.

Почти два года прошли без особых событий.

Однако моя беспокойная натура продолжала упорно требовать свободы. Я снова начал задумываться о том, чтобы найти способ бежать с

острова. Порой мне вдруг приходило в голову снова отправиться к погибшему кораблю, невзирая ни на какие опасности. Будь у меня судно покрепче, чем моя лодка, я тут же, не раздумывая ни минуты, пустился бы в путь, как когда-то в молодости…

А по ночам я смертельно тосковал. Ведь я был здоровым и крепким, еще не старым человеком, но подчас мне хотелось расплакаться, словно покинутому ребенку. Что толкнуло меня оставить благополучную жизнь в Бразилии и пуститься в авантюру, которая была мне не так уж и нужна? Почему мальчишкой я сбежал из родительского дома? Кто сделал меня таким, каков я есть? Эти вопросы я задавал себе бессонными ночами, не находя ни единого ответа…

Воспоминания тоже не давали мне покоя.

Мои мысли кружили, упорно возвращаясь к жизни на острове и, припоминая день за днем, проведенные здесь в одиночестве, я сравнивал первые, пусть трудные, но безмятежные годы с тем состоянием страха и отчаяния, в котором я пребывал с тех пор, как обнаружил человеческий след на песке. Потом я постепенно привык к такому положению и смирился. А когда у моих берегов разбился корабль и надежда, если не на

избавление, то на встречу с кем-то близким мне по духу, снова угасла, мне ничего не оставалось, как продолжать жить по-прежнему, как и все прошедшие годы.

Но ничего не получалось. Я упорно цеплялся за любую возможность побега. Мне не страшны были никакие дикари; ведь где-то существует другой, огромный мир, думал я, так почему бы не попробовать вырваться туда? «Вероятность погибнуть велика, это так, — твердил я себе, — однако смерть положила бы конец всем моим мучениям». Ведь когда-то в Африке я решился бежать из плена. Если я сумею добраться до материка или рискну плыть вдоль побережья, то рано или поздно встречу корабль, а возможно, и поселение европейцев…

Все эти мысли были плодом моего расстроенного воображения, но они так занимали и волновали меня, что я не замечал ничего вокруг.

Однажды дождливой ночью мне приснился странный сон.

Я вышел, как обычно, поутру из своей крепости и сразу заметил две большие пироги, приставшие к моему берегу. Из них выбрались одиннадцать размалеванных дикарей. Двенадцатого туземца они волокли за собой по песку со связанными

руками. Неожиданно пленник вырвался и стремглав помчался прямо в мою сторону. Я растерялся, но подумал, что он бежит прятаться в рощу, и остался стоять на месте. Внезапно пленник свернул к частоколу, будто чувствовал, что за ним ему будет безопаснее. Я увидел, что погони за беглецом нет, и вышел ему навстречу, стараясь как можно дружелюбнее улыбаться и ободрить бедолагу жестами. Тогда он бросился ко мне и упал на колени, умоляя о спасении…

Потайным ходом я провел дикаря в свой дом, и он стал моим слугой и другом. Я подумал во сне: «Вот кто мог бы стать моим проводником на незнакомой земле, ибо он знает все ее опасные тропы и расскажет, в каком направлении лежит путь к свободе…»

С этой надеждой я и проснулся, радостный и окрыленный. Тем горше оказалось мое возвращение к действительности, тем сильнее разочарование и уныние.

И все-таки сон этот имел тайный смысл.

Я подумал: а может, мне захватить одного из дикарей, приплывающих на остров, и лучше всего из числа тех, кто обречен на гибель? Это был бы единственный способ вырваться отсюда. План, над которым я все упорнее размышлял, был

слишком отчаянным, чтобы на него можно было сразу решиться. Однако я уже не думал о том, какие опасности связаны с ним. Я мог бы одолеть нескольких дикарей, но если их окажется, как в моем сне, почти дюжина, сражаться с ними будет трудно, в особенности если я не решусь перебить на месте всех до единого. У меня есть ружья, значит, так или иначе прольется кровь, — но ведь я не жестокий варвар! Да и речь идет не о самозащите, а о преднамеренном и продуманном нападении на людей, которые, являясь моими жестокими и коварными врагами, тем не менее не перестают быть людьми. Я не мог представить себя в роли хладнокровного убийцы.

В моей душе шла отчаянная борьба, пока наконец победу не одержало страстное желание покинуть остров. Я решился на нападение и захват одного из дикарей. Оставалось только продумать детали. Отныне я буду ждать гостей, а когда те приплывут на остров, предоставлю остальное судьбе и обстоятельствам…

Все вышло совсем не так, как я предполагал.

Согласно своему плану, разработанному до мелочей, я принялся наблюдать за побережьем днем и ночью до тех пор, пока мой боевой пыл не начал остывать, а хозяйство не пришло в упадок.

Я так часто находился вне дома, что, казалось, и сам начал постепенно дичать. Хуже всего было то, что туземцы, похоже, не собирались появляться на моем острове. Я стал нетерпеливым и злобным, и от этого желание достигнуть намеченной цели неожиданно возродилось с еще большей, чем прежде, силой. Насколько я был осторожен и скрытен раньше, стараясь избежать встречи с людоедами, настолько же горячо я теперь стремился с ними столкнуться лицом к лицу.

И все-таки, сделав над собой усилие, я вернулся к повседневным делам и заботам, предоставив случаю решить мою судьбу.

Глава 35
Конец одиночества

Прошло еще полтора года.

И вот однажды ранним утром, когда я возвращался со своей дальней фермы и уже поднялся на холм, чтобы затем спуститься к дому, в моем поле зрения появились пять туземных пирог. К моему крайнему изумлению, они приближались к той части побережья, где я обосновался.

Притаившись, я стал наблюдать за пирогами до тех пор, пока они не причалили к берегу. Дикарей в них было много, гораздо больше обычного, и меня это сразу смутило, потому что я не рассчитывал на стычку с таким количеством людоедов, одновременно явившихся на остров. В мои планы не входила неравная битва с оравой головорезов, исход которой никто не взялся бы предсказать.

Я бросился вниз, к подземному ходу, пробрался домой и начал готовить ружья и мушкеты к возможному нападению и обороне. Однако долго сидеть сложа руки в своей крепости я не смог. Сжигаемый любопытством и желанием несмотря ни на что испытать судьбу, я схватил заряженное

ружье, подзорную трубу, саблю и пороховницу и тем же путем, но в обратном направлении пошел к холму и вскоре очутился на его вершине.

Моя наблюдательная площадка была пуста, я подполз к краю и посмотрел в трубу. Все пять пирог глубоко уткнулись носами в прибрежный песок, а дикари рассеялись кто куда, однако большинство из них находились недалеко от воды. Я насчитал более тридцати человек. Некоторые из полуголых туземцев разводили костер, другие, приплясывая, босыми пятками утрамбовывали песок.

Внезапно я замер и зажал рот ладонью. Мне с трудом удалось подавить едва не вырвавшийся из горла крик.

Толпа дикарей тащила из пироги к костру двух несчастных жертв, очевидно предназначенных для съедения. Одного из них людоеды сразу же повалили на землю, ударив по голове тяжелой дубиной, после чего сгрудились над лежащим пленником, размахивая копьями. Другого туземца держали за руки, готовя к той же участи. Я не разобрал, что произошло, но вдруг бедняга рванулся, оттолкнул стражников и помчался по берегу в сторону моего жилья. За ним тут же бросились в погоню.

Первая часть сновидения сбывалась — с той разницей, что в моем сне никто за пленником не гнался.

Признаюсь, мне стало немного не по себе — дикарь, не оглядываясь, стремительно несся прямо к склону холма, будто знал, что я нахожусь на его вершине. Я приподнялся, зорко вглядываясь, и с облегчением вздохнул: за ним гнались всего трое дикарей, но они заметно уступали беглецу в скорости. Мне стало ясно, что у несчастного есть шанс оторваться от погони, если он продержится еще какое-то время.

И тут я решил начать действовать и прийти на помощь человеку, который, возможно, станет моим товарищем по несчастью.

От моего убежища беглеца отделял небольшой залив — тот самый, где я причаливал со своими плотами, перевозя вещи с погибшего корабля. Я понимал, что у туземца есть только один способ укрыться в роще — переплыть самую узкую часть залива, что он немедленно и сделал, бросившись в воду. За ним последовали двое дикарей, а третий, потоптавшись на берегу, вернулся к своим соплеменникам. Беглец плыл быстро, намного опережая погоню, но я счел, что уже пора начинать боевые действия и немедленно изменить

ход событий в свою пользу.

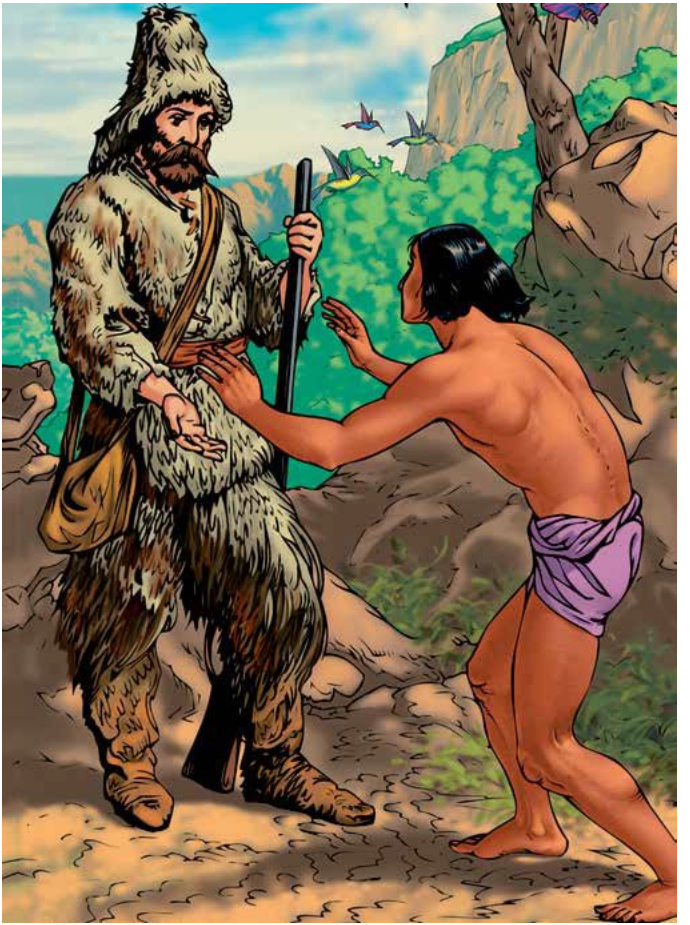
Как только дикарь ступил на сушу, я скатился вниз по склону холма и кратчайшим путем бросился наперерез преследователям, оказавшись таким образом между пленником и дикарями. Пленник несся, петляя между кустами, и я громко окликнул его, требуя остановиться. Услышав незнакомый голос, беглец оглянулся, замер и, настороженный, попятился, испугавшись меня даже больше, чем своих врагов. Я сделал ему знак приблизиться ко мне, при этом продолжая показывать жестами, что меня не нужно бояться и что ему необходимо поскорее укрыться за стволом дерева. Сам я притаился на тропе, поджидая преследовавших его людоедов.

Когда первый дикарь выбежал мне навстречу, я быстрым и точным движением оглушил его ударом приклада по голове. Стрелять я не хотел, чтобы не привлекать внимания остальных туземцев, оставшихся на берегу. Едва этот дикарь как подкошенный рухнул на землю, показался второй. Увидев меня, он не растерялся и, натянув тетиву лука, прицелился мне прямо в грудь. Я не стал дожидаться, чтобы меня прикончили, и тут же выстрелил из ружья в туземца.

Все произошло настолько быстро, что я не успел

даже взглянуть, куда девался пленник.

Оказалось, он стоял позади меня и дрожал, словно в лихорадке, глядя то на меня, то на распростертых на траве людоедов. Бедняга так растерялся и так был напуган звуком ружейного выстрела, что не знал, как поступить — приблизиться ко мне или снова задать стрекача. Очевидно, он склонялся ко второму, но я постарался удержать его, всячески показывая знаками, что меня не надо бояться. Туземец сделал шаг вперед и испуганно уставился на мое ружье. Я ободряюще улыбнулся, повесил оружие на плечо и позвал его, предлагая подойти поближе. Наконец до него дошло, что он свободен.



Шаг за шагом мой дикарь приближался, а затем вдруг упал передо мной на колени и поцеловал землю. После этого он подполз ко мне вплотную, схватил мою ногу и поставил ее на свою голову. Я не знал, что означают эти действия, но, подавляя смущенную улыбку, догадался, что таким образом меня благодарят за освобождение и обещают преданно служить. Я поднял дикаря с колен, похлопал его по плечу и с улыбкой дал понять, что мы с ним теперь приятели и союзники, а отношения у нас будут самые добрые.

Неожиданно позади нас раздались какие-то хриплые звуки; мы оба оглянулись и увидели, что первый дикарь, оглушенный моим ударом, начал приходить в себя. Мотая головой, он медленно приподнялся, однако ноги не слушались его, и он снова рухнул на землю. Лишь спустя некоторое время дикарь попытался сесть. Видя, что спасенный мною пленник встревоженно и с некоторым испугом следит за людоедом, я вскинул ружье и прицелился в дикаря. Но тут мой новый знакомец вдруг горячо и гортанно заговорил на своем наречии, указывая то на дикаря, то на саблю у меня за поясом.

Должен признаться, звуки его голоса прозвучали для меня сладостной музыкой, ведь я не

слышал человеческой речи четверть века. Я стоял, глупо и растерянно улыбаясь, пока бывший пленник не указал на саблю, требуя отдать ее ему. Тут я очнулся и протянул беглецу оружие. Мой туземец тотчас бросился к врагу, одним точным ударом отсек тому голову и, схватив трофей за волосы, с торжествующим видом бросил его к моим ногам. Вслед за этим он исполнил короткий и дикий танец, напевая вполголоса.

Но больше всего он был поражен необыкновенной, как ему казалось, гибелью второго преследователя. Мой дикарь недоуменно осматривал и переворачивал тело убитого людоеда в поисках раны, заглядывал ему в рот, щупал бока и живот. Пуля попала, очевидно, прямо в сердце, поэтому крови было всего несколько капель, и то, что мертвец оказался без видимых увечий, поразило моего нового союзника до глубины души. Через какое-то время он перестал тормошить покойника и, сняв с его плеча лук и кожаный колчан со стрелами, вернулся ко мне. Я жестами дал ему понять, что нам пора уходить и что может появиться новая погоня, но он отрицательно покачал головой, указывая на мертвых дикарей.

Благодаря его выразительной мимике я понял, что индеец хочет похоронить тела, чтобы от рас-

правы с его врагами не осталось никаких следов. Людоеды могут наткнуться на мертвых соплеменников, если начнут рыскать по острову.

С делом этим он справился, проявив мастерство заправского могильщика: быстро вырыл саблей и голыми руками две глубокие аккуратные ямы между кустами, усадил туда мертвецов, так же быстро их засыпал и разровнял землю.

Когда он закончил, я дал ему знак следовать за мной. Дальней кружной дорогой мы отправились не в мой дом под склоном холма, а на другой конец острова — к гроту в скалах. Таким образом, мой сон — правда, отчасти — сбылся, но имел совсем иное продолжение.

В моем тайном убежище я уже довольно давно приготовил все для того, чтобы укрыться в минуту крайней опасности. Помимо тех вещей, которые хранились в гроте, я разместил там простую постель для ночевок и отдыха — одеяло, брошенное на охапку соломы, а также ящик с продуктами и бутыль с родниковой водой. Когда мы пробрались в грот, я накормил моего боевого товарища хлебом и изюмом и дал ему вволю воды, в чем он очень нуждался после пережитого. Затем я предложил туземцу отдохнуть. Бедняга не заставил себя упрашивать — он сразу же зава-

лился на солому и мгновенно уснул.

Мой дикарь оказался симпатичным малым, и я, не удержавшись, стал разглядывать его при свете свечи. На вид ему можно было бы дать не больше двадцати пяти лет от роду. Смуглое, скорее темно-оливкового цвета, округлое лицо его сейчас казалось спокойным; твердо очерченный рот был полуоткрыт в ровном дыхании, между губ белели крепкие, как слоновая кость, зубы; нос моего дикаря не выглядел приплюснутым, как у негров, а имел небольшую горбинку и тонкую переносицу. В этом лице не было ничего свирепого, лишь мужественная сдержанность; время от времени он принимался что-то бормотать во сне, и тогда его губы трогала улыбка, а выражение становилось мягким и простодушным. Волосы у него были черными, прямыми и длинными, кисти рук красивыми и небольшими, как у европейца, а тело отличалось превосходным сложением, статностью и силой.

Я осторожно выбрался из грота и присел под скалой, вытянув усталые ноги. Пришло время передохнуть и выкурить трубочку.

Глава 36
Пятница

Через полчаса лицо туземца показалось в расщелине, и он поспешил ко мне.

Едва приблизившись, он смиренно припал к земле, выражая глубокую благодарность и почтение. Лицо его сияло радостью и простодушным восхищением, а жесты, сопровождавшие молчаливое выражение чувств, говорили мне о многом. Он снова поставил мою ногу себе на голову и дал понять, что с этой минуты становится моим верным рабом до конца жизни. Я поднял бывшего пленника, усадил его рядом с собой и, в свою очередь, попытался объяснить ему, что я рад нашей встрече, очень им доволен и что нам нужно научиться понимать друг друга.

Мы вернулись в грот и там выпили немного рома, смешанного с водой. В этот напиток мы обмакивали куски хлеба — и по всему было видно, что угощение моему гостю пришлось по вкусу. Затем я объявил дикарю, что отныне его имя будет Пятница. Я решил назвать его так в память о дне, который подарил мне верного

товарища и помощника в делах. В конце концов, ведь именно сегодня, когда я выручил его из беды, он как бы вторично родился. Индейцу же следовало называть меня «господин» — имя Робинзон Крузо ему было бы трудно запомнить и произносить. Я научил его говорить «да» и «нет», объяснив значение этих простых и необходимых в общении слов.

Ночевали мы в гроте, но как только рассвело, я решил, что пора действовать. Разбудив Пятницу, я прежде всего показал ему, что хочу, чтобы он носил одежду. Он не возражал, наоборот, одобрительно закивал, и я выдал моему дикарю первые попавшиеся штаны и рубаху, которые не слишком пришлись ему по росту. Тем же путем мы вернулись на холм, чтобы взглянуть, что происходит на берегу и остались ли на острове наши враги.

Берег оказался безлюдным, лодок не было видно; ясное дело: не дождавшись пропавших соплеменников, остальные дикари уплыли, однако я опасался, что они могут вернуться в любую минуту. Подождав немного, пока Пятница натешится подзорной трубой, я повел его в свое главное убежище. Мы проникли на участок не через подземный ход, а через частокол,

воспользовавшись перекидной лестницей, и все это время мой гость внимательно и восхищенно следил за моими действиями и удивлялся незнакомым вещам.

Не задерживаясь в доме, я вооружил Пятницу саблей; лук, которым он отменно владел, вместе с колчаном висел у него за спиной. Кроме того, я дал ему нести второе ружье. Сам я прихватил еще и мушкет. Я собирался взглянуть на то место, где бесчинствовали кровожадные пришельцы; мне нужны были более подробные сведения о дикарях.

То, что предстало моим глазам на берегу, вновь заставило меня содрогнуться. Картина была ужасающая, но у Пятницы она не вызвала никаких чувств. Он равнодушно смотрел на песок, пропитанный кровью, на останки человеческих тел, куски обугленного мяса, мелкие кости в золе потухшего костра. Я насчитал три черепа, и Пятница, указывая на них, объяснил, что всего было четверо пленников, трех убили и съели, а ему — он ударил себя несколько раз в грудь сжатым кулаком — удалось бежать; при этом мой спутник торжествующе взглянул на меня и широко улыбнулся.

Насколько я понял из его объяснений, он при-

надлежал к племени, которое проиграло битву другим дикарям. Взятых в плен воинов отвезли в разные места и совершили ритуальное убийство, а его и еще троих молодых индейцев усадили в одну из пирог, которые приплыли на мой остров. Ему не хотелось умирать, он убежал, господин его спас — вот и вся история.

Вздохнув, я велел Пятнице собрать в кучу черепа, кости и прочие кошмарные останки жертв, а затем бросить в костер, который я собирался разжечь, чтобы уничтожить все видимые следы варварского обычая. Он охотно принялся за дело.

Но внезапно я заметил, что наряженный в матросскую одежду дикарь совсем не прочь полакомиться человеческим мясом. На простодушном лице моего нового товарища было написано чисто каннибальское выражение. Я пришел в такое негодование, что Пятница перепугался больше, чем если бы его несчастные соплеменники вдруг ожили. Я тотчас дал ему понять, что без промедления убью его, если когда-либо замечу даже намек на подобное желание.

Парень энергично закивал в знак согласия и с необычайным проворством бросился выполнять мое поручение.

Уничтожив все следы кровавой бойни, мы воз-

вратились домой.

Прежде всего мы перекусили козьим молоком и лепешками, чрезвычайно одобренными индейцем, а затем я решил обеспечить Пятницу такой одеждой, которая была бы ему впору и чтобы он ни в чем не нуждался. Я отыскал в сундуке канонира холщовые брюки, немного их подрезал и добавил к ним один из моих удобных поясов. Позже сшил куртку из козьей шкуры, использовав все свои навыки и умение, чтобы она была удобна Пятнице, а в завершение смастерил шапку, весьма схожую с моей. Таким образом, мой индеец приобрел приличный вид и к тому же был страшно доволен тем, что стал похож на своего «господина».

Надо сказать, что первое время Пятница чувствовал себя в одежде непривычно, особенно мешали ему штаны, да и куртку парень, как мне казалось, недолюбливает, однако мало-помалу он привык и признал, что голым, даже на безлюдном острове, ходить не всегда удобно, особенно среди колючих зарослей.

Следующим моим шагом было устройство жилья для Пятницы. Еще во времена своей беззаботной жизни на острове я приладил над своей палаткой дополнительную кровлю из веток и

жердей, концы которых с одной стороны упирались в склон, образуя над входом в пещеру плотный навес. Снаружи навес поддерживался двумя крепкими столбами, между которыми я приладил дверь из досок. Дверь открывалась внутрь и на ночь запиралась на засов. Чтобы разместить Пятницу поудобнее и при этом мы не мешали друг другу, пришлось построить на моем подворье небольшой шалаш, отдаленно напоминающий с виду индейскую хижину. Жилище Пятницы располагалось между дверью, ведущей в мое помещение, и внешней оградой-частоколом.

Еще не зная характера и привычек моего дикаря, я раздумывал, как обезопасить себя от его простодушного любопытства или от непредсказуемых поступков, однако все эти предосторожности оказались излишними. Пятница настолько ко мне привязался, был до такой степени деликатен и услужлив, что мои опасения быстро рассеялись, а моя дверь всегда оставалась открытой настежь. Никто и никогда не имел такого преданного, верного и доброго слуги и товарища, каким был мой Пятница.

С каждым днем он все больше нравился мне.

К тому же Пятница, как выяснилось, был

необыкновенно толковым и сообразительным малым; он, как говорится, все схватывал на лету. Мне очень хотелось иметь в его лице собеседника и поскорее научить всему, что могло быть полезным для него, а главное — чтобы мы как можно быстрее начали понимать друг друга. Здесь, на острове, существование было непростым, а для него еще и не вполне понятным. Пятнице, лишенному привычного окружения, нужно было менять все свои привычки, вслушиваться в незнакомую речь и приспосабливаться к новым правилам жизни.

Однако он оказался толковым учеником, веселым, любознательным и прилежным. Он по-детски радовался, когда понимал меня и когда я его хвалил. Что до моих ощущений, то теперь мне жилось гораздо легче и приятнее, и, если бы не постоянная угроза вторжения воинственных дикарей, я согласился бы до конца своих дней остаться с Пятницей на этом острове…

Когда мы немного сжились и привыкли друг к другу, я подумал, что неплохо бы окончательно отучить Пятницу от людоедских привычек. Кормил я его в основном молочной пищей и хлебом; теперь же я посчитал, что настало время моему дикарю поменять свои кулинарные пристрастия

и отведать обычного мяса.

Дня через три после того как мы обосновались в нашей крепости, я взял Пятницу с собой на прогулку. У меня был план привести козленка из дальнего загона и приготовить мясное блюдо, чтобы дать его отведать индейцу. Но еще на полпути к лесу мы заметили невдалеке небольшое стадо диких коз. «Стой на месте!» — шепнул я парню, затем вскинул ружье, прицелился и выстрелил. Один козленок упал, остальное стадо врассыпную бросилось прочь.

После того как прогремел выстрел, Пятница замер, недоуменно уставившись на убитое животное. Не в силах взять в толк, что произошло, он принялся ощупывать себя, полагая, что и его могло ранить. Пришлось успокоить беднягу и объяснить, что я не собирался причинять ему вреда; улыбаясь, я показал ему на неподвижно лежащего козленка и велел забрать тушу и нести ее за мной. Пока он выполнял мое поручение, я снова перезарядил ружье.

В лесу, куда мы вскоре вошли, я увидел сидящую на ветке птицу, похожую на ястреба. С целью преподать Пятнице еще один урок, я подозвал его к себе, указал на птицу, затем на ружье в моих руках и на землю под деревом, куда птица должна

была упасть после выстрела. Вслед за этим я вскинул ружье, выстрелил, и добыча камнем рухнула вниз. Мой дикарь и на этот раз вздрогнул, но не испугался. Пятница поднял птицу, осмотрел рану, а затем внимательно исследовал ствол ружья. Он уже не удивлялся тому, что произошло, так как сразу понял связь выстрела и смертельной раны, однако я никак не мог втолковать ошеломленному Пятнице, что именно заставляет ружье исторгать грозный огонь и грохот. Ведь он не видел, как и чем я заряжаю оружие, и решил, что внутри предмета, с которым я никогда не расстаюсь, обитает волшебное живое существо.

Поняв это, он выразил полное изумление и пустился плясать вокруг ружья, выражая ему свое преклонение, да так бурно, что мне ничего не оставалось, как схватить Пятницу за плечо и немного встряхнуть, чтобы привести в чувство. Дай ему волю, он бы соорудил на этом месте алтарь. Дома я подсмотрел, как мой приятель почтительно беседует с оружием, не смея к нему даже приблизиться, а не то чтобы прикоснуться. Это была, как я догадался, молитвенная просьба, обращенная к духу ружья: не убивать его…

Глава 37
Воспитание Пятницы

Как только мой спутник немного опомнился, я попросил его поднять и принести подстреленную дичь. Ему пришлось поискать добычу в траве, так как я лишь ранил птицу и она попыталась отлететь, но снова упала и замерла. Пока Пятница рыскал в траве и нес добычу, вертя ее в руках и пристально разглядывая, я зарядил ружье в надежде еще поохотиться. Однако по пути нам больше ничего не попалось; добравшись до загона, я подоил коз, собрал молоко в кувшины и решил, что пора возвращаться домой.

Козленка, которого мы принесли с собой, я освежевал и разделал. Затем, взяв добрый кусок свежего мяса, сварил его в котелке с кореньями и приправами. Когда же мы с Пятницей сели ужинать, я угостил его для пробы похлебкой и куском козлятины.

Угощение ему понравилось; но больше, чем похлебку, Пятница одобрил вареное мясо. Вот только с солью у нас вышла загвоздка. Показав на горшочек с солью, стоявший на столе, он

скривился, стал отплевываться и всячески давал понять, что это очень невкусно. Для убедительности он даже прополоскал рот чистой водой. В ответ на это я лишь усмехнулся и в свою очередь показал, что еда без соли мне не по нутру. Это упрямца не убедило; он еще долго брезгливо морщился, когда я ставил на стол к обеду соль. Позже, научившись готовить еду, Пятница смирился с моими вкусами, но приготовленная им стряпня всегда оставалась недосоленной.

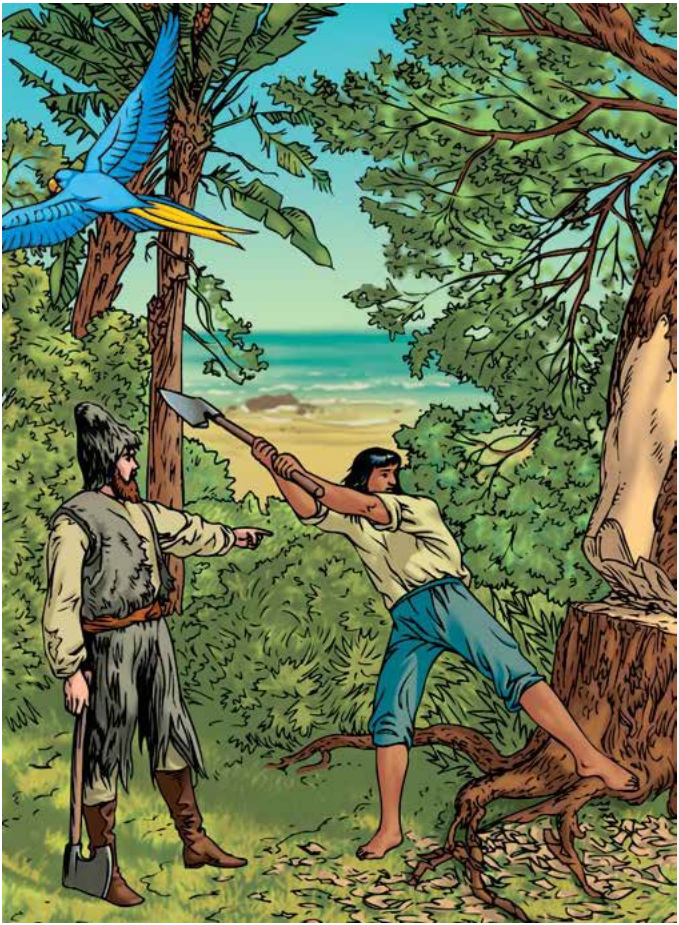
Спустя некоторое время я решил угостить моего слугу еще и жареным козленком. Для этого я развел огонь так, как делают у нас в Англии, чтобы приготовить жаркое на вертеле. Чтобы мясо получше прожарилось, я вбил две крепкие рогатины по обе стороны кострища, положил поперек жердь, привязал к ней кусок сырой козлятины и вращал его над огнем до тех пор, пока мясо не покрылось золотистой корочкой и не стало мягким и ароматным. Пятница неотрывно следил за моими руками и тем, как я колдую над вертелом, почтительно подавал нож, которым я пробовал, готово ли блюдо. Потом он осторожно отнес на стол свой кусок дымящегося мяса, который я ему предложил отведать. Восторгу его не было границ, едва он впился своими крепкими зубами

в угощение; сок стекал по его губам и подбородку, глаза блестели. Насытившись, Пятница объявил мне, что с этого дня он никогда больше не будет есть человечину, которая не идет ни в какое сравнение с приготовленным мною жарким.

Очень скоро я усадил его за работу. Я дал ему ступку и показал, как нужно толочь ячмень, чтобы зерна превратились в муку. Затем он просеивал муку, а я рассказывал ему, для чего это необходимо и как из муки замешивают тесто и выпекают хлеб. Он все отлично понял, наблюдая за моими дальнейшими действиями, за тем, как я замесил на козьем молоке тесто и нажарил лепешек. После этого на его глазах я испек хлеб из пшеничной муки. Через какое-то время Пятница уже мог заменить меня в этом деле, и мне показалось, что такая работа моему помощнику пришлась по душе.

Теперь, когда население острова увеличилось ровно вдвое, встал вопрос о продовольствии. Оба мы должны были ежедневно обедать и ужинать, поэтому я решил увеличить посевы, нашел новый участок и принялся за расчистку земли и строительство ограды. Пятница усердно помогал мне. Я рассказал ему о цели нашей трудной и кропотливой работы; он был тронут тем, что я так

о нем забочусь, и очень старался даже в мелочах быть мне полезным.



Без сомнения, это был самый счастливый год моей жизни на острове.

Я учил Пятницу английскому языку, и вскоре он довольно сносно его освоил. Теперь мой индеец знал названия и назначение почти всех предметов, которые употреблялись в нашем обиходе, географию тех мест, куда я его посылал, а уж такие слова, как «поле», «ферма», «грот», «бухта» «остров», стали для него самыми привычными.

Он так полюбил беседовать со мной, что мой язык, пребывавший в бездействии на протяжении стольких лет, иногда просил пощады. Но и без этих долгих разговоров чистосердечный, отзывчивый и добрый Пятница был для меня источником душевного подъема и спасением от гнета многолетнего одиночества. Мы все больше привязывались друг к другу.

Как-то раз я задал Пятнице вопрос, не тоскует ли он по родине и не хочется ли ему вернуться на материк. Мой приятель отрицательно покачал головой. Объяснялся он на ломаном английском, но уже хорошо понимал чужой ему язык, и в продолжение разговора я спросил, что представляет собой племя, из которого он происходит. Насколько оно воинственно и случалось ли ему побеждать в битвах?

Пятница наморщил лоб, раздумывая, затем приосанился и вскинул голову.

— Да, мы лучше всех биться! — горделиво произнес он.

— Если вы сражались лучше других, — задал я следующий вопрос, — почему так вышло, что ты попал в плен, а, Пятница?

— Наши много побили их, — последовал ответ.

— И все же, — не унимался я, — вы разгромили вражеское племя дикарей, а тебя почему-то взяли в плен…

— Я был другой край, — мрачно буркнул Пятница. — Их побили, где меня не было, там наших было больше. Наши взяли — три, много тысяч. Враги схватили всего один, два, три — и я.

— Отчего же племя не отняло тебя у врагов?

— Наши много побили…

— Почему ваши воины не пришли к тебе на помощь? — повторил я, чувствуя, что моему терпению приходит конец.

— У наших не было лодок, — вздохнул Пятница. — Трое и я связали и кинули в пирогу.

— Хорошо. А теперь ответь мне: твои соплеменники тоже съедают пленных? Увозят их подальше от хижин, разводят костры, пляшут, словно черти в аду, режут людей?

— Да, — кивнул он. — Так надо. Режут и едят. Особенно смелое сердце.

— Где это происходит?

— Где угодно. Разные земли…

— А на наш остров твое племя приплывало?

— Да… И тут, и другие места.

— И ты тоже был среди этих воинов, Пятница?

— Там. — Он махнул рукой на северо-запад. Затем, спохватившись, посмотрел на меня виноватыми глазами и смущенно добавил: — Тебя нигде не видно… Пятница не кушал бы добрый господин, он любить, кто его спас…

Это меня мало утешило, потому что я живо представил себе, как мой прилежный, простодушный и ласковый дикарь участвует в ритуальных пиршествах. И все-таки я повел Пятницу, чтобы он показал мне место на берегу, куда приплывали его соплеменники. Шел он со мной покорно, однако скрепя сердце, всем своим видом показывая, что не одобряет эту затею. Но тут у меня был особый интерес.

Мы добрались до побережья; никаких следов пребывания кровожадных туземцев там не осталось, и я понял, что племя Пятницы было здесь давненько, а остальное довершили муссонные дожди, крабы да птицы. Индеец неохотно сказал

мне, что приплывал сюда только один раз, что с собой привезли много врагов, двух женщин и даже ребенка. Пленных было двадцать. Поскольку Пятница все еще не умел считать больше пяти, по числу пальцев на одной руке, он сложил на песке кучку камешков, и я их пересчитал.

Я спросил Пятницу, далеко ли отсюда до его земли и часто ли случается, что пиро́ги его соплеменников тонут и не возвращаются домой. Он ответил, что путь не такой уж долгий и не очень опасный, все лодки достигали дальнего берега благополучно, потому что им помогали попутный ветер и течение. Вначале я решил, что индеец имеет в виду чередование приливов и отливов, но из дальнейших объяснений понял, что речь идет о течении, которое является как бы продолжением могучей реки Ориноко, впадающей в море вблизи от тех мест, где располагался мой остров. Впоследствии я узнал, что именно эта часть моего берега находится прямо напротив речной дельты. Полоса же земли, которую я видел вдали на северо-западе и раньше принимал за материк, есть не что иное, как большой остров Тринидад.

Пятница едва успевал отвечать на мои вопросы. Меня интересовало все о его родине: какой

рельеф берега, спокойно ли море, что за племена живут на этой земле… Он отвечал как мог и с большой готовностью, лишь о своих соседях-индейцах твердил одно слово — «кариб». Я догадался, что Пятница говорит о карибских племенах, которые, судя по последним географическим сведениям, обитают на побережье Америки от устья Ориноко до острова Сен-Мартен. Дальше было гораздо любопытнее. Мой слуга сообщил, что «за луной» — другими словами, на западе — есть такие же, как «господин», белые бородатые мужчины. Эти люди много убивают. Я понял, что речь идет об испанских конкистадорах, стяжавших во всем мире дурную славу своими завоеваниями и жестоким истреблением индейских племен.

Тем не менее я осторожно поинтересовался у Пятницы, можно ли каким-то образом добраться к «бородатым людям» с нашего острова. Он ответил: «Да, можно. Надо плыть два пирога…» Из этого я заключил, что индеец имеет в виду судно величиной в две средние лодки.

Наша беседа утешила меня и породила надежду, что рано или поздно я добьюсь того, чтобы положить конец моему заточению. И в этом мне поможет Пятница…

Мой верный дикарь часто наблюдал за тем, как я читаю Библию. Когда же он научился говорить со мной и стал лучше понимать меня, я подумал, что надо бы ему объяснить, что такое христианская вера. Я никогда не стремился в миссионеры, однако мне очень хотелось, чтобы мой новый товарищ узнал нашу религию так же хорошо, как он без труда освоил обычаи и привычки белого человека.

Для начала я спросил Пятницу:

— Как ты думаешь, кто тебя создал?

Он не понял меня, полагая, что речь идет о его отце. Тогда я поставил вопрос иначе:

— А кто сотворил море и землю, горы и леса, луну, звезды и солнце?

— Старый Бенамуки, — последовал ответ. — Он живет высоко-высоко, выше всех. Старше его нет!

Тогда я поинтересовался, почему старцу Бенамуки, если он такая важная особа, не поклоняются подобно тому, как на моей земле чтят нашего Бога.

— Вот, даже книга об этом написана. — Я кивнул на лежавшую у меня на коленях Библию.

Пятница задумался. Потом с важным видом произнес:

— Все на свете хвалят его.

— А куда идут люди твоего племени, когда умирают?

— Они и я идти к Бенамуки.

— И те, кто вас ест? — не унимался я. — И те, кого съедаете вы сами, тоже уходят к почтенному старцу Бенамуки?

— Все! — прозвучал категорический ответ.

— Знаешь, мой милый Пятница, — шутливо проговорил я, — у нас все проще. Для того чтобы попасть на небо, совсем не нужно, чтобы тобой пообедали…

Мне нравилось беседовать с ним на эти важные и сложные для каждого человека темы, тем более что Пятница слушал меня очень внимательно. Как-то раз теплым вечером мы спустились к морю и устроились рядышком на берегу. Солнце уже зашло, море тихо облизывало мелкую гальку, смешанную с песком; на душе у меня было спокойно и торжественно.

— Создатель всего мира живет на небесах, — сказал я ему, — так учит людей моя вера. Он там, где-то среди мерцающих звезд… Посмотри, как это далеко от нас, Пятница…

— Верно, — согласился мой ученик, устремив взгляд на звезды.

— Однако это не главное, — продолжал я. — Всемогущий Бог не только управляет миром, он еще справедлив и строг. Он может подарить человеку все, но может и отнять у него все. Чтобы человек знал об этом, Творец послал к людям своего сына — Иисуса Христа, который пришел спасти нас всех от грехов и научить терпению и молитве…

Так постепенно я открывал Пятнице священные тайны христианской религии. Индеец слушал меня с интересом; часто в одиночестве, когда было свободное время, он уходил на побережье. Больше всего он любил мои рассказы о воскресении Иисуса.

Однажды Пятница, задумчиво глядя на меня, заметил:

— Если твой Бог далеко, выше солнца, и все-таки его слышать все люди, значит, он гораздо больше и сильнее Бенамуки. Наши поднимаются в горы, где Бенамуки живет, и только там он их слышать. Из моей хижины — нет.

— А ты ходил в горы, разговаривал с ним? — спросил я.

— Нет. — Пятница покачал головой. — Молодые никогда не ходят, только старые. Мы их звать увокеки. Они подниматься на высокую гору и говорить с Бенамуки — как сейчас Пятница с

господином, — а потом нести нам его слова.

Мне стало ясно, что мой ученик говорит об индейских жрецах. Я даже не пытался его переубедить — обман и невежество еще и по сей день распространены не только среди язычников, но и в христианском мире…

Самой сложной для нас стала тема нечистой силы.

Я видел, что Пятница меня не понимает: он по врожденной доброте своей никак не мог согласиться с тем, что существует сила, которая стремится не только погубить человека, но и заставить его самого совершать дурные поступки. Мои объяснения о происхождении злого духа, его кознях, уловках и ненависти, о слабости человека и поклонении дьяволу, который принимает тысячи личин, были пустым звуком.

— Господин сказал, что Бог сильный и могучий? — Пятница вопросительно посмотрел на меня. — Так? Сильнее дьявол?

Я энергично закивал в ответ, заранее зная, о чем он сейчас поведет речь.

— Раз Бог больше злого духа, — продолжал Пятница, — почему он не убить дьявол, чтобы зла не было совсем?!

Он требовательно ждал ответа, и мне ничего

не оставалось, как самыми простыми словами объяснить, что дьявол будет наказан в день Страшного суда, сгорит в вечном огне… Но моего дикаря эти слова лишь раззадорили. Он отмахнулся от меня, как от докучливой мухи, и возмущенно воскликнул:

— Зачем так долго ждать? Почему не сегодня? Пятница не хочет ждать!

— У меня нет ответа на это твое «почему», — в конце концов разозлился я. — Ты лучше спроси, почему мы оба до сих пор живы? Ведь мы тоже грешим и огорчаем Бога, а он терпит и даже прощает…

Пятница задумался, затем вскочил и начал расхаживать вокруг меня, беспрерывно повторяя: «Хорошо, хорошо, это хорошо. Бог простит всех злых. Надо покаяться…»

Я смотрел на него, недоумевая, пока окончательно не понял, что мой индеец, будучи чистой, наивной и в то же время глубокой натурой, сам во всем разберется, сам придет к Богу, полюбит Христа и возненавидит врага рода человеческого. Мне оставалось только горячо молиться о душе моего чудесного товарища и помощника во всех моих делах — нынешних и будущих…

Прошло три года. Беседуя с Пятницей и читая

ему Библию, я многому учился и сам; то, чего я раньше не знал или не понимал, открылось мне во всей своей полноте. Я не ведаю, смог ли я полностью изменить натуру моего дикаря, но сам я ежедневно благодарил Бога за то, что он послал мне такого товарища. Я больше не был одинок, жизнь моя стала полнее и радостнее. Эти три года я прожил вместе с Пятницей в душевном мире и счастье, если, конечно, есть еще на земле полное счастье. «Как хорошо было бы, — часто думал я, мечтая, — вернуться вместе с ним в Англию. Со мной рядом всегда был бы преданный и любящий друг, на которого можно положиться».

Мой Пятница постепенно становился добрым христианином, даже лучшим, чем я. Он был искреннее, моложе, над ним не висел груз прошлого…

Со временем он стал гораздо свободнее говорить по-английски, хоть и коверкал по-прежнему некоторые сложные слова, а фразы строил на туземный манер. Зато понимал он теперь практически все. В дождливые дни я рассказывал ему о своих приключениях, и он слушал меня завороженно, как ребенок слушает старую сказку. Особенно Пятница интересовался подробностями моей жизни на острове в первые годы после

кораблекрушения. О своих бедах и страданиях я не говорил; мне хотелось дать понять этому еще совсем молодому человеку, что ни при каких обстоятельствах не нужно отчаиваться. Рассказывал я и о том, чему научился здесь.

Я открыл моему любознательному приятелю тайну пороха и научил его стрелять из ружья. Я подарил ему стальной нож, к которому он относился трепетно и бережно, и сделал портупею из кожи, наподобие тех, что носят английские охотники на крупную дичь, только вместо охотничьего тесака приспособил к портупее топорик, остро заточив лезвие. Топорик мог служить не только инструментом в повседневной работе, но и боевым оружием. А меткостью, ловкостью и силой мой приятель обладал, я думаю, в большей мере, чем любой из его туземных сородичей.

Глава 38
Белые люди

Трудно было найти более благодарного слушателя, чем Пятница.

Я поведал ему о различных странах Европы, в особенности подробно о моей родине — Англии. Описал государственное устройство, наши законы и обычаи, характер англичан, их привычки, объяснил, как мы совершаем богослужение. Пятница с живым интересом слушал о том, как мы ведем торговлю с другими народами, плавая по морям на торговых судах.

Однажды мы отправились с ним взглянуть на то место, где сел на мель корабль, на котором я отправился в свое последнее путешествие из Бразилии. Там уже и следов не осталось от несчастного судна, но я в мельчайших деталях рассказал ему обо всем: и какая страшная была буря, и как мы пытались спастись, и что произошло потом со мной и экипажем судна, который до последнего человека поглотило море.

Показал я Пятнице и почти развалившуюся шлюпку — ту самую, на которой мы надеялись

добраться до острова. Я вспомнил, как когда-то бесплодно пытался сдвинуть с песка тяжелую посудину, чтобы спустить ее на воду, и как, совершенно отчаявшись, бросил это занятие.

Глядя на обломки шлюпки, Пятница внимательно слушал меня, но лицо его оставалось задумчивым. Я спросил, о чем он думает, и мой спутник, немного помолчав, ответил:

— Я видеть такой пирога. Плавать то место, где быть мой народ…

Я не совсем понял значения этих слов: должно быть, похожую шлюпку принесло штормовыми волнами и выбросило на побережье там, где обитали индейцы его племени. И неудивительно — ведь морские торговые пути в Карибском море проходят среди коварных течений, рифов и мелких островов, а свирепые ураганы здесь совсем не редкость.

Затем Пятница пояснил, что какая-то «сильно большая пирога» была выброшена на берег бурей. Я представил себе, как произошло кораблекрушение и шлюпку оторвало от судна… В тот момент я даже не думал о моряках, мне не приходило в голову, что шлюпка могла оказаться с людьми, и продолжал расспрашивать Пятницу о том, как она выглядела.

Пятница описал лодку довольно подробно, однако лишь после того, как он с гордостью произнес: «Мы спасли много разный люди!» — я осознал всю важность рассказа индейца.

Я схватил его за руку и с жаром воскликнул:

— Там, в шлюпке, были белые люди?

— Да, — невозмутимо отвечал Пятница. — Полный пирога белый люди.

— Сколько их было? Что с ними стало?

— Они живут у мой народ. Много. — Он принялся показывать на пальцах.

«Семнадцать… — сосчитал я и подумал: — А не те ли это моряки, которые спаслись с испанского корабля, разбившегося в бурю о рифы у оконечности нашего острова? Вполне возможно, что они пересели на большую шлюпку, а течение отнесло их в открытое море и прибило к земле дикарей…»

Я принялся выпытывать у Пятницы подробности.

— Ты точно знаешь, что все белые люди живы? Что никто из них не заболел гнилой лихорадкой, не умер?

— Пятница не обманывать господин. — Мой приятель даже слегка обиделся. — Живой, — подтвердил он и показал мне четыре пальца, —

столько годы живой белые люди. Мой народ дает им есть…

— И вы их не убили, не съели по вашему обычаю? — на всякий случай осторожно осведомился я.

— Зачем убили? — Пятница с удивлением посмотрел на меня. — Мир. Мой народ помогать белый братья. Наши съесть враг только на война, после битва.

На этом мы закончили разговор, и некоторое время я больше ни о чем его не расспрашивал.

Прошло довольно много времени, и вот однажды в погожий день я отправился с Пятницей прогуляться на восточное побережье острова. Когда-то оттуда я впервые увидел неизвестную землю на горизонте и решил, что это южноамериканский материк. Но как только мы поднялись на возвышенность и перед нашим взором возникли очертания дальних берегов, мой приятель неожиданно громко закричал, начал прыгать, кружиться, размахивать руками и звать меня.

Я бросился к нему и спросил, что случилось.

— О радость! Смотри, господин! — воскликнул Пятница, указывая в морскую даль. — Там… Моя земля… Мой народ!

При виде счастливого лица индейца, его бле-

стящих глаз и искреннего душевного порыва я почувствовал, как сжалось мое сердце. Казалось, дай ему волю — и он птицей полетит через море к родным хижинам. Однако в тот же миг в душе моей зародилась горькая печаль — я усомнился, что мой верный товарищ и слуга так уж предан мне. С этой минуты мне стало казаться, что при первой же возможности Пятница вернется к своим соплеменникам и очень скоро позабудет и новую веру, и меня, и то, чему я его научил.

«Мой дикарь, — думал я, с подозрением поглядывая на ликующего Пятницу, — даже, возможно, вернется сюда со своими соплеменниками, чтобы закусить моей персоной… Недаром говорят: сколько волка ни корми, а он все в лес глядит…»

Как я, глупец, был несправедлив к моему верному другу и помощнику! Чуть позже я искренне раскаивался в том, что, став недоверчивее и холоднее к Пятнице, дал волю своим пустым фантазиям и недобрым чувствам. Я даже пускался на хитрости, чтобы заставить Пятницу проговориться, выдать нетерпеливое желание бросить меня и поскорее вернуться домой, к прежней жизни, но он оставался таким, как всегда: доверчивым к моим словам и замечаниям, простодушным, услужливым и совершенно спокойным. Каждый

день Пятница вставал на рассвете раньше меня, подметал двор, помогал мне готовить завтрак, выполнял всю работу по домашнему хозяйству, которую я ему давал, а затем на протяжении всего дня трудился без устали…

Несколько недель продолжалась эта пытка.

Через какое-то время очнувшись, я до того устыдился своих нелепых подозрений, что едва не расплакался. Скоро я окончательно успокоился и наша жизнь потекла в привычном русле. Я полностью избавился от недоверия к своему товарищу по несчастью, тем более что Пятница даже не заметил того, что происходило со мной. Это и было главным и решающим доказательством его преданности и любви ко мне.

Однажды мы снова отправились в дальний конец острова. Стояло ненастье, дул порывистый ветер, и над морем висела непроглядная мгла. В середине дня мы оказались на том же холме, откуда в ясную погоду виднелась родина Пятницы, сейчас скрытая туманом.

Я подозвал моего спутника и спросил:

— Ты по-прежнему хочешь вернуться туда, где живут твои соплеменники?

— Да! — весело отвечал Пятница. — Как хорошо быть моя земля!

— И чтобы ты сделал, возвратившись домой? — продолжал я. — Должно быть, снова вернулся к старым обычаям, ел бы человечину, забросил одежду и поклонялся Бенамуки?

Тут мой дикарь принял печальный вид и, покачав головой, ответил:

— Нет, господин. Пятница рассказывать молиться Богу, печь хлеб из зерен, есть мясо козы и пить молоко. Людей никогда не есть!

— Но ведь тогда они тебя убьют!

При этих словах он задумался, а затем проговорил:

— Нет, не убьют. Они любить учиться.

И тут же поведал, что его сородичи научились многим вещам от бородатых людей, которых принесла в лодке буря.

Тогда я спросил Пятницу, указывая на море, не хочет ли он вернуться, но он понял меня буквально, рассмеялся и заявил, что вплавь такое расстояние человеку не одолеть. В ответ я пообещал ему построить крепкую пирогу.

— Если господин плыть, то и Пятница плыть, — твердо сказал он.

— Мне плыть с тобой? — вскричал я. — Да ведь твои соплеменники съедят меня при первом удобном случае!

— Нет-нет! — Он даже присел от возмущения. — Я делать так, что вас не есть, а много любить и почитать!

Он имел в виду, что расскажет сородичам о том, как я убил двоих врагов и спас ему жизнь, что, по его мнению, должно обеспечить мне их вечную признательность.

Затем Пятница поведал мне, что его соплеменники были очень добры к бородатым белым людям и что лишь один из вождей племени недолюбливал их и пытался затеять с ними ссору.

Глава 39
Судостроительная верфь

С этой минуты меня не покидало желание любым способом связаться с «бородатыми людьми», которые, по моим предположениям, были либо испанцами, либо португальцами. Если бы мне удалось объединиться с ними, то вместе мы гораздо быстрее нашли бы способ добраться до какого-нибудь поселения или колонии.

Спустя несколько дней я снова завел разговор об этом с Пятницей. Начал я издалека, заявив, что хочу показать ему одну из своих лодок. Мы отправились на противоположную сторону острова, где я держал меньшую пирогу, затопив ее на небольшой глубине. Мера эта была необходима, потому что дикари могли обнаружить мое суденышко.

Вычерпав из пироги воду, мы установили на место весла и мачту, а затем уселись в нее и отчалили. Пятница оказался на удивление ловок и сметлив в работе, и многое ему удавалось не хуже, чем мне. К тому же силы и сообразительности моему молодому другу было не занимать.

Мы не спеша шли на веслах, когда я спросил:

— Ну что, Пятница, доплывет моя пирога до вашего берега?

На лице туземца отразилось крайнее изумление. Он затряс головой и жестами дал понять, что считает эту пирогу слишком маленькой и непригодной для такого плавания. Тогда я сказал, что у меня есть кое-что побольше и повместительнее.

На следующий день я отвел его к холму в гуще леса, где лежала первая из сделанных мною пирог, самая большая, которую я так и не сумел спустить на воду.

Пятница похвалил ее размеры — по его словам, такая лодка могла взять на борт до двадцати человек, не считая запасов воды и провизии, и благополучно пройти сорок миль даже при свежем ветре. Однако за те два с лишним десятилетия, которые эта пирога пролежала под открытым небом, солнце и дожди нанесли ей непоправимый ущерб. Древесина бортов растрескалась и почернела, днище местами прогнило.

Это не повлияло на мое намерение отправить Пятницу с известиями на далекий берег. Убедившись, что от старой пироги нет никакого толку, я объявил ему, что мы приступаем к постройке новой большой лодки, на которой он сможет

вернуться к сородичам.

Тут мой дикарь впал в задумчивость и опечалился. Я спросил, что с ним, и Пятница отвечал, что не понимает, чем провинился и почему хозяин так сердит на него.

Мне пришлось поклясться, что никакой причины нет, что я совсем на него не сержусь.

— Тогда почему, — обиженно спросил Пятница, — ты хочешь избавиться от меня? Чем я тебя прогневил?

— Разве ты не говорил мне много раз, что хочешь вернуться на родину? — удивился я.

— Говорил, — согласился он. — Я желать, чтобы мы оба быть там: Пятница и господин.

— Да что же мне там делать, Пятница! — вскричал я. — Как я могу покинуть остров, где у меня есть все, что нужно для жизни? А мои поля, а загоны с козами, которые нуждаются в пропитании и дойке?

— Вы делать много хорошего мой народ. Учить добру, знать Бога, жить другой жизнь. И никого не убивать и не есть.

— Ты сам не понимаешь, что говоришь, Пятница, — возмутился я. — Чему я могу научить твоих сородичей, если я сам круглый невежда и к тому же совсем одичал на этом острове? Отправляйся

сам, а меня оставь жить по-старому — так, как я привык.

От этих слов мой дикарь страшно расстроился, убежал и вернулся с топором в руках.

— Вот, — сказал он, протягивая мне топор, — возьми.

— Что, по-твоему, я должен сделать? — опешил я.

— Убить Пятницу!

— Убить? Но зачем?

— Лучше убить, чем прогонять!..

Последние слова он произнес с таким искренним и глубоким чувством, что глаза мои наполнились слезами. В них звучали любовь и привязанность, и я поторопился заверить моего Пятницу, что никогда не прогоню его, разве что сам он захочет расстаться со мной.

Итак, он стремился на родину и в то же время не желал разлучаться со мной, а у меня была единственная цель: вырваться из заточения на острове. И надеяться я мог только на помощь и поддержку тех самых «бородатых людей», которые сейчас влачили убогое существование среди соплеменников Пятницы и сами нуждались в помощи.

Вот почему, больше не раздумывая и не пре-

пираясь, мы с моим дикарем отправились в лес искать дерево, которое подошло бы для строительства вместительной и прочной пироги.

На моем острове было достаточно леса, чтобы построить целый флот, но нас интересовали только те деревья, которые находились как можно ближе к берегу. Иначе мы могли бы повторить ошибку, которую я уже допустил в прошлом, и наша лодка никогда не будет спущена на воду.

Наконец Пятница, хорошо знавший, какие породы деревьев лучше всего подходят для нашей цели, выбрал одно. С большим трудом нам удалось свалить лесного гиганта, названия которого я по сей день не знаю, после чего мой приятель, обтесав его, предложил выжечь внутреннюю часть будущего челна. Однако я доказал ему, что намного быстрее и легче выдолбить сердцевину с помощью плотницких инструментов.

Пятнице не понадобилось много времени, чтобы перенять у меня навыки обращения с теслом, топором и пилой. За месяц упорного труда мы придали нашей пироге необходимую форму и выдолбили ее изнутри. Затем две недели ушло у нас только на то, чтобы с помощью деревянных катков и рычагов доставить лодку к берегу моря. Медленно и упорно, шаг за шагом мы переме-

щали эту огромную тяжесть. Порой за целый день, выбиваясь из сил, нам удавалось сдвинуть пирогу на каких-нибудь два-три ярда.

Когда же пирога наконец была спущена на воду, я пришел в восхищение, наблюдая за тем, с какой ловкостью и умением Пятница управляется с веслами и рулем. В его руках большая и тяжелая лодка, способная вместить два десятка человек, казалась легкой как перышко.

Я спросил Пятницу, кажется ли ему пирога надежной, и он ответил, что даже шторм не помешает ей добраться до цели.

Мы решили оснастить наше судно не только веслами, но и мачтой, парусом и якорем.

Для мачты я выбрал молодую кедровую сосну, приказал Пятнице срубить ее и очистить от веток и коры. Парусом я занялся сам. У меня в кладовой лежало немало старых корабельных парусов, в том числе и разрезанных на части. Но так как они пролежали уже много лет и я не заботился об их сохранности, большая часть парусины истлела и пришла в полную негодность. Однако я все-таки нашел два подходящих по размерам и довольно прочных куска, сшил их и соорудил косой парус вроде тех, которые в Англии называют «баранья лопатка». Обычно под такими парусами ходят

корабельные шлюпки.

Я умел управлять косыми парусами еще с тех времен, когда бежал от мавров на баркасе, и мог быстро обучить этому нехитрому искусству Пятницу.

Два месяца ушло у нас на установку мачты, снастей и парусов. К мачте я прикрепил небольшой поворотный штаг, что позволило пироге лавировать и даже идти против ветра, а на корме установил руль. Мы с Пятницей были не слишком умелыми кораблестроителями, но нас подталкивало сознание того, как важны и нужны все эти устройства в открытом море, поэтому мы не жалели труда.

Когда все было готово, я показал на практике моему дикарю, как управляться с парусом, как ходить галсами и поворачивать с помощью руля. Вскоре Пятница стал настоящим мореходом, за одним исключением — он никак не мог понять, каким образом следует пользоваться компасом и зачем этот прибор нужен в море. Туземцы вообще не совершают долгих плаваний, а во время коротких переходов между островами ориентируются по звездам и солнцу. В этих краях не бывает густых туманов, а пасмурная погода стоит недолго, поэтому небесные светила почти всегда видны.

Наступил двадцать седьмой год моего заточения на острове, и хотя последние три года, которые я провел в обществе моего Пятницы, не шли ни в какое сравнение с прежним одиночеством, время это можно было сопоставить с целой человеческой жизнью. День моего прибытия на остров я всегда праздновал с искренней благодарностью Всевышнему за его милосердие. А теперь у меня было еще больше причин благодарить Создателя — передо мной забрезжила надежда на освобождение. Я верил всем сердцем, что до возвращения на родину мне осталось провести здесь не больше года, однако продолжал ухаживать за своими полями, собирал и сушил виноград, доил коз, чинил ограды и ловил рыбу вместе с моим товарищем по несчастью.

Наступил сезон дождей; один за другим на остров обрушивались штормы, и для того, чтобы сохранить нашу новую лодку в целости, я привел ее в тот самый залив, где когда-то причаливал на плотах с имуществом погибшего корабля. Во время самого высокого прилива Пятница выкопал на суше небольшой бассейн, достаточно просторный, чтобы пирога оставалась в нем на плаву; затем мы ввели туда наше судно и отгородили бассейн от залива прочной плотиной.

Теперь наша лодка находилась на берегу и одновременно на воде, и самые высокие прибойные волны были ей не страшны. Чтобы предохранить пирогу от дождей, мы прикрыли ее толстым слоем древесных ветвей — получилось нечто вроде шалаша. Оставалось дождаться ноября — на этот месяц я назначил отплытие Пятницы.

Как только установилась хорошая погода, я занялся подготовкой всего, что необходимо для путешествия. В первую очередь нужно было собрать достаточный запас провизии и упаковать ее так, чтобы ее не испортила соленая вода. Уже через неделю я рассчитывал разрушить во время прилива плотину и перегнать пирогу из бассейна в залив.

Однажды утром я занимался обычными делами, а Пятницу отправил на взморье, чтобы он поискал в песке гнезда зеленых черепах. Черепашьи яйца были нашим обычным лакомством. Не прошло и получаса, как я увидел, что мой приятель мчится обратно. Перемахнув через частокол, Пятница бросился ко мне и, не успел я открыть рот, чтобы спросить, что случилось, закричал, задыхаясь:

— О, мой господин! Беда! Случилось плохое!

— Что такое, Пятница, говори толком!

— Там… ох… — Он едва переводил дух. — Там один, два, три лодка! Один, два, три!

Зная его манеру изъясняться, я решил, что лодок шесть, но оказалось, что все-таки три.

— Ну и чего ты так испугался? — произнес я как можно спокойнее, чтобы ободрить его. — Подумаешь, лодки!

Однако Пятница был в панике и дрожал всем телом. Оказывается, он вбил себе в голову, что те дикари, от которых он спасся, снова явились за ним и теперь рыщут по всему острову, чтобы съесть его.

Пришлось сказать ему, что и я в такой же опасности и при случае меня съедят с не меньшим аппетитом, чем его. Но живьем в руки каннибалам мы не дадимся, и, по-видимому, придется вступить с ними в бой.

— Ты готов сражаться, Пятница? — спросил я.

— Пятница стрелять! — отвечал он. — Но их много, очень много!

— Не беда, — сказал я. — Все они разбегутся при первом же мушкетном выстреле. Я буду защищать тебя, а ты защитишь меня.

— Пятница умереть, когда господин прикажет умереть! — твердо произнес мой верный туземец, уже овладев собой.

Мы с ним сделали по доброму глотку рома, зарядили охотничьи ружья и мушкеты крупной дробью и прихватили еще пару пистолетов. Я подвесил к поясу свою тяжелую ржавую саблю без ножен и вручил Пятнице плотницкий топор.

После этого я поднялся на склон холма над нашим убежищем и, глядя в подзорную трубу, насчитал на берегу двадцать одного дикаря, трех пленников и три пироги. Нетрудно было догадаться, что единственной целью прибытия этой орды было людоедское празднество, варварский ритуал, который они справляли после всякой победы в стычках с соседями.

На этот раз дикари причалили не к тому месту, откуда сбежал Пятница, а гораздо ближе к нашему заливу. Берег там был более отлогим, и лес подступал почти к самой воде.

Меня переполняло негодование, когда я наблюдал за тем, как негодяи готовятся к своей кровавой забаве едва ли не у порога нашего дома. Я бегом вернулся к Пятнице и сообщил ему, что принял решение напасть на дикарей врасплох и перебить всех до единого.

Мы нагрузились оружием — Пятница взял два мушкета и ружье, а за пояс заткнул один из пистолетов, себе я оставил также два мушкета и

охотничье ружье. Кроме того, я сунул в карман флягу с ромом, а Пятнице дал нести кожаный мешок с порохом и пулями.

Перед тем как перебраться через частокол, я строго-настрого приказал ему ни на шаг не отходить от меня, не стрелять, ничего не делать без моей команды и не произносить ни слова, что бы ни случилось.

Выйдя из дома, мы свернули направо и сделали лесом крюк около мили, чтобы обойти залив и приблизиться к неприятелю на ружейный выстрел незамеченными. Однако уже в пути в голову мне начали приходить некоторые мысли, которые поколебали мою решимость.

Нет, я не боялся многочисленных врагов — они по сравнению с нами были почти безоружными, и даже если бы я остался один, без Пятницы, то наверняка справился бы с ними. Но какая причина, спрашивал я себя, вынуждает тебя, Робинзон, идти на убийство и обагрять руки кровью? Эти люди не причинили тебе никакого зла, а их зверские обычаи ничем не отличаются от обычаев десятков других племен и народов. В сущности, они не виноваты в том, что соблюдают те же ритуалы, которые соблюдали их предки в десяти поколениях. Бог лишил из света разума,

но не мне быть судьей их поступков, и уж тем более исполнителем приговора. И если Бог сочтет нужным, то сам покарает их за все злодеяния!

Конечно, у Пятницы имелись оправдания: эти люди были его врагами, он находился с ними в состоянии войны и имел полное право напасть на них. Пятница, но не я.

Глава 40
Пятница и его отец

Эта мысль так глубоко запала мне в душу, что я решил подобраться к дикарям поближе, чтобы взглянуть на их чудовищный пир, и уж тогда начать действовать по обстоятельствам и так, как внушит мне Провидение. По крайней мере, пока я не собирался вмешиваться во что бы то ни было.

С такими мыслями я пробирался по лесу, стараясь двигаться как можно осторожнее. Пятница следовал за мной по пятам. Мы не останавливались до самой противоположной опушки, неподалеку от которой расположились дикари. Теперь нас отделял от них лишь небольшой перелесок.

Я шепотом подозвал моего спутника, указал ему на огромное дерево, возвышавшееся над всеми вершинами, и велел попробовать забраться туда, чтобы в точности разведать, чем занимаются туземцы. Пятница повиновался и вскоре, вернувшись обратно, сообщил, что с дерева все видно как на ладони. Дикари сидят у огня, пожирая одного из пленников, а другой, связанный,

лежит на песке в ожидании своей участи. Нет никаких сомнений, что негодяи умертвят и его.

Тут в моей душе вспыхнуло пламя гнева. А Пятница добавил: пленник этот явно не принадлежит ни к одному туземному племени, потому что кожа у него светлая, а лицо заросло бородой. Очевидно, он из тех «бородатых людей», о чьем прибытии в здешние края мой спутник уже рассказывал мне.

При упоминании о бородатом белом человеке я почувствовал настоящий ужас. Забравшись на нижние ветви того же дерева, где только что побывал Пятница, с помощью подзорной трубы я смог разглядеть на прибрежном песке связанного лианами человека. Это, несомненно, был европеец, хотя дикари не оставили на нем ни клочка одежды.

За перелеском, отделявшим нас от пирующих людоедов, виднелось еще одно высоченное дерево. Отсюда до него было не больше пятидесяти ярдов. Сделав небольшой крюк, мы могли скрытно к нему подобраться и тогда оказались бы на расстоянии половины ружейного выстрела от туземцев.

Я едва мог сдерживать захлестнувшую меня ярость, хотя и понимал, что действовать нужно

совершенно хладнокровно. Отступив шагов на тридцать, я обогнул заросли кустарника и, пользуясь ими как прикрытием, пробрался ко второму дереву. Там я спрятался за стволом и стал наблюдать за дикарями. От дерева до костра было не больше восьмидесяти ярдов, и я мог рассмотреть все в подробностях.

И сразу же я понял: нельзя терять ни минуты. Девятнадцать людоедов, собравшись в кружок, сидели у огня, а двое уже направлялись к светлокожему человеку, наверняка собираясь прикончить его и разделать, как свиную тушу. В руках у одного из них я увидел меч, выточенный из бакаутового дерева. Когда палачи склонились над пленником, чтобы разрезать его путы, я обернулся к Пятнице, который как тень следовал за мной, и проговорил:

— Обещай, что будешь в точности исполнять все, что я тебе прикажу. — Он кивнул в ответ, и я добавил: — Следи за мной и неукоснительно повторяй все, что бы я ни сделал. И смотри — ничего не упусти!

Тут я опустил ружье прикладом на землю, и Пятница немедленно опустил свое, я прицелился в дикарей — и он вскинул ствол, ловя на мушку людоедов.

— Хорошо, — сказал я. — Ты готов?

— Да, — ответил он.

— Ну, раз так, — воскликнул я, — тогда огонь!

В ту же секунду я выстрелил в толпу дикарей.

Удивительно, но Пятница оказался более удачливым стрелком, чем я: он убил двоих наповал, а еще троих ранил, тогда как я убил только одного, а ранил двоих.

Видели бы вы эту картину! Переполох, поднявшийся у костра, был ужасен. Все, кто не был ранен или убит, повскакивали со своих мест и с криками заметались по берегу, не понимая, откуда на них обрушилась неведомая опасность.

Пятница тем временем не спускал с меня глаз, чтобы, согласно приказу, повторять каждое мое движение. Сразу после первого выстрела я бросил мушкет и схватил охотничье ружье — он последовал моему примеру. Я зарядил и прицелился — он поступил так же.

— Готов ли ты, Пятница? — спросил я.

— Да! — отвечал он.

— Ну так стреляй же! — И мы одновременно еще раз выстрелили в насмерть перепуганных негодяев.

Поскольку наши ружья были заряжены крупной дробью, нам удалось свалить с ног только

двоих, но широко разлетевшаяся дробь ранила многих дикарей, и они, окровавленные, с воплями и проклятиями бросились к воде и в заросли. По пути упали еще трое раненых и продолжали ползти, стараясь укрыться от наших выстрелов.

— Теперь, Пятница, — вскричал я, бросая на землю разряженное ружье и хватая готовый к бою мушкет, — за мной!

С этими словами я выскочил из-за дерева и бросился вперед. Пятница не отставал ни на шаг. Как только дикари заметили нас, я испустил нечеловеческий вопль, к которому присоединился мощный крик, вырвавшийся из глотки моего спутника, и со всех ног (насколько позволяла мне тяжесть оружия) помчался к несчастной жертве людоедов, человеку, который по-прежнему лежал между костром и кромкой прибоя. Оба дикаря, собиравшиеся взяться за свое кровавое дело, бросились наутек при первом же звуке выстрелов. Промчавшись по мелководью, они прыгнули в отчаливающую пирогу, в которой уже находились трое их соплеменников.

Я повернулся к Пятнице, велел ему подойти поближе к воде и открыть огонь. Он пробежал ярдов сорок и выстрелил вслед пироге. Сначала мне показалось, что одним этим выстрелом он перебил

всех, кто там находился, но затем двое дикарей поднялись и потянулись к веслам. Однако двое точно были ранены, а третий, похоже, мертв.

Пока Пятница стрелял в людоедов, я одним взмахом ножа перерезал лианы, которыми был связан несчастный пленник. Освободив его ноги и руки, я помог этому человеку подняться и спросил по-португальски:

— Как ваше имя?

Он не понял меня и отвечал на латыни:

— Кристианус (то есть христианин).

Я не стал его больше расспрашивать — пленник был так слаб и изнурен, что едва мог говорить. Вынув из кармана бутылку с ромом, я протянул ее бедняге, чтобы он подкрепился. Затем я дал ему ломоть хлеба, и он с жадностью набросился на пищу. Только после этого я попытался узнать, откуда он родом, и в ответ пленник пробормотал:

— Эспаньол.

Испанец стал жестами показывать, как он мне благодарен за избавление от ужасной гибели.

— Сеньор, — проговорил я на ломаном испанском, — оставим изъявления признательности на потом. Сейчас нужно сражаться. Если вы в силах, вот вам пистолет, а вот сабля. Берите их и отомстите за свои унижения!

Пленник принял оружие с горячей благодарностью. Оно как будто вернуло ему силы и заставило кровь бежать быстрее в жилах. Как одержимый, он бросился на своих палачей и в считанные минуты настиг и зарубил двух людоедов. Потрясенные грохотом наших выстрелов, дикари почти не сопротивлялись и не могли бежать. Огнестрельное оружие произвело на их темное воображение такое же действие, как вмешательство высших сил. Точно так же вели себя беглецы в пироге — от выстрела Пятницы все до единого повалились в испуге ничком, тогда как в действительности ранения получили всего трое.

Я продолжал держать в руках ружье с взведенным курком. Наготове у меня было еще несколько зарядов пороха и дроби. Окликнув Пятницу, я велел ему сбегать к тому месту, откуда мы сделали первые выстрелы, и принести оставшееся под деревом разряженное оружие. Мой приятель исполнил это с величайшей быстротой. Тогда я передал ему свое ружье, а сам присел, чтобы перезарядить мушкеты.

Пока я этим занимался, у испанца завязалась жестокая схватка с могучим дикарем, отбивавшимся от него деревянным мечом — тем самым орудием, которым его совсем недавно

собирались лишить жизни, если бы я этому не помешал. Испанец был отчаянно смел и бесстрашен: несмотря на свою слабость, он искусно сражался с индейцем и нанес ему несколько ран в голову. Но дикарь, здоровенный детина, ловко увертывался и в конце концов ухитрился выбить из рук противника саблю. Тогда испанец отпрыгнул, выхватил из-за пояса пистолет и уложил темнокожего врага наповал одним выстрелом. Людоед растянулся на песке, и, хотя я уже готов был броситься на помощь храбрецу, ему это не понадобилось.

Пятница, вооруженный одним топориком, преследовал беглецов и тех, кого ему удавалось настичь и сбить с ног, одного за другим отправляя в лучший мир.

Отдышавшись, испанец потребовал у меня мушкет. Я дал ему одно из своих охотничьих ружей, с которым он без промедления бросился в погоню за двумя дикарями и ранил обоих. Однако долго преследовать их он не мог, и дикарям удалось скрыться от погони в лесной чаще. Там их уже поджидал Пятница — настигнув одного, он в два счета с ним расправился, а второй, невзирая на раны, бросился со скалы в море и из последних сил поплыл вдогонку за двумя своими

соплеменниками, спасавшимися в пироге.

Только этим троим и удалось спастись из целой толпы, в которой я насчитал более двадцати людоедов. Они отчаянно работали веслами, стараясь как можно быстрее отойти подальше от берега, и, хоть Пятница стрелял по ним еще дважды или трижды, ни один из них не был даже ранен.

Мой приятель и слуга хотел было, взяв одну из пирог, броситься в погоню за беглецами. Я также присоединился к нему, потому что побег этот меня чрезвычайно беспокоил. Как знать, а вдруг эти трое благополучно доберутся до своего племени и поведают о том, что случилось на моем острове? И тогда сюда может нагрянуть целая армада из двух или трех сотен пирог, набитых туземцами в таком количестве, что нам с ними вряд ли удастся справиться.

Мы бросились к пироге, но едва я занес ногу, чтобы переступить через борт, как увидел на дне связанного лианами туземца. Бедняга, так же как и испанец, был обречен на съедение! Он едва дышал от страха, не понимая, что происходит вокруг. К тому же он настолько крепко был скручен лианами и так долго пролежал в таком положении, что находился на волосок от смерти. Искра жизни, как мне показалось, едва

теплилась в нем.

Я тотчас разрезал лианы и хотел было помочь ему подняться с днища пироги, но он был совершенно обессилен и мог лишь испускать жалобные стоны. Должно быть, он решил, что его развязали только для того, чтобы умертвить.

Подоспевшему Пятнице я велел сказать туземцу, что тот спасен. Глоток рома из моей бутылки наряду с вестью о счастливом избавлении благотворно подействовали на несчастного. Вскоре он уже смог приподняться, а затем и сел, опираясь на борт пироги.

Когда же Пятница услышал голос и всмотрелся в лицо пленника-туземца, моим глазам предстало зрелище, растрогавшее меня до слез: он бросился целовать, обнимать и прижимать к себе этого полуживого дикаря. Мой приятель плакал, смеялся, кричал, прыгал вокруг пленника, плясал и пел; потом вдруг вновь принимался плакать, заламывать руки и колотить себя по лицу и голове. И тут же опять пел и плясал как безумный. Прошло немало времени, прежде чем нам с испанцем удалось добиться от него связных слов, объяснивших, что происходит.

— Это мой отец! — прокричал Пятница и снова залился слезами.

Я был поражен таким непосредственным выражением счастья и любви — чувств, которые охватили моего дикаря при виде отца, только что избавленного от жуткой смерти. Мне не под силу их описать, да и нужды в этом нет. Пятница то бросался в пирогу, то выскакивал из нее, то садился, обнимая отца и прижимая к своей груди его голову, то принимался изо всех сил растирать и согревать его онемевшие от грубых лиан руки и ноги. Увидев это, я предложил использовать для растирания ром, и это оказало свое действие — жизнь стала постепенно возвращаться к пожилому индейцу.

Все это заняло немало времени, и пирога с дикарями почти скрылась из виду. О преследовании теперь нечего было и думать. Но и в этом нам повезло: часа два спустя поднялся порывистый северо-западный ветер, который становился все сильнее и к вечеру превратился в жестокий шторм. Ветер дул навстречу сбежавшим дикарям, и едва ли легкой и хрупкой пироге удалось справиться с бушующим морем и благополучно достичь берега.

Но вернемся к Пятнице. Он до того был занят своим отцом, что я не решался его потревожить. Наконец я позвал его, и он прибежал вприпрыж-

ку. Глядя на его физиономию, которая выражала необычайную радость, я спросил, дал ли он отцу хотя бы кусок хлеба. На это Пятница затряс головой и смущенно пробормотал:

— Нет хлеба. Пятница, скверный пес, все съесть сам…

Я сунул ему лепешку, которую предусмотрительно засунул в карман, и оттуда же извлек пару кистей изюма.

Все это Пятница вручил отцу, а когда тот принялся за еду, вдруг опрометью выскочил из пироги и понесся по берегу, словно за ним гналась сотня дикарей. Бежал он с такой быстротой, что в считанные мгновения исчез из виду. Напрасно я звал его, крича вслед, — мой приятель даже не обернулся. А через четверть часа я снова увидел его: Пятница возвращался, но теперь уже гораздо медленнее. Приблизившись, он совсем убавил шаг, и я разглядел, что у него в руках.

Оказывается, он успел сбегать в мою крепость и теперь нес кувшин со свежей водой и несколько лепешек. Лепешки он сразу же отдал мне, а воду, после того как я сделал несколько глотков, отдал отцу. Вода чудодейственно оживила пожилого дикаря — он, как выяснилось, умирал от жажды.

Когда дикарь напился, я спросил у Пятницы,

не осталось ли немного воды? Кувшин был еще наполовину полон, и я попросил его напоить также испанца, который наверняка испытывал не меньшую жажду, и отнести ему одну из лепешек.

Окончательно ослабевший, пленник-европеец неподвижно лежал на траве под тенистым деревом. Его боевой задор угас, ноги одеревенели и распухли от пут, которыми были жестоко стянуты на протяжении долгого времени. Он едва смог приподняться, чтобы напиться воды, и полулежа взялся за лепешку. Я направился к нему и протянул бедняге пригоршню изюма. Он взглянул на меня с такой признательностью, что у меня защемило сердце. Еда и питье подкрепили храброго испанца, но самостоятельно встать на ноги он больше не мог. Этот человек отчаянно сражался из последних сил, но теперь его лодыжки распухли и причиняли сильнейшую боль. Пришлось позвать Пятницу, чтобы тот растер их ромом так же, как сделал это для отца.

И вот еще что я заметил: пока Пятница возился с испанцем, не проходило и минуты, чтобы он не вскинул голову и не бросил взгляд в сторону пироги, где лежал его отец. Мой туземный приятель словно проверял, не исчез ли старик и все ли с ним благополучно. На миг потеряв отца из виду, он вдруг бросил свое дело, сорвался с места, добежал до пироги и, убедившись, что все в порядке, вернулся.

Когда с растиранием было покончено, я предложил испанцу попытаться встать и с помощью Пятницы добраться до пироги. Нам пора было возвращаться в мое убежище, где все мы будем в полной безопасности, а спасенные пленники получат лучший уход. Но Пятница, вместо того чтобы дождаться, пока испанец встанет, взвалил его себе на плечи, отнес к пироге и бережно усадил рядом со своим отцом. Сам он выпрыгнул из пироги на песок, спустил судно на воду и, несмотря на усиливающийся ветер, стал грести, да так энергично, что я едва поспевал за лодкой, идя пешком по берегу.

Доставив обоих в нашу бухту и покинув их в челне, Пятница отправился разыскивать вторую пирогу. Вскоре он вихрем пронесся мимо меня, и я едва успел спросить, куда это он так торопит-

ся. «Иду искать пирога!» — крикнул он на бегу. Никогда еще я не видел, чтобы человек бегал так быстро, как мой туземный приятель. Думаю, он мог бы легко потягаться с самыми резвыми скаковыми лошадьми.

Вторую пирогу Пятница привел в бухту почти одновременно с моим появлением на берегу. Привязав ее, он отправился помогать нашим гостям высадиться из лодки. Но когда оба выбрались на песок, оказалось, что ни тот, ни другой не могут ступить и шагу. Мой Пятница растерялся.

Поразмыслив, я предложил обоим посидеть некоторое время на песке, а Пятнице велел следовать за мной. В нашем убежище я наскоро сколотил неуклюжие носилки, и мы перенесли испанца и отца Пятницы к наружной стене моих укреплений. Но тут нас ожидали еще большие затруднения. Воспользоваться приставной лестницей ни один из них не мог, а другого способа переправить их через ограду не существовало. Не ломать же ради этого частокол!

Пришлось снова браться за дело. За пару часов мы с Пятницей соорудили из старых парусов довольно вместительную и прочную палатку и разбили ее на площадке между внешней стеной моего форта и посаженной мною рощицей.

Внутри находились две постели с матрасами, набитыми ячменной соломой и накрытыми простынями.

Итак, население моего острова начинало расти, и теперь я действительно походил на правителя, имеющего хоть и немногочисленных, но подданных. Остров всецело принадлежал мне; я был здесь и законодателем, и судьей, и владельцем всей земли. В преданности подданных я мог не сомневаться — все они были обязаны мне жизнью. Но еще более любопытным был тот факт, что мой народ, состоявший всего из трех человек, принадлежал к трем различным вероисповеданиям. Пятница с моей легкой руки стал протестантом, отец его был язычником, а испанец — католиком. И мне, как властителю, ничего не оставалось, как принять свободу совести на всем пространстве моего острова.

Обезопасив спасенных нами людей и дав им возможность спокойно отдохнуть после пережитого, я занялся их пропитанием. Прежде всего я велел Пятнице заколоть молодую козу из моего меньшего стада. Затем взял ее заднюю часть, изрубил на мелкие куски и поручил Пятнице сварить их, добавив пшеничной крупы, овощей и душистых кореньев. Получилась отменная

похлебка и полное блюдо нежного мяса. С этими яствами мы отправились в новую палатку.

Там мы накрыли стол и с аппетитом отобедали или, скорее, отужинали, причем во время застолья Пятница служил мне переводчиком не только в разговоре с отцом, но и с испанцем, который хорошо владел туземным наречием.

После обеда я приказал Пятнице взять одну из пирог и отправиться за мушкетами и другим огнестрельным оружием, которое мы так и оставили на поле сражения. Завтра с утра ему предстояло похоронить тела убитых дикарей, а заодно и ужасные остатки их пиршества, которых, вероятно, было немало. Сам я так и не смог заставить себя заняться этим и, проходя мимо, отворачивался, борясь с тошнотой и отвращением.

Пятница все исполнил в точности и уничтожил даже следы на прибрежном песке и кострище. Поэтому, вновь оказавшись на том конце острова, я с трудом узнал местность, и лишь выступ леса да одинокое дерево в зарослях кустарника подсказали мне, где я нахожусь.

Когда мои новые подданные пошли на поправку, мы стали все чаще вести беседы. Прежде всего я велел Пятнице спросить у отца, что он думает о тех дикарях, которые ускользнули в пироге.

Не следует ли нам опасаться их возвращения, причем, не приведи господь, с многочисленными соплеменниками?

Пожилой туземец заверил меня, что буря, которая свирепствовала всю ночь, была так сильна, что если даже беглецы не потонули, то их наверняка отнесло далеко на юг, к берегам, населенным враждебными племенами. Там их ожидала такая же судьба, какую они готовили всем своим пленникам, и наверняка их давным-давно съели. Если же каким-то чудом они уцелели и благополучно достигли мест, где обитают их сородичи, то тут судить трудно. Тем не менее пожилой дикарь склонялся к тому, что беглые людоеды настолько напуганы внезапным нападением и грохотом наших ружей, что, скорее всего, поведают о случившемся как о внезапном явлении могущественных и воинственных духов, истребляющих все живое. Он своими ушами слышал, как туземцы, пытаясь спастись бегством, кричали друг другу, что не могут понять, каким образом человек может изрыгать огонь и убивать на огромном расстоянии, даже не поднимая руки.

В этом пожилой дикарь оказался прав: со временем я узнал, что среди местных племен распространились жуткие слухи о моем острове,

и никто из каннибалов не решался не только высадиться на его берега, но даже приблизиться на несколько миль. Они были безмерно напуганы рассказами тех, кому все-таки удалось избежать гибели на море, и твердо верили в то, что огонь богов истребляет всех, кто ступит на землю заколдованного острова.

Все это стало известно мне гораздо позже, и долгое время я находился в беспрерывной тревоге за себя и свой народ. Но теперь нас было уже четверо, и мы вполне могли на поле сражения выстоять даже против сотни дикарей.

Однако время шло, а на горизонте так и не появилось ни одной пироги. Мои опасения насчет внезапного вторжения людоедов начали постепенно рассеиваться, и я снова стал подумывать о плавании к отдаленной земле. Тем более что отец Пятницы убедил меня, что у его соплеменников нас ждет самый радушный прием.

Глава 41
Британский корабль

И все-таки я отказался от своих намерений — к этому меня подтолкнул один важный разговор с испанцем. Тот сообщил, что кроме него на побережье, куда я стремился, оставались еще шестнадцать его товарищей — испанцев и португальцев, которые спаслись после кораблекрушения. Они мирно жили по соседству с туземцами, но терпели большую нужду во всем необходимом — в пропитании, одежде, лекарствах. В отличие от меня эти люди потеряли все, что имели.

Я принялся расспрашивать, и мой испанец поведал, что был членом команды испанского корабля, который шел из Рио-де-ла-Платы в Гавану. Туда он должен был доставить груз, состоявший из слитков серебра и хлопковых тканей, а обратно вернуться с полными трюмами товаров из Европы, которые в изобилии поставлялись на Кубу. Во время кораблекрушения пятеро членов команды погибли, а остальные благополучно добрались до побережья, где обнаружили, что

оно населено многочисленными индейскими племенами.

Первое время моряки буквально умирали с голоду и ежечасно ожидали нападения каннибалов. У них было кое-какое огнестрельное оружие, но оно оказалось совершенно бесполезным, поскольку морская вода подмочила весь порох за исключением двух-трех фунтов, которые они быстро истратили, добывая пропитание охотой.

Я спросил, на что же надеялись потерпевшие бедствие и не пытались ли они выбраться оттуда? Испанец на это ответил, что они много раз обсуждали такую возможность, но у них не было ни судна, ни инструментов, необходимых для его постройки. В конце концов все впали в отчаяние.

Тогда я поинтересовался, не примут ли они мое предложение вырваться из заточения на диком побережье и перебраться ко мне на остров.

Разумеется, я колебался и откровенно признался испанцу, что опасаюсь измены и вероломства. Я не знаю этих людей, а ведь мне придется довериться им, поставив под угрозу свою жизнь и благосостояние. Известно, что благодарность — это не добродетель, которой обладает каждый, и люди часто пренебрегают ею в погоне за сиюминутной выгодой. Было бы досадно оказаться

пленником в их руках, а со временем попасть в испанские колонии, где любого англичанина, чем бы он ни занимался, ждут заточение и пытки. Уж лучше угодить в лапы к людоедам и быть заживо съеденным, чем отправиться на костер по приговору суда инквизиции, — ведь любое лицо моего вероисповедания считается у испанцев еретиком.

Но было нечто такое, что заставляло меня отбросить все опасения. Если бы моряки, потерпевшие крушение, оказались на моем острове, мы, располагая таким количеством рабочих рук, могли бы быстро построить вместительный парусник, на котором нетрудно добраться до Бразилии или испанских владений. Для меня важно одно: знать, что в благодарность за обеспечение этих людей оружием, инструментами, материалом и пропитанием они не скрутят меня и не доставят в трюме судна прямиком к испанским властям. Тогда моя участь станет гораздо худшей, чем заточение на необитаемом острове.

С большим чистосердечием испанец заверил меня, что положение его спутников настолько бедственно, а их жизнь постоянно подвергается таким опасностям, что они будут счастливы попасть на остров и никогда даже в мыслях не по-

смеют поднять руку на человека, который вернет им свободу и безопасность. А чтобы у меня больше не оставалось сомнений, он сам отправится на побережье вместе с отцом Пятницы, обсудит со своими товарищами предложенный мною план и привезет мне ответ.

Тогда я сказал, что не вступлю с ними в переговоры, если они не присягнут на Библии, что признают мою власть как правителя острова, что будут мне верны и в случае постройки судна отправятся в ту христианскую землю, какую я укажу. Больше того: они должны беспрекословно выполнять любые мои приказания. Я заготовлю бумагу с этой клятвой, испанец возьмет ее с собой, и каждый из его товарищей должен будет собственноручно подписать ее. Только после этого они могут быть допущены на мой остров.

Испанец воодушевился и с горячностью заявил, что готов сию минуту присягнуть и не разлучаться со мной до тех пор, пока я сам не прикажу ему этого. Он готов отдать за меня всю кровь до последней капли, если хоть один из его товарищей изменит своему слову.

Все, кто спасся с испанского корабля, честные и достойные люди, оказавшиеся в самом плачевном положении. У них нет одежды и оружия, а

питаются они теми крохами, которые дают им из жалости туземцы, и вдобавок вынуждены терпеть от произвола тамошних вождей. Они уже почти расстались с надеждой вернуться на родину, и если я решусь помочь им, будут служить мне верой и правдой.

После этого я окончательно решил пойти на риск и отправить для переговоров пожилого дикаря и испанца. Но когда все уже было готово к отплытию, испанец обратился ко мне и сказал, что есть одно обстоятельство, которое, по его мнению, может воспрепятствовать осуществлению нашего плана. Я выслушал его и убедился, что этот человек не только предан мне, но и наделен ясным умом и практической сметкой. Действительно, освобождение его товарищей следовало отложить по меньшей мере на шесть месяцев.

А дело заключалось в следующем. Испанец провел на острове уже больше месяца. За это время он успел узнать, как я веду свое хозяйство и какими способами с Божьей помощью добываю пропитание. Ему было хорошо известно, сколько зерна и вяленой козлятины находится в моей кладовой, сколько молока дают козы, когда и в каком количестве созревает виноград. Всего этого было больше чем достаточно для одного

человека, но даже для четверых хватало в обрез. А если население острова увеличится до двадцати человек? Как прокормить их и как снарядить в дорогу судно, когда оно будет построено? Без надлежащих запасов нам не добраться не только до Бразилии, но даже до ближайших испанских поселений в Южной Америке.

И вот что предложил испанец. Вместе с Пятницей и его отцом они расчистят, вспашут и засеют новые, гораздо более обширные участки полей. Для посева будет использовано все зерно, которое нам удастся сохранить. Затем придется дождаться жатвы, собрать урожай и, только уже имея солидный запас продовольствия, отправиться за его соотечественниками. Иначе они попадут из огня да в полымя, а голод, случалось, и не такие клятвы лишал силы. Тут он напомнил мне, как Господь вывел евреев из Египта и как те возроптали против самого Бога, когда в пустыне им стало не хватать пищи.

В его словах было столько благоразумия, а совет так хорош, что я пришел в восхищение и немедленно с ним согласился. Вчетвером мы принялись расчищать поляны и вскапывать землю с помощью всех имеющихся у нас деревянных орудий. Спустя месяц, когда пришло время сева, у

нас было распахано и удобрено земли для посева двадцати двух бушелей ячменя и шестнадцати бушелей пшеницы. Больше сэкономить нам не удалось, хотя мы оставили себе ровно столько, сколько было необходимо, чтобы продержаться до нового урожая. В этих краях от посева до жатвы проходит четыре месяца — намного меньше, чем в Англии.

Теперь, когда нас стало четверо, я уже не так опасался нашествия дикарей. Мы безбоязненно расхаживали по всему острову, и все наши мысли были заняты только доставкой спутников испанца и мечтами о грядущем возвращении на родину. Планируя постройку судна, я пометил зарубками некоторые деревья, которые показались мне пригодными для корпуса и оснастки. Затем велел Пятнице и его отцу срубить эти сосны и дубы, а испанцу поручил проследить, чтобы все было сделано как должно.

Я показал им, каким способом можно превратить дубовый кряж в доски. Нам требовалось не менее дюжины крепких и длинных досок из хорошего дуба, каждая от двух до четырех дюймов толщиной и шириной не меньше двадцати пяти дюймов. Трудно вообразить, сколько труда для этого потребовалось, но результат меня

порадовал.

Одновременно я стремился по мере возможности увеличить свое стадо ручных коз. Для этого я ежедневно отправлял на охоту Пятницу, а мы с испанцем его сопровождали, сменяясь через день. В результате нам удалось отловить два десятка козлят и присоединить их к тем, что паслись в загонах. Когда же настало время сушить виноград, я собрал и развесил его на солнце в таком невероятном количестве, что изюмом из него можно было бы наполнить восемьдесят бочонков. Хлеб и изюм составляли основу нашего пропитания, и могу вас заверить — это было не только питательно, но и чрезвычайно вкусно.

Наконец наступило время жатвы. Пшеница и ячмень уродились неплохо, и зерна должно было хватить для осуществления наших планов. Мы собрали, обмолотили и засыпали в закрома около двухсот двадцати бушелей, и этого было достаточно, даже если бы все шестнадцать испанцев оказались здесь. А построив судно, мы могли обойти все гавани Нового Света, не пополняя запасов.

Покончив с зерном, мы принялись за плетение больших корзин для его хранения. Испанец оказался в этом деле настоящим искусником, и из

его рук выходили красивые и надежные изделия, совсем не похожие на те, которые были до того у меня.

Теперь, когда все было готово, испанец и отец Пятницы могли отправиться к дальнему побережью. Я по-прежнему настаивал на том, чтобы они возвращались одни и ни в коем случае никого не брали с собой. Все, кто примет мои условия и даст в письменном виде клятву, могли рассчитывать на мою благосклонность. Однако пока я не увижу собственноручных подписей этих людей, я не могу быть ни в чем уверен.

Получив эти наставления, испанец и пожилой дикарь погрузились в одну из тех пирог, на которых они прибыли на остров связанными и обреченными на съедение, и приготовились отчалить.

У каждого из них было по мушкету и по восемь зарядов к ним. Я просил их не тратить попусту порох и дробь, сохранив их на крайний случай.

Настроение у меня было превосходное. Впервые за двадцать семь лет пребывания на острове я занимался тем, что могло принести мне избавление. Я снабдил моих посланцев внушительным количеством хлеба и изюма, которого хватило бы на несколько дней, а их несчастным товарищам

еще на неделю. Мы договорились об условном знаке, который, возвращаясь, они должны были поднять на мачте, чтобы я мог издали отличить их пирогу от туземной, а затем я пожелал испанцу и отцу Пятницы попутного ветра и счастливого пути.

Ветер и в самом деле оказался попутным. Мои посланцы отплыли в период октябрьского полнолуния — точной даты я не могу назвать, потому что давно сбился со счета и мой календарь с зарубками ничем больше не мог мне помочь. Боюсь, что я, возможно, ошибался даже в количестве лет, проведенных на острове.

Прошло восемь дней, когда случилось нечто невероятное. Однажды утром, когда я задремал в своем шалаше после плотного завтрака, ко мне ворвался Пятница.

— Хозяин, хозяин! — прокричал он, округлив глаза. — Корабль! Там корабль!

Я вскочил как ошпаренный и в чем был, даже не прихватив с собой ружья, помчался через рощицу. Передо мной открылся вид на море. В нескольких милях от берега я увидел большой корабль, только что обогнувший южную оконечность острова и направлявшийся к входу в нашу бухту. Свежий ветерок наполнял паруса, и ничто

не препятствовало мореплавателям.

Оправившись от изумления, я подозвал к себе Пятницу и велел ему спрятаться в зарослях на берегу бухты и следить за кораблем до тех пор, пока мы не удостоверимся, кто это — друзья или враги.

Потом я сходил в пещеру за подзорной трубой, убрал за собой приставную лестницу (так я поступал каждый раз, когда чего-либо опасался) и поднялся на вершину холма, чтобы, оставаясь невидимым, наблюдать за тем, что происходит в бухте.

С вершины холма я мог видеть все на много миль вокруг. Корабль уже спустил паруса и встал на якорь. Теперь он находился в полутора милях от берега, а от меня — в двух с половиной на юго-восток. Все, что я видел, говорило мне, что корабль английский. С борта уже спускали шлюпку, и это была самая настоящая английская шлюпка с прямым парусом, которую не спутаешь ни с какой другой.

Трудно передать мои чувства. Несмотря на неописуемую радость при виде судна соотечественников, я испытывал смятение. Его экипаж состоял из англичан, но откуда мне было знать, что это за англичане и каковы их намерения?

Вряд ли я мог утверждать, что чувствую себя в безопасности. Что могло привести обычный торговый корабль в эти далекие от проторенных морских путей во́ды? Ведь на окрестных побережьях не было ни британских поселений, ни торговых факторий. Разве что буря занесла их сюда, но всю последнюю неделю погода стояла ясная и тихая. И если это действительно были англичане, то приплыли они на мой остров не с добрыми намерениями.

Поэтому я решил, что буду скрываться до тех пор, пока все не выяснится, и лучше уж отсиживаться в зарослях и прятаться в моем форте, чем оказаться в руках каких-нибудь негодяев.

Никому бы я не посоветовал насмехаться над тайными предчувствиями и знаками, посланными судьбой! Всякий, кто не лишен наблюдательности, может подтвердить, что они существуют и верно указывают нам, как поступать в том или ином случае. Другое дело, исходят они от высших сил или низших, которые благоволят нам, — тут вопрос остается открытым. Во всяком случае польза от предчувствий очевидна, о чем и свидетельствуют дальнейшие события.

Заранее скажу: если бы я тогда не прислушался к внутреннему голосу, который нашептывал

мне вести себя с крайней осторожностью, гибель моя стала бы неминуемой. И сейчас вы в этом убедитесь.

Продолжая свои наблюдения, вскоре я увидел, что корабельная шлюпка приближается к берегу и поворачивает, словно подыскивая удобное место, чтобы пристать. Однако заливчик, где мы держали свои пироги, команда шлюпки не заметила и причалила на взморье — там, где я когда-то приставал со своими плотами, нагруженными добром с разбитого корабля. Место это находилось в полумиле от холма, и я решил, что мне повезло — отнеси их течением еще немного вдоль берега, и они высадились бы прямо у моего убежища.

Вытащив шлюпку на песок, матросы сошли на берег. В подзорную трубу я мог хорошо рассмотреть каждого, и, судя по одежде и повадкам, в большинстве своем это действительно были англичане. Я насчитал одиннадцать человек, причем трое оказались безоружными и, более того, связанными. Этих троих матросы с ружьями вытащили из шлюпки на песчаный берег, и один из связанных пленников вдруг принялся страстно жестикулировать, словно умоляя о пощаде и выражая крайнюю степень отчаяния. Двое

других имели подавленный вид, но оставались спокойными.

Это зрелище смутило меня, я не знал, что и подумать, как вдруг Пятница, поднявшийся ко мне на холм с докладом, воскликнул на своем ломаном английском:

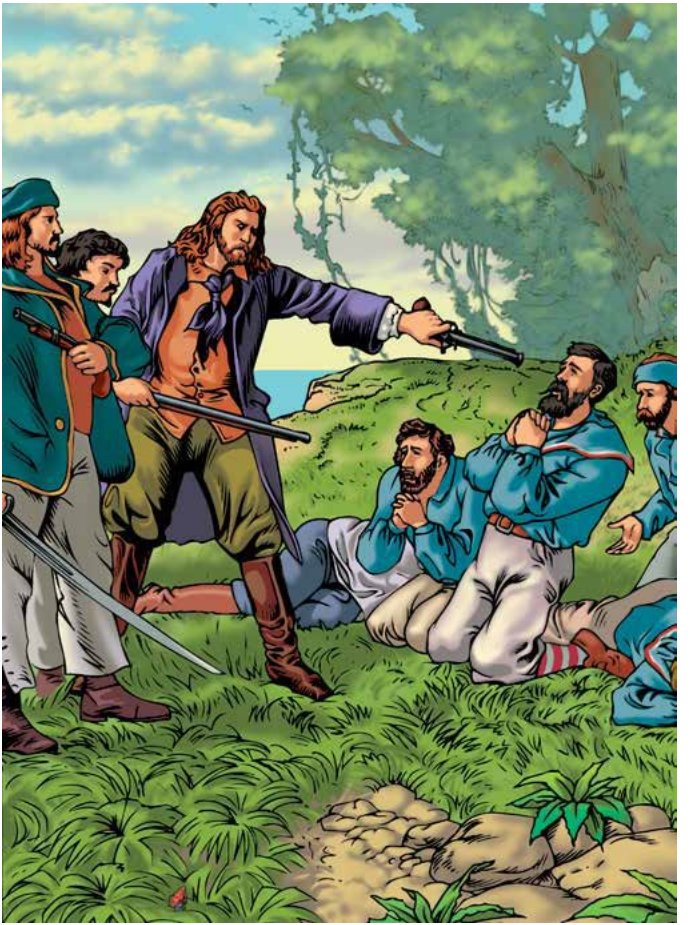
— Смотрите, хозяин! Английские люди есть свои пленники точно так, как и дикие люди!

— Что ты мелешь! — возразил я. — Неужели ты думаешь, что они съедят их?

— Так я сам видел, что они хотеть их есть! — ответил Пятница.

— Ну уж нет, — возмутился я, — прирезать они, конечно, их могут, но есть точно не станут, будь уверен.

Переговариваясь с моим туземным приятелем, я не переставал ломать голову насчет того, что же, собственно говоря, все это означает? Меня мало-помалу начинал разбирать страх: пленники с минуты на минуту могли быть убиты матросами. В подзорную трубу я видел, как один из этих мерзавцев размахивал длинным кинжалом, готовясь вонзить его в грудь пленника. Мне показалось, что последний вот-вот примет смерть, и кровь в моих жилах застыла.



Тут я от всей души пожалел, что с нами нет испанца и отца Пятницы: вместе мы могли бы скрытно подобраться к берегу и освободить троих несчастных. Однако мне тут же пришло в голову кое-что другое.

Пока я наблюдал за действиями матроса с кинжалом, его спутники разбрелись по острову, осматривая местность. Потом к ним присоединился и этот матрос, а узники остались без всякого надзора. Они могли бежать — ноги у них не были связаны, но вместо этого несчастные опустились на песок и погрузились в тяжелое раздумье. Выглядели они как люди, охваченные крайним отчаянием.

Это напомнило мне о том, как я сам впервые попал на остров после кораблекрушения. Я был вне себя от горя и считал себя окончательно погибшим. Сколько страха я натерпелся, какие призраки преследовали меня, как я боялся хищных зверей! Я и подумать не мог, каким подспорьем для меня окажутся обломки нашего корабля, прибитого бурей к отмели, как долго они будут укрывать от непогоды и кормить меня, пока я сам не научусь добывать все необходимое для жизни.

Эти трое бедолаг даже не подозревали, как

близки от них помощь и спасение. Наверняка они были уверены, что бесповоротно погибли, и уже не надеялись на спасение.

Какими близорукими мы часто оказываемся в этой жизни! И это говорит о том, что нужно не отчаиваться, а возлагать надежды на Творца вселенной, который никогда не оставляет своих созданий в беде. Мы бываем гораздо ближе к избавлению, чем нам кажется, и порой даже самые гибельные на вид средства приводят к благотворным последствиям.

Шлюпка, в которой приплыли гости с корабля, причалила в тот момент, когда прилив находился в самой верхней точке. Пока матросы шатались по острову, перекликаясь в зарослях, начался отлив и шлюпка оказалась далеко от линии прибоя. В ней оставались двое матросов — это выяснилось позже, но оба они основательно выпили и теперь храпели на самом солнцепеке.

Наконец один из них проснулся и, обнаружив, что шлюпка стоит на суше, принялся расталкивать товарища и кричать, призывая остальных матросов. Наконец они сошлись, но все их усилия спустить суденышко на воду были напрасными. Киль увяз в песке и иле так, что им не удалось даже сдвинуть его с места.

Тут они поступили как настоящие моряки, которым чужда всякая предусмотрительность и осторожность. Бросив возиться со шлюпкой, вся команда снова разбрелась кто куда. Я слышал, как один из них громко крикнул другому по-английски: «Эй, Джек, брось это дохлое дело! Черт с ней, с посудиной, сама всплывет с новым приливом...»

Эти слова окончательно убедили меня, что передо мной — мои соотечественники.

Все это время я наблюдал за их передвижениями с вершины холма, втихомолку радуясь, что так замечательно укрепил свое убежище. Я знал, что прилив не снимет шлюпку с пляжа раньше десяти часов вечера, а к этому времени уже будет совершенно темно. Тогда можно будет подкрасться поближе и подслушать, о чем говорят матросы.

Вместе с тем я готовился к вооруженной стычке, зная при этом, что должен быть гораздо осторожнее, чем в случае с дикарями. Теперь передо мной был совсем другой противник. Я велел Пятнице собрать все оружие, зарядить его и держать наготове. Ему я отдал три мушкета, а себе оставил пару охотничьих ружей.

Поначалу я решил ничего не предпринимать,

пока не стемнеет. Однако около двух часов пополудни, когда жара стала нестерпимой, я заметил, что матросов, бесцельно бродивших в лесу, сморило. Их голоса умолкли, и они, скорее всего, отыскав уголок потенистее, завалились спать.

Только трое несчастных, полные тревоги и тоски, оставались на пляже, укрывшись под невысокой пальмой. До них было всего четверть мили, никто их не караулил, и я не смог устоять перед соблазном.

Я знал, как выгляжу, и понимал, какое впечатление может произвести на них мое появление. Лицо мое, заросшее бородой и длиннейшими усами, казалось жестоким и свирепым, на мне был камзол из козьей шкуры и огромная меховая шапка, за поясом — зазубренная сабля и пара пистолетов, а на каждом плече — по ружью. В целом я походил на ужасное привидение.

Именно в таком виде я и решил предстать перед пленниками — мне не терпелось узнать, кто они и что с ними случилось. Прячась в зарослях, я решительно направился к берегу. Пятница последовал за мной — он хоть и был вооружен до зубов, но выглядел намного лучше.

Глава 42
Бунт на корабле

Подкравшись как можно ближе, но оставаясь невидимым, я прокричал по-испански:

— Кто вы, сеньоры?

От звуков моего голоса пленники вскочили. Я выступил из кустов, однако мой вид так их поразил, что они готовы были пуститься наутек. Тогда я обратился к ним на английском:

— Джентльмены! Ничему не удивляйтесь. Я ваш друг и, возможно, сумею вам помочь.

— Тогда вы, сэр, — произнес один из них, снимая шляпу, — должны быть посланником небес, потому что вряд ли кто-либо способен нам помочь.

— Всякая помощь приходит с небес, — ответил я. — Почему бы вам не допустить, что я в самом деле ангел и явился вызволить вас из беды?

Пораженный пленник, дрожа всем телом, воскликнул в изумлении:

— Кто говорит со мной — божество или человек?

— Успокойтесь, сэр, и отбросьте всякий страх.

Я человек, англичанин, который готов прийти вам на помощь. Со мной только мой слуга, но у нас есть оружие. А теперь говорите: что с вами произошло и чем мы можем быть вам полезны?

— Это слишком долгая история, а причина всех наших бедствий находится слишком близко… В двух словах, сэр: я капитан этого корабля; мой экипаж взбунтовался, и мне едва удалось убедить бунтовщиков оставить меня и двух моих товарищей в живых и высадить на необитаемом острове. Один из них — мой помощник, другой — пассажир. Мы были уверены, что остров и в самом деле необитаем, но вдруг появились вы…

— Известно ли вам, где сейчас находятся те, кто привез вас сюда на шлюпке? — спросил я.

— Там, сэр, — отвечал капитан, указывая в чащу леса. — И боюсь, что если они заметят вас, то прикончат нас всех, не раздумывая ни секунды.

— Есть ли у них огнестрельное оружие?

— Пара ружей. Еще одно — в шлюпке.

— Прекрасно, — сказал я. — Все остальное — мое дело. Сейчас бунтовщики спят, и перебить их проще простого. Но не лучше ли захватить их в плен?

Однако капитан не согласился со мной, сказав, что среди матросов есть два отчаянных негодяя,

которые подстрекали экипаж к бунту. Достаточно покончить с ними, и тогда остальные смирятся и вернутся к своим обязанностям.

Я попросил его следовать за мной, и вместе с пленниками мы скрылись в зарослях. Там я спросил, согласны ли он и его товарищи принять два моих условия.

Но капитан опередил меня, с горячностью заявив, что в случае, если нам удастся прекратить бунт и вернуть судно под его команду, он готов предоставить корабль в полное мое распоряжение и выполнить любую мою прихоть. Если же из этого ничего не выйдет, ну что ж, он намерен сражаться вместе со мной и даже умереть в бою. Оба спутника поддержали капитана.

И все-таки я назвал свои условия. Во-первых, я потребовал, чтобы во время пребывания на острове никто из них не посягал на мою власть. И если я доверю им оружие, они должны быть готовы по первому требованию вернуть мне его обратно и никогда не пытаться причинить мне вред. А во-вторых, если корабль будет возвращен, капитан берет на себя обязательство без всякой платы доставить меня и Пятницу в Англию.

Капитан вспомнил все клятвы, какие только знал, потому что считал такие условия честными

и справедливыми. Он добавил, что в любом случае будет мне признателен до конца своих дней.

Тогда я перешел к делу. Вероятно, нам следовало напасть на бунтовщиков, не теряя ни минуты, пока они еще спят. Только это могло принести нам успех. Мы откроем огонь сразу из всего оружия, а те, кто уцелеет после первого залпа и сдастся, получит прощение и пощаду. Тут уж пусть сама судьба решает, кому погибнуть, а кому оставаться жить.

Однако капитан возразил, что ему жаль губить, в общем-то, неплохих матросов, которые лишь по случайности подпали под влияние зачинщиков бунта. Но если уцелеют те негодяи, о которых он говорил, нам всем грозит неминуемая гибель. Вернувшись на корабль, эти люди приведут за собой остальной экипаж и начнут охоту за нами по всему острову.

Итак, другого выхода не было. Несмотря на все мое отвращение к кровопролитию, пришлось остановиться на внезапном нападении на бунтовщиков.

Мы еще обсуждали наши планы, поглядывая на поляну, где в тени развесистого бука вповалку храпели наши враги, когда некоторые из них зашевелились и начали просыпаться. Двое

матросов вскочили на ноги первыми, и я тут же осведомился у капитана, не эта ли парочка подстрекала к бунту. Он ответил отрицательно, и мы решили дать им беспрепятственно уйти к берегу.

Я сказал:

— Провидение разбудило этих двоих, чтобы сохранить им жизнь, но мы сами будем виноваты, если упустим зачинщиков.

При этих словах я подал капитану ружье и пистолет. Оба его товарища также вооружились и без колебаний бросились вперед. При этом кто-то из них оступился. Послышался шум, разбудивший одного из матросов. Он обернулся, заметил нас и поднял тревогу.

Но было поздно: едва он успел закричать, как спутники капитана одновременно выстрелили, а сам капитан благоразумно приберег свой заряд. Его товарищи оказались удачливы: одного бунтовщика они уложили наповал, а другого тяжело ранили. Он попытался подняться и отчаянно завопил, призывая на помощь, но капитан, приблизившись, велел ему молиться Богу о прощении его злодеяний, а затем нанес такой удар прикладом, который успокоил зачинщика навеки.

Теперь от всей шайки оставались всего трое матросов, причем один из них был легко ранен. Видя, что соотношение сил не в их пользу, они прекратили сопротивляться и стали просить пощады. Тут подоспел и я.

В ответ на мольбы матросов капитан сказал:

— Я мог бы сохранить вам жизнь, но должен быть уверен, что вы раскаиваетесь в своей измене, готовы вернуться на корабль и работать, как и прежде, до тех пор, пока мы не вернемся на Ямайку, в порт, откуда вышли в плавание.

Тысячи уверений посыпались из их уст, и в конце концов капитан стал склоняться к тому, чтобы поверить этим троим. Я также был не против, однако потребовал, чтобы бывшие бунтовщики оставались связанными до тех пор, пока они находятся на моем острове.

Капитан взялся за решение судьбы взятых в плен матросов, а я тем временем отправил Пятницу и помощника капитана к шлюпке. В два счета они захватили ее, сняли весла, мачту и парус и унесли с собой. Вскоре, услышав звуки выстрелов, из леса вернулись еще три матроса. Обнаружив, что капитан корабля из несчастного пленника вновь превратился в грозного командира, они без промедления подняли руки и дали себя связать.

Победа наша была полной и окончательной.

На обратном пути к моему дому мы с капитаном обменялись историями о том, как и почему оказались на острове. Я начал первым и вкратце поведал обо всем, что приключилось со мной за минувшие годы. И когда этот мужественный мореплаватель услышал, какие ловушки и трудности уготовила мне судьба, сколько сил потребовалось приложить, чтобы не расстаться с жизнью вплоть до сегодняшнего дня, на глазах его выступили слезы. Словно рука Провидения вела и оберегала меня, чтобы я оказался рядом в тот момент, когда капитан и его спутники попали в страшную беду.

В убежище я провел наших гостей обычным путем, то есть через ограду по приставной лестнице. Там я предложил им подкрепиться тем, что у меня было под рукой, а потом показал свои инструменты, изделия и изобретения, позволившие мне на протяжении столь долгого времени вести вполне сносную жизнь.

Это привело их в изумление, но больше всего капитан был поражен хитроумной системой укреплений, которые я воздвиг, чтобы защитить свое жилище и сделать его совершенно незаметным со стороны моря. Роща, посаженная мною

за частоколом, за два десятилетия превратилась в непроходимые дебри, сквозь которые можно было пробраться только по узкой, извилистой тропе, известной лишь мне и Пятнице. Также я сообщил капитану, что это моя парадная резиденция, но, как и положено всякому правителю, у меня есть еще и загородный дворец, куда я время от времени переезжаю. И добавил, что у нас еще будет случай его осмотреть.

Глава 43
В лесах

Главным нашим делом сейчас было вернуть корабль, очистив его от мятежников. Однако капитан признался, что не представляет, как за это взяться. На борту оставались еще двадцать шесть членов команды, и все они были замешаны в заговоре против капитана. По суровым английским законам каждый из них по прибытии в Англию или в одну из ее колоний мог угодить на виселицу. Поэтому сопротивляться бунтовщики будут отчаянно, а нас слишком мало, чтобы одолеть их в открытом бою.

Необходимо было использовать военную хитрость. И лучше всего было бы тем или иным способом заманить матросов на остров. Но бунтовщики, встревоженные долгим отсутствием шлюпки и ее команды, могут снарядить хорошо вооруженную экспедицию, освободить своих товарищей, угодивших к нам в плен, и перестрелять нас всех.

Капитан согласился, что это вполне возможно.

Мы вернулись к оставшейся на берегу шлюпке.

Пятница еще раньше унес оттуда весла и парус, и теперь мы собирались сделать так, чтобы суденышко нельзя было даже взять на буксир. Мы забрали из шлюпки все остававшееся там оружие, а также обнаруженные несколько бутылок водки и рома, пороховницу, полную пороха, и внушительный кусок сахара, обернутый холстиной. Находки эти оказались очень кстати, в особенности сахар, которого я не пробовал уже много лет.

После этого мы пробили в днище шлюпки отверстие такого размера, что она неизбежно должна была затонуть.

Честно говоря, я не очень-то верил, что нам удастся захватить корабль. Однако у меня была другая цель. Я без конца думал о судьбе моряков, потерпевших крушение и теперь живших среди дикарей, об испанце и отце Пятницы, которые отправились к ним. Если шлюпка останется на берегу, мы легко сумеем починить ее и в дальнейшем использовать для доставки на остров этих несчастных.

Общими усилиями нам удалось оттащить шлюпку еще дальше на берег. Затем мы уселись передохнуть в тени и обсудить наши следующие действия. Внезапно на корабле, стоявшем

на якоре, грянул пушечный выстрел, затем на мачте взвились сигнальные флажки с приказом команде шлюпки немедленно возвращаться. С борта судна заметили, что шлюпка не двигается, и пушечные выстрелы стали следовать один за другим.

Наконец на корабле поняли, что ни пальба, ни сигналы флажками не дают никакого результата. Я заметил на борту какое-то движение, посмотрел в подзорную трубу и увидел, что команда спускает на воду гребной бот.

Через несколько минут он уже направлялся к берегу. Кроме гребцов, в нем было не менее десяти матросов, вооруженных ружьями и мушкетами.

Якорная стоянка находилась в двух милях от берега, и, пока бот приближался, мы смогли во всех подробностях рассмотреть тех, кто сидел в нем, даже их лица. Приливные волны отнесли их в сторону от того места, где причалила первая шлюпка, и рулевому пришлось повернуть и некоторое время вести бот вдоль берега.

Капитан, отлично знавший свой экипаж, заметил, что среди бунтовщиков в боте находятся трое честных, порядочных парней, которые лишь по принуждению приняли участие в мятеже. Но боцман, командовавший сейчас ботом и до

того захвативший власть на корабле, был самым опасным и опытным противником. Он наверняка будет сражаться подобно загнанному зверю, и может случиться, что мятежники нас осилят.

На это я с улыбкой ответил, что люди в таком положении, как наше, должны быть выше страха, ибо любой исход — жизнь или смерть — станет для нас избавлением. Я призвал капитана мужаться и сказал, что во всем, что происходит сейчас, вижу лишь один повод для сомнений: на боте находятся три или четыре честных матроса, которые заслуживают, чтобы их пощадили. Любой, кто ступит на этот берег, не считая их, умрет, если не сдастся без промедления.

Мои слова вернули бодрость капитану, и мы поспешно принялись за дело — нам предстояло надежно спрятать взятых в плен и связанных нами матросов. Я приказал Пятнице и одному из тех членов экипажа судна, которых мы оставили на свободе, перевести пленников в грот. Там их невозможно обнаружить, а если они станут кричать, голоса их поглотит лесная чаща. Даже если пленникам удастся каким-то образом освободиться, они не найдут дороги к тому месту, где причалила шлюпка.

Пятница оставил в гроте еду и воду, но не снял

с узников путы. Взамен он пообещал им, что если они будут вести себя смирно, то через день-другой получат свободу; если же попытаются бежать, то будут беспощадно перебиты. Тем более что сам он останется снаружи, дабы день и ночь стеречь вход. Уходя, он вручил пленникам несколько наших самодельных свечей, так как в глубине грота царила непроглядная тьма.

С остальными пленниками мы поступили не так сурово. Правда, двое из них так и оставались со связанными руками, но троих я принял к себе на службу, поскольку они поклялись сражаться вместе с нами до последней капли крови, да и капитан за них поручился. Итак, нас стало семеро, и все мы были неплохо вооружены. Поэтому я больше не сомневался, что мы сумеем справиться с теми, кто явился на остров в боте.

Тем временем бот подошел к тому месту, где на песке стояла корабельная шлюпка. Рулевой направил суденышко прямо на берег, и, когда нос бота врезался в прибрежный ил, команда втащила его как можно выше на сушу, чтобы уберечь от прибоя. Это меня обрадовало. Я опасался, что бот бросит якорь, а на борту останется вахтенный матрос, и тогда нам не удастся его захватить.

Высадившись на берег, бунтовщики сразу же

бросились к шлюпке и принялись осматривать ее. Каково же было их изумление, когда они обнаружили ее пустой, без оснастки, весел и к тому же с пробоиной в днище!

Затем они принялись кричать в надежде, что их услышат товарищи. Когда же ответа не последовало, собрались в кружок и произвели залп из всех ружей, которые у них имелись. Лесное эхо подхватило звуки выстрелов, но и на них никто не отозвался.

Команда бота была настолько поражена и испугана этим глухим безмолвием, что была готова — впоследствии матросы сами говорили нам об этом — прекратить поиски, покинуть берег и вернуться на корабль с известием, что все их товарищи погибли, а шлюпка приведена в негодность. Вернувшись к боту, они торопливо спустили суденышко на воду, забрались в него и отошли на несколько саженей от берега.

Это обеспокоило капитана: ему показалось, что матросы решили вернуться к кораблю, поднять паруса и покинуть этот берег навсегда, даже не узнав о судьбе своих товарищей. Правда, подобные вещи не в обычае у моряков, но если бы это случилось, то корабль был бы навеки потерян для нас. А вскоре появился и другой повод для

беспокойства.

Едва отплыв, бот остановился, и все, кто был на нем, принялись совещаться. Затем они оставили на борту трех человек, а остальные снова высадились на берег и двинулись на поиски пропавших.

Хуже не придумаешь! Мы растерялись и просто не знали, как быть. Если нам удастся захватить тех семерых, которые сейчас бродят по острову, трое на боте немедленно уведут свое суденышко к кораблю. Экипаж тут же снимется с якоря и выйдет в открытое море — и тогда все наши надежды на спасение пойдут прахом.

Но ничего поделать мы не могли, и нам оставалось только терпеливо ожидать дальнейшего развития событий.

В отличие от команды шлюпки, эти семеро не разбрелись по острову, а наоборот, держались вместе, тесной группой. Сейчас они направлялись прямо к вершине холма, у подножия которого находилось мое жилище, и мы, оставаясь незамеченными, могли наблюдать за каждым из матросов. Было бы совсем неплохо, если бы они наткнулись на нашу засаду, — тогда мы пустили бы в ход ружья и мушкеты. Но до тех пор, пока эти мошенники оставались за пределами ружей-

ного выстрела, мы и сами не могли покинуть укрытия.

Поднявшись до середины травянистого склона, откуда открывался вид на темные леса и глубокие долины, мятежники снова принялись вопить и призывать пропавших товарищей. Не дождавшись ответа, они сошлись в тени под деревом и стали вполголоса совещаться. Нечего было и ждать, что они остановятся передохнуть и уснут, — слишком уж была напугана и обескуражена эта шайка. Таинственное исчезновение приятелей не давало им покоя.

Наблюдая за переговорами, капитан предположил, что мятежники снова собираются дать залп из всех стволов. В этом случае мы могли бы наброситься на них, пока ружья у всех будут разряжены. Неожиданная атака наверняка лишит их способности к сопротивлению, и нам удастся взять всех семерых в плен без пролития крови.

Я согласился, заметив, что для успеха атаки нам следует находиться как можно ближе к противникам, чтобы они не успели перезарядить ружья.

Но матросы не стали стрелять, и мы еще долго не могли решить, что же предпринять в сложившейся ситуации. Приходилось ждать

наступления темноты. Если эти семеро будут возвращаться к своему боту уже в сумерках, мы найдем способ напасть и захватить их без особого шума, а затем с помощью какой-нибудь уловки выманим на берег тех троих, что остались в боте.

Ждать пришлось долго, и наше терпение было на исходе, когда мы увидели, что мятежники поднялись и гуськом потянулись с холма в сторону моря. Они пугливо озирались по сторонам, словно ожидали появления ужасных призраков, и было совершенно ясно, что продолжать поиски они не намерены. Вернувшись на корабль, мятежники первым делом сообщат о гибели товарищей, и тогда боцман отдаст команду сниматься с якоря и ставить паруса…

От этой мысли капитан впал в отчаяние, а мне неожиданно пришла в голову идея. Если бы ее удалось осуществить, она позволила бы достичь нашей цели.

Я велел Пятнице и помощнику капитана как можно быстрее отправляться на западный берег бухты, затем подняться на небольшой холм, до которого отсюда было около полумили, и время от времени кричать и звать, делая паузы, чтобы матросы могли услышать их и ответить. Затем им предстояло направиться вглубь острова, все

время скрываясь в зарослях и подавая голос до тех пор, пока матросы не забредут вслед за ними в самую глушь.

И только после этого они должны были вернуться ко мне, пользуясь хорошо известными Пятнице тайными тропами.

Глава 44
Капитуляция

Бунтовщики уже были готовы сесть в бот, когда издалека послышались голоса Пятницы и помощника капитана. Звучали они глухо и жалобно. Матросы их тотчас услышали и бросились вдоль берега в ту сторону, откуда доносились эти крики, но внезапно им преградил дорогу залив.

Перейти его вброд они не решились. Как я и предполагал, бунтовщики вернулись к боту, чтобы на нем переправиться на противоположную сторону. При этом бот остался в глубине залива, у самого берега. Его привязали к стоящему у воды небольшому дереву, а караулить поставили двоих из команды.

На это я и рассчитывал. Вместе с оставшимися людьми я бесшумно прокрался к бухте и в считаные мгновения захватил матросов врасплох. Того, что растянулся на берегу, одним ударом приклада оглушил капитан, а другой, увидев направленное на него дуло ружья, без промедления сдался. Это был один из членов экипажа, практически не участвовавший в мятеже и впоследствии добро-

вольно присоединившийся к нам.

Между тем Пятница и помощник капитана, ловко перебегая от холма к холму, от рощи к роще, завлекали бунтовщиков все дальше вглубь острова. Так продолжалось до тех пор, пока те не устали до полусмерти и не поняли, что до наступления ночи им не выбраться к берегу. Наши друзья, вернувшись из леса, тоже выглядели утомленными и измученными.

Теперь оставалось одно: подобраться к мятежникам в темноте, напасть на них и разоружить.

Только спустя несколько часов матросам удалось вернуться к тому месту, где они оставили бот. Сидя в засаде, мы слышали, как они перекликаются, подгоняют отстающих, а те жалуются, что едва волочат ноги, потому что обессилены и изранены колючими лианами.

Эта новость пришлась нам по вкусу.

Добравшись до залива, мятежники обнаружили, что их ждет пренеприятный сюрприз. Наступил отлив, вода из бухточки ушла, и бот снова оказался на мели. К тому же оба матроса, оставленные охранять бот, куда-то пропали. До нас донеслись брань и возгласы, затем кто-то проговорил: «Не иначе, как этот проклятый остров населен злыми духами и туземными кол-

дунами!»

И опять они принялись вопить во весь голос, метаться в темноте по берегу и призывать пропавших приятелей. Это продолжалось довольно долго, потому что времени до наступления прилива было еще немало.

Мои спутники умоляли, чтобы я позволил им напасть на мятежников в темноте, пока те сбиты с толку и не опомнились. Но я все еще медлил, потому что хотел действовать наверняка — так, чтобы никто из наших не пострадал. Не следовало забывать, что противник был хорошо вооружен и, если под покровом темноты начнется схватка, с обеих сторон могут быть жертвы. Я ждал, чтобы мятежники разделились, ибо тогда с ними будет легко справиться поодиночке.

Немного погодя я велел Пятнице и капитану, которые уже доказали, что могут успешно действовать сообща и хорошо понимают друг друга, выдвинуться ползком вперед, так чтобы оказаться совсем рядом с противником, когда мы откроем огонь. Оба нырнули в темноту, а в это время боцман, главный зачинщик мятежа, направился прямо к нашим лазутчикам, еще не видя их и не подозревая о засаде. Опознав его даже в сумраке, донельзя разгневанный капи-

тан позабыл обо всем на свете. Его лютый враг находился совсем рядом, на расстоянии верного выстрела. Одновременно с Пятницей они вскочили на ноги — и ночь озарилась вспышкой пороха. Эхо подхватило грохот двух ружей.

Боцман был убит на месте, еще один матрос ранен и вскоре скончался, а третий мятежник сумел ускользнуть.

Вместе со всем моим войском, теперь состоявшим из восьми человек, я бросился к месту схватки. Мятежники в страхе столпились вокруг бота, недоумевая, откуда на них напали и кто их противник. Я приказал матросу, который оставался охранять шлюпку, а теперь был с нами, окликнуть прохвостов по именам и попытаться вступить с ними в переговоры. Я и теперь старался избежать напрасного кровопролития.

— Том Смит! Ты слышишь меня? — позвал матрос. И сейчас же из темноты донеслось:

— Это ты, что ли, Робин?

— Кто же еще, — отвечал матрос. — Ради всего святого, Том Смит, бросай оружие и сдавайся, иначе всем нам тут конец.

— Кому сдаваться, Робин? Где они, я ничего не вижу! — жалобно прокричал матрос.

— Здесь, — отвечал Робин. — Это наш капитан,

и с ним пятьдесят человек с оружием. Уже больше двух часов они неотступно следят за нами. Боцман убит, Уилл Фрай ранен, а меня взяли в плен. Если не сдадитесь, вы пропали.

— А нас пощадят, если мы сдадимся? Спроси их, парень.

— Спрошу, если поклянетесь не оказывать сопротивления и сдаться, — отвечал Робин.

Тут в переговоры вмешался капитан.

— Ты, Смит, знаешь мой голос! — прокричал он. — Если вы прямо сейчас сложите оружие и подчинитесь моим приказам, то останетесь в живых! Это не относится только к Биллу Аткинсу.

— Ради всемогущего Бога, капитан, — в испуге возопил Билл Аткинс, — пощадите меня! Я не сделал ничего худого! Все они виноваты не меньше меня!

Это была ложь: Билл Аткинс, как я уже знал, первым напал на капитана, когда вспыхнул бунт, осы́пал его ругательствами, избил, а затем связал. В ответ капитан сказал, что не ему судить, виновен Аткинс или нет. Он должен сдаться в руки властей, которых здесь представляет губернатор острова, а все остальное зависит от милосердия губернатора. Но для этого необходимо проявить безусловную покорность и добрую волю.

В считаные минуты бунтовщики один за другим сложили оружие, и я отправил трех человек из моего воинства, чтобы они их связали. После этого мы завладели ботом и всем, что в нем находилось. Однако сам я до поры до времени не показывался на глаза бунтовщикам, имея на то особые причины.

Теперь нам предстояло как можно быстрее привести в порядок бот и попытаться завладеть кораблем. Но капитан решил не жалеть времени и побеседовать с нашими пленниками. Живо описав всю низость поступков и обвинив бунтовщиков в постыдном намерении заняться пиратством в водах Карибского моря, он заявил, что их не ждет ничего, кроме нищеты и позора, а возможно, и виселицы.

Все они горько раскаивались и умоляли сохранить им жизнь, но капитан не принял их мольбы и твердо сказал, что не в его воле это решать. Они являются пленниками губернатора острова, который показался им поначалу диким и необитаемым, а на деле густо населен и управляется по английским законам. А законы эти таковы, что губернатор может казнить их всех до единого за бунт и попытку погубить капитана и его товарищей. Несмотря на то что губернатор

даровал большинству из них, за исключением Билла Аткинса, помилование, он без колебаний отошлет всех мятежников в Англию, где их дела будут рассмотрены в королевском суде. Аткинс же завтра поутру будет болтаться в петле.

Это была выдумка, но результат оказался именно таким, какого добивался капитан. Билл Аткинс бросился на колени и стал умолять заступиться за него перед губернатором, а остальные заклинали капитана именем Божьим не отсылать их в Англию.

Вот тогда-то я понял, что час нашего избавления пробил.

Нет ничего проще, чем привлечь этих людей на свою сторону и отправиться вместе с ними на захват корабля. Я намеренно отошел подальше и укрылся в самой глубокой тени, чтобы матросы не могли видеть ни моего лица, ни странного одеяния. Предупредив помощника, как ему действовать дальше, я громко позвал капитана, а помощник тотчас подхватил:

— Капитан, сэр! Вас зовет к себе губернатор!

Тот мгновенно отозвался:

— Передайте его превосходительству, что я сейчас же прибуду!

Все эти уловки окончательно убедили матро-

сов, что неподалеку находится правитель острова со своим вооруженным отрядом.

Когда капитан приблизился ко мне, я изложил свои соображения относительно штурма корабля. Он нашел мой план великолепным, и мы решили приступить к его осуществлению с восходом солнца.

Но чтобы обеспечить полный успех, нужно было разделить наших пленников. Пятнице было приказано доставить Аткинса и еще двух отъявленных негодяев в грот, где томились их сообщники, а остальных, не развязывая рук, мы поместили в палатке за оградой, где им предстояло провести ночь.

Утром к ним отправился капитан, чтобы окончательно выяснить, можно ли довериться этим людям. Войдя в палатку, он сразу повел речь о преступлениях, совершенных мятежниками, живо обрисовал их незавидное положение и добавил, что рассчитывать на милосердие властей они могут только в одном случае — если примут участие в возвращении корабля под его командование. Только тогда он будет ходатайствовать перед губернатором о полном прощении для них.

Нетрудно догадаться, что бывшие бунтовщики не стали колебаться ни минуты. Все как один они

поклялись в верности капитану и заявили, что готовы на деле доказать ему свою преданность и следовать за ним хоть в огонь, хоть в воду.

Тогда капитан сказал, что передаст их слова губернатору, и если они окажутся правдивыми, прощение им обеспечено.

Вернувшись, он передал мне весь этот разговор и добавил, что, похоже, на помощь моряков можно рассчитывать. Однако я предложил ему снова вернуться в палатку, отобрать пятерых матросов покрепче, а остальным сказать, что больше людей нам не требуется. Все прочие, в том числе и те, которые находятся в заключении в гроте, останутся заложниками и, если случится измена, будут немедленно повешены на берегу. Эта мера должна убедить всех, что с губернатором острова шутить не стоит.

Глава 45
Суд губернатора

В маленький отряд, который должен был отправиться на штурм корабля, мы включили капитана, его помощника и пассажира, четырех пленников из числа матросов, прибывших на остров на шлюпке и доказавших свою преданность, а также пятерых из экипажа бота, захваченного минувшей ночью. В заложниках у нас оставались семеро, которых нужно было охранять и кормить. Эту обязанность взяли на себя мы с Пятницей.

Предстояло привести в порядок шлюпку и бот, заново оснастить их и заделать пробоину в днище шлюпки. Только после этого можно было выходить в море.

На подготовку к экспедиции ушло немало сил. Но к вечеру все было готово, и маленькая флотилия из двух суденышек, которой командовал капитан, отчалила от берега под покровом наступившей темноты. Капитан находился на боте, командовать шлюпкой он назначил пассажира. Еще на берегу все члены отряда распределили роли, которые должны были исполнять.

Приближаясь в темноте к кораблю, на котором горел только топовый огонь, капитан велел смышленому матросу по имени Робин еще издали окликнуть вахтенного и сказать, что возвращаются оба судна. Все матросы целы, в том числе и команда шлюпки, которая заблудилась в лесах и потому ее пришлось долго искать.

Робин болтал с вахтенным, выкладывая мнимые подробности поисков, и морочил ему голову до тех пор, пока бот и шлюпка не подошли вплотную к борту корабля. Тем временем из кают поднялись на палубу младший боцман и корабельный плотник. Капитан и его помощник с обезьяньей ловкостью вскарабкались по трапу, не выпуская оружия из рук, и набросились на них. Ударами прикладов боцман и плотник были сбиты с ног.

Преданные нам моряки, поднявшись на корабль, ринулись вперед, хватая и связывая всех, кто спал на батарейной палубе и на шканцах, а Робин бросился задраивать люки, ведущие в кубрик, где находилась бóльшая часть экипажа.

Одновременно к носовой части корабля бесшумно причалила шлюпка. Ее команда, действуя слаженно и быстро, поднялась на бак и задраила люк, ведущий в камбуз, где находились в это

время трое бунтовщиков, которые, поняв, что происходит, сразу же сдались.

Как только палуба была очищена, капитан велел помощнику прорваться в кормовую надстройку, где заперся самозваный главарь мятежников, которого кто-то уже успел предупредить. С ним было всего двое матросов и юнга, и когда наши люди с помощью лома открыли дверь, самозванец и его сообщники встретили их залпом из ружей. Пуля перебила руку помощнику капитана, еще двое матросов были ранены, но никто не убит.

Несмотря на рану, штурман успел выстрелить и попал в голову главарю, заставив того умолкнуть навсегда. После этого всякое сопротивление прекратилось. Корабль оказался в нашей власти.

По окончании штурма капитан велел дать семь пушечных выстрелов — это был условный знак, который должен был оповестить меня об успехе. Трудно передать, как счастлив я был слышать их, стоя на берегу в напряженном ожидании в течение нескольких часов.

Только после этого я прилег и мгновенно уснул от усталости и пережитых волнений. Спал я крепко, а разбудил меня новый пушечный выстрел. Я тут же вскочил на ноги и услышал, как кто-то

меня зовет: «Господин губернатор! Господин губернатор!»

Это был голос капитана — он стоял на вершине холма, который возвышался над моим убежищем. Не теряя времени, я поднялся к нему, и капитан, заключив меня в объятия и указав на корабль, стоявший у входа в залив, произнес:

— Мой бесценный друг и спаситель! Вот ваш корабль — он принадлежит вам вместе со всем, что на нем есть!

От радости я едва не утратил дар речи. Теперь я знал: избавление наконец-то в наших руках и зависит только от нас. Огромный корабль готов принять меня на борт и доставить туда, куда мне заблагорассудится. От волнения я оперся на руку отважного капитана, чтобы не упасть на землю без чувств.

Заметив мое состояние, капитан извлек из кармана флягу и заставил меня выпить несколько глотков вина, которое он прихватил специально ради такого случая. Живительный напиток привел меня в чувство, но все равно мне пришлось сесть на землю, так как ноги мои ослабели и я еще долго не мог произнести ни слова.

Капитан попытался успокоить меня, но в моей груди бушевал такой вихрь чувств, что в конце

концов я разразился рыданиями и лишь спустя какое-то время вновь обрел способность связно говорить.

Теперь и я, в свою очередь, обнял мужественного моряка. С еще не просохшими на глазах слезами я сказал, что считаю его посланцем небес, ибо такая череда чудес, какие совершились в последние дни, не может быть делом рук человеческих. Подобные события — явное свидетельство того, что вселенной правит невидимая рука Провидения, которая посылает помощь терпящим бедствие в самых отдаленных уголках земли.

И конечно же, я не забыл вознести молитву тому, кто не позволил мне погибнуть на протяжении стольких лет и дал все необходимое, чтобы я выжил в полном одиночестве.

Наконец мы спустились с холма. По пути капитан сказал, что у него в шлюпке небольшой подарок для меня. Позвав матросов, он велел им доставить на берег, что предназначалось губернатору.

Это были поистине царские дары и в таком количестве, будто я не собирался покинуть остров на корабле, а оставался здесь навсегда. Сперва появился погребец с флягами различных креп-

ких и целебных напитков, затем шесть бутылок мадеры, два фунта отменного табака, дюжина больших кусков говяжьей солонины и свиной ветчины, мешок гороха и чуть не сотня фунтов сухарей. За этим последовал ящик сахара, мешок лучшей муки, ящик лимонов и множество других продуктов. Но что было во сто крат для меня дороже провизии — полдюжины совершенно новых рубашек, столько же галстуков и шейных платков, две пары перчаток, башмаки, великолепная шляпа, пара чулок и новехонький камзол с шитьем. Одним словом, капитан одел меня с головы до ног.

Можете сами судить, как дорог был такой подарок для человека в моем положении! Но скажу без утайки: ни на одном из людей приличное платье еще не сидело так скверно, как на мне. Я совершенно отвык от обычной одежды, принятой в цивилизованном обществе, и чувствовал огромное неудобство, надев ее впервые за долгие годы.

Когда подарки были перенесены в мое убежище, мы с капитаном принялись советоваться, как поступить с пленными бунтовщиками, заточенными в гроте. Пребывание их на борту корабля было большим риском — среди них находились двое закоренелых и неисправимых негодяев.

Капитан заметил, что готов пойти на это только при условии, что оба будут закованы в кандалы и немедленно по прибытии в первый же английский порт переданы в руки правосудия.

В свою очередь я сказал, что готов разрешить эту задачу. Я побеседую с мошенниками, и по завершении беседы они будут умолять капитана оставить их на острове. Капитан неописуемо обрадовался, а я, не теряя даром времени, отправил Пятницу с двумя матросами в грот, чтобы они доставили пятерых пленников в мою палатку и охраняли до тех пор, пока я сам туда не прибуду.

Выждав некоторое время, я облачился в новый камзол, в котором выглядел настоящим вельможей, и направился в палатку в сопровождении капитана. Там я велел пленникам представиться и объявил, что мне известны их преступления на корабле, а также намерение заняться пиратством и разбоем. Однако, сказал я, Провидение распорядилось так, что они сами угодили в яму, которую рыли для других. Вот капитан, против которого они подняли бунт, вот корабль, стоящий на рейде, и вскоре они увидят, как их негодяй-предводитель в наказание за измену будет вздернут на рее.

Затем я спросил, есть ли у них оправдание сво-

им поступкам, иначе я буду вынужден казнить их как преступников, схваченных с поличным. Это прямая обязанность губернатора острова.

Один из бунтовщиков, выступив вперед, ответил, что сказать им в свое оправдание нечего и своей вины они не скрывают. Но сдались они капитану с условием, что он сохранит им жизнь, и теперь покорно просят исполнить это обязательство и пощадить их.

— Не знаю, — как бы в задумчивости проговорил я. — Преступления ваши слишком очевидны. Однако долг вынуждает меня в скором времени вместе с моими людьми покинуть остров и отправиться в Англию, а капитан готов взять вас на свое судно лишь в качестве арестантов, закованных в кандалы. И, разумеется, по прибытии в порт передаст вас как бунтовщиков и разбойников в руки властей, а это — прямая дорога на виселицу. Не вижу для вас иного выхода, как остаться на острове. Если вы готовы, не буду вам в этом препятствовать. Трудно обойтись с вами более милосердно.

Такое решение вызвало восторг у пленников, и они немедленно дали свое согласие.

Тем не менее капитан продолжал делать вид, будто колеблется и настаивает на более суровом

наказании. Тогда, напустив на себя суровость, я заявил, что эти пятеро не его, а мои пленники, и уж раз я решил оказать им великую милость, то останусь тверд в принятом решении. В случае если капитана это не устраивает, я готов вернуть им свободу и предоставить ему возможность ловить беглецов по всему острову.

Затем я велел снять с бунтовщиков путы и приказал им отправляться в лес — туда, откуда их привели, добавив, что после нашего отплытия они найдут в моем убежище различные инструменты, запас провизии, а также оружие, порох и свинец, которые позволят им вести на острове вполне сносную жизнь.

Пришла пора готовиться к отплытию. Я попросил капитана позволить мне в последний раз переночевать в моем убежище, а на следующее утро прислать за мной шлюпку. Ему я посоветовал вернуться на корабль, потому что за время мятежа команда позабыла о дисциплине и нуждалась в твердой руке командира.

Глава 46
Старый португальский шкипер

Как только шлюпка с капитаном отчалила, я собрал тех матросов, которые выразили желание остаться на острове, для важного разговора. Прежде всего я намеревался познакомить их с историей моей одинокой жизни и научить, как прожить на острове, не страдая от голода, болезней и других напастей.

Я кратко поведал о том, как попал сюда, показал свои укрепления, объяснил, как выращивать, хранить и выпекать хлеб, как превращать виноградные гроздья в отменный изюм. Затем я показал матросам мое скотоводческое хозяйство и дал советы, как доить и откармливать коз, как сбивать масло и варить сыр. Кроме того, я оставил им мешок гороха и объяснил, где и как посеять его, чтобы получить обильный урожай. Еще я обещал, что добуду у капитана некоторое количество семян овощей, без которых мне было так трудно обходиться.

В их пользование переходили пять ружей и три мушкета, а к ним — около бочонка оставшегося

у меня пороха, который в последний год я почти не расходовал. Из холодного оружия матросам досталось три сабли.

В заключение я рассказал им историю потерпевших кораблекрушение шестнадцати испанцев, оставил для них краткое послание и взял с матросов слово жить с ними в мире, если те приплывут на остров, и держаться заодно.

На следующий день я простился с новыми островитянами и отправился на корабль. Мы хотели немедленно сняться с якоря и поднять паруса, но ветер был неблагоприятный, и мы тронулись в путь только на рассвете следующего дня. Но еще до того, глубокой ночью, двое из пяти оставленных на острове матросов добрались до корабля вплавь и слезно умоляли принять их на борт — пусть даже и под угрозой последующего суда. Они утверждали, что все мои наставления оказались напрасными и трое негодяев намереваются их жестоко убить.

Капитан колебался, но, видя, что оба моряка находятся в последней степени отчаяния и трясутся от страха, взял с них клятву на Библии исправиться и допустил к работе вместе с командой.

Из всего имущества я захватил с собой лишь то, что позже будет напоминать о моем долгом

отшельничестве: островерхую меховую шапку, зонт из козьих шкур и одного из попугаев. Правда, я взял с собой и деньги — те, что нашел среди обломков двух кораблей, моего собственного и испанского. Пролежав долгое время без употребления, монеты потускнели, а серебро покрылось чернью.

Итак, 19 декабря 1686 года я покинул мой остров.

Лишь на корабле мне удалось сверить свои вычисления с календарем: я прожил в полном уединении двадцать восемь лет, два месяца и девятнадцать дней. Наше отплытие состоялось ровно в тот день, когда мне вместе с Ксури удалось бежать от мавров из Сале на баркасе, принадлежавшем моему хозяину.

После продолжительного, но спокойного и приятного плавания я прибыл в Англию. Произошло это 11 июня 1687 года. В общей сложности я не видел родины около тридцати пяти лет.

Я наконец-то был дома, но на родной земле чувствовал себя чужаком. В Лондоне я первым делом отыскал дом той женщины, которая была моей поверенной в делах и верной помощницей. Она была еще жива, хотя за эти годы перенесла множество несчастий, снова овдовела и жила в

крайней бедности. Я постарался помочь ей чем мог и велел не тревожиться по поводу денег, которые когда-то оставил ей на хранение. Мои скудные средства не позволяли сделать много-го, но я поклялся свято хранить память о том, как она была добра ко мне. И все-таки судьба предоставила мне возможность вырвать эту добрую и честную женщину из нищеты, но об этом — позже.

Из Лондона я отправился в графство Йорк, где выяснилось, что моих отца и матери уже нет в живых. Из всех близких у меня остались лишь две сестры и племянники — дети моих покойных братьев. Здесь я не мог найти ни помощи, ни поддержки, а капиталов, которыми я располагал, не хватало на то, чтобы обзавестись домом или землей.

Однако по возвращении в Лондон меня ждала приятная неожиданность. Капитан нашего судна в мое отсутствие ярко описал своим сотовари-щам — мореходам и купцам, ведущим заморскую торговлю, — историю мятежа на корабле и своего счастливого избавления, а заодно и мои приклю-чения на острове. Я был приглашен в Морское собрание, где мне вручили собранную купцами помощь — две сотни фунтов стерлингов.

Оценив свое положение и поразмыслив о том, как устроить дальнейшую жизнь, я решил отправиться в Лиссабон и попытаться разузнать о судьбе моей плантации в Бразилии и моего управляющего-португальца, который наверняка считал меня давно погибшим. Но до Португалии я добрался лишь в апреле следующего года. Во всех этих поездках моим спутником был верный друг Пятница.

В Лиссабоне, после продолжительных поисков и расспросов, мне удалось найти старого друга — шкипера того самого португальского корабля, который некогда подобрал меня и Ксури у берегов Африки. Теперь он состарился и передал командование кораблем сыну, который и сам был уже человеком немолодым. Сын его по-прежнему вел торговлю с Бразилией.

При первой встрече старый шкипер не узнал меня — да и сделать это было непросто, но я назвал свое имя, и память его восстановила мельчайшие подробности давно прошедшего времени. Мы дружески обнялись, и после того, как я поведал ему обо всем, что случилось со мной за эти годы, я спросил, не известно ли ему, как поживает мой управляющий и существует ли еще принадлежащая мне плантация в Бразилии.

На это старик отвечал:

— Вот уже девять лет прошло с тех пор, как я в последний раз побывал в Бразилии, но в ту пору ваш управляющий был еще жив и здоров. Однако адвокат, которого вы назначили присматривать за имением, уже умер. Я, между тем, думаю, что вы имеете полное право затребовать отчет о состоянии вашей плантации, ведь после смерти адвоката надзор за поступлением доходов от нее был передан королевскому интенданту. Несмотря на то что все были уверены в вашей гибели на море, никаких подтверждений этому не было, а наследники не объявлялись, и теперь вы можете получить все свое достояние обратно, за исключением трети годового дохода, то есть суммы, которая все эти годы шла в монастырь Святого Августина для обращения индейцев в христианскую веру.

Я осведомился у старого шкипера, не слышал ли он, какие доходы приносит плантация и стоит ли она тех хлопот, которые потребуются, чтобы вновь вступить во владение.

— Не могу сказать вам точно, сударь. Достоверно мне известно лишь одно: ваш управляющий чрезвычайно разбогател, пользуясь своей долей прибыли. Еще я слышал, что часть вашего

годового дохода, передаваемая монастырю, составляет не меньше двухсот золотых моидоров[8]. А что касается ваших прав на владение, тут не может быть никаких сомнений и хлопот, ведь ваш управляющий жив и может выступить свидетелем. Я полагаю, что в Бразилии вас ждет очень значительная сумма и вы не пожалеете о трудностях путешествия через океан. Но ведь существует и другой способ вернуть себе права владельца и все, что накопилось за эти годы в интендантстве!

Как раз в это время на реке Тахо, протекающей через Лиссабон, стояли суда, готовые к отплытию в Бразилию. Старый шкипер, по-прежнему пользовавшийся среди купцов и мореплавателей большой известностью, попросил одного из друзей-капитанов внести мое имя в судовой реестр и добавил к этому составленную у нотариуса бумагу, где под присягой удостоверял, что я жив и действительно являюсь тем самым человеком, который двадцать девять лет назад заложил плантацию, обработал землю и засадил ее сахарным тростником и табаком. К этой бумаге мы приложили доверенность на имя хорошо знако-

[8] Сноски: 8

Моидор — португальская золотая монета, имевшая хождение в Англии. Равнялась 27 шиллингам.

мого старику бразильского купца и запечатали все гербовой печатью.

Теперь оставалось терпеливо ждать ответа. Старый шкипер предложил мне остановиться в его доме и свободно пользоваться гостеприимством.

Глава 47
Предчувствие

Спустя семь месяцев с кораблем, вернувшимся из Бразилии, пришел толстый пакет с письмами и документами. Среди них был отчет о доходах с моей плантации за все прошедшие годы и письмо управляющего, в котором тот выражал искреннюю радость по поводу того, что я чудесным образом остался жив и избежал множества опасностей. Он приглашал меня лично прибыть в Бразилию и удостовериться, что моя собственность в полном порядке. Далее управляющий описывал, какие изменения и улучшения он ввел на плантации, сколько людей на ней трудится и каким способом обрабатывается земля. В знак сердечной привязанности ко мне к письму были приложены шесть леопардовых шкур, несколько ящиков превосходных сластей и сундук с сотней небольших слитков золота, еще не перечеканенного в монету.

Одновременно королевское интендантство произвело со мной окончательный расчет. С тем же караваном судов прибыли 1200 ящиков

сахара, 800 тюков табака, а остаток суммы — португальской золотой монетой, то есть моидорами.

Трудно описать, как я был потрясен, когда прочел эти письма и ознакомился с бумагами. Мое лицо покрыла смертельная бледность, сердце остановилось, я почувствовал, что вот-вот потеряю сознание; если бы не старый шкипер, без промедления напоивший меня целебным бальзамом, я наверняка умер бы на месте.

В течение нескольких часов после того я не мог и шагу ступить — до того ослабели мои ноги. В конце концов пришлось позвать врача, который, узнав истинную причину моего нездоровья, немедленно пустил мне кровь. Только после этого я почувствовал себя лучше и смог встать.

Причиной моего недомогания было содержание прибывшего из Бразилии пакета. Из бумаг следовало, что я в одно мгновение сделался обладателем состояния в пятьдесят тысяч фунтов стерлингов и владельцем процветающего поместья в Бразилии, приносящего не меньше тысячи фунтов годового дохода. Это так меня поразило, что поначалу я не мог решить, как распорядиться всем этим огромным богатством.

Прежде всего я преподнес старому шкиперу, который оказался верным другом, проявил ко

мне столько сострадания и был так честен и гостеприимен, пятьсот золотых монет и назначил ему пожизненную пенсию в сотню моидоров ежегодно. Кроме того, я просил его взять на себя обязанность следить за товарами, прибывающими на мое имя из Бразилии, и вести все торговые дела.

Только тогда я почувствовал, что исполнил свой долг по отношению к доброму старику.

Затем я принялся размышлять, куда мне направиться и как поступить с поместьем, которое Провидение так неожиданно мне вернуло. Поистине, теперь у меня было больше забот, чем за всю многолетнюю жизнь на острове. Ведь там я был сам по себе и нуждался только в том, что всегда было у меня под рукой, а теперь на меня свалилось огромное бремя ответственности. У меня больше не было пещеры, где я мог бы надежно спрятать свои сокровища, я не знал, куда мне их поместить и кому довериться. Лишь старый шкипер-португалец мог помочь мне разумным советом.

Обстоятельства звали меня в Бразилию, но я не мог туда отправиться, не передав своих богатств в надежные руки и не закончив всех дел.

В первую очередь я поручил одному лисса-

бонскому торговцу написать другому купцу из Лондона, чтобы тот разыскал мою старую приятельницу-вдову, уплатил все ее долги и вручил от моего имени сто фунтов стерлингов. Эта сумма должна была помочь доброй женщине вырваться из когтей бедности. Затем я отправил морем в Йорк по сто фунтов для каждой из моих сестер.

Но главное затруднение, препятствовавшее моему отъезду в Бразилию, так и осталось нерешенным. Я не знал, кому доверить мое состояние, ведь везти его с собой на корабле через океан было бы чистым безумием. После долгих колебаний я все-таки пришел к выводу, что мне следует вернуться в Англию и там найти достойного распорядителя для свалившихся на меня буквально с небес сокровищ.

Однако прежде чем пуститься в дорогу, я посчитал необходимым ответить на присланные мне письма. С горячей благодарностью за прямодушие и честность я написал моему управляющему, отдал распоряжения по управлению имением и сообщил, что не только вскоре прибуду в Бразилию, но и намерен провести там остаток своих дней. К письму я приложил подарки для его жены и дочерей — тонкое сукно, шелковые итальянские ткани, драгоценные брабантские кружева.

Затем я обратился к настоятелю монастыря августинцев с просьбой раздать бедным остатки денег, полученных им в свое время.

В считаные дни я с большой прибылью продал всю партию табака и сахара, прибывшую из Южной Америки.

Внезапно меня охватили сомнения. Я привык к морю, я немало странствовал по свету, но теперь что-то мешало мне вновь подняться на борт корабля. Я колебался и, когда мое имущество уже было погружено на галеон, отправлявшийся в Лондон, неожиданно велел перевезти все обратно на берег и отказался от плавания. Причину объяснить я не мог, но ничто не могло меня заставить выйти в открытое море.

Кто знает, возможно, пережитые несчастья, связанные с кораблекрушением, стали причиной моих тайных опасений. Во всяком случае, они оказались небеспочвенными. Позднее мне довелось узнать, что корабль, на котором я собирался плыть, был захвачен страшной бурей и разбился. Весь экипаж, за исключением троих матросов, погиб.

Так я терзался до тех пор, пока мой старый приятель-португалец не посоветовал мне добраться по суше до Ла-Коруньи и там сесть на каботажное

судно, которое, не удаляясь от берегов, доставит меня во Францию, в Ла-Рошель. Оттуда я могу доехать сухим путем до Кале и пересечь Ла-Манш, плавание через который займет всего один день.

Но я испытывал такое отвращение к морю, что решил не доверяться кораблям, а пересечь всю Португалию, Испанию и Францию и только в Кале погрузиться на судно. Спешить мне было некуда, и я уже заранее предвкушал это путешествие, которое представлялось мне веселым и безопасным.

Тем временем у меня появилась компания — я познакомился с сыном лиссабонского купца, собиравшегося в Англию, с двумя купцами-англичанами и двумя португальскими дворянами, направлявшимися в Париж. Итак, нас стало шестеро, не считая пяти слуг, двое из которых были моими. Кроме Пятницы, мне пришлось взять в услужение матроса-англичанина, так как мой приятель-дикарь еще не вполне освоился с европейским бытом.

Наш маленький отряд был отлично вооружен, а лошади — выше всякой похвалы. Меня единогласно избрали руководителем, так как я оказался старше и опытнее всех, к тому же именно я затеял все это путешествие.

Не стану подробно останавливаться на мелких дорожных происшествиях, но кое-что из того, что приключилось с нами в пути, заслуживает описания.

Прибыв в Мадрид, мы задержались там на некоторое время, чтобы осмотреть достопримечательности испанской столицы и побывать при королевском дворе. Лишь в середине октября мы отправились в дорогу и вскоре услышали тревожные вести, заставившие нас поторопиться. Едва мы достигли Наварры, как появились слухи, что на французской стороне Пиренейских гор выпало столько снега, что многие путешественники были вынуждены вернуться с полпути, не достигнув цели.

Уже в Памплоне мы убедились, что эти слухи справедливы — в тех местах действительно царила настоящая зима. По крайней мере, мне, человеку, который провел большую часть жизни в жарком климате, стужа казалась нестерпимой. А ведь всего десять дней назад мы покинули старую Кастилию, где стоял сухой зной. Ледяной пиренейский ветер резал наши лица, словно ножом, и заставлял наши конечности коченеть. Было чему удивляться!

Мой бедный Пятница, увидев горы, сплошь

покрытые снегами, и впервые в жизни вдохнув морозный воздух, не на шутку перепугался. А когда мы прибыли в Памплону, снег повалил так густо и шел так долго, что местные жители в один голос стали утверждать, что зима в этом году наступила раньше срока. Дороги, и без того разбитые, стали совершенно непроезжими, а сугробы были настолько глубоки, что в некоторых местах лошади увязали по брюхо. Вдобавок снег был рыхлым, и путник в горах ежеминутно рисковал быть заживо погребенным под лавиной.

На протяжении двадцати дней мы оставались в Памплоне, ожидая, что погода переменится. Но надежда угасала с каждым днем — такой жестокой зимы давно уже не бывало в Европе.

Когда наше терпение истощилось, я предложил отправиться на побережье и оттуда отплыть на судне в Бордо, но в тот же день в город прибыли четверо дворян из Франции, переваливших через Пиренеи. Им удалось найти проводника, который провел их такими тропами, где снега почти не было, а если и был, то настолько твердый, что держал лошадей.

Мы послали слуг разыскать этого проводника, и он согласился провести нас обратно через горные перевалы, но предупредил, что нам необходимо

иметь достаточно оружия, так как в эту пору в ущельях и на лесистых склонах разбойничают волки. Снег лишает их возможности охотиться за привычной дичью, и они стаями нападают на проезжих.

В оружии у нашего отряда недостатка не было, да и волков мы не боялись, не считая тех двуногих хищников, которых интересует не дичь, а золото и серебро. Их немало встречается у подножия Пиренеев, в особенности по ту сторону испанской границы. Но проводник уверял, что мы сумеем избежать этой опасности, и, посоветовавшись, мы решили ему довериться.

Тогда же к нам присоединилась еще одна партия путешественников — двенадцать французских дворян со своими слугами. Это были те самые путники, которым пришлось вернуться из-за снежной метели в горах.

Пятнадцатого ноября с проводником во главе мы выступили из Памплоны. Но каково же было мое изумление, когда наш провожатый повел нас не прямиком в горы, а обратно по дороге, ведущей в Мадрид. Мы проехали по ней миль двадцать, переправились через несколько небольших рек и оказались на равнине, где не было ни малейших следов снега. Повсюду зеленели луга, а солнце

припекало, как летом.

И только тогда проводник дал знак свернуть с торной дороги и направиться к горным хребтам, синевшим вдали. Спустя несколько часов перед нами открылись ужасные пропасти и утесы. Дорога была так крута и извилиста, что лошади едва могли удержаться на ногах. Однако снега здесь в самом деле было мало, и лежал он только на больших высотах. С одного из перевалов проводник указал нам куда-то вдаль, и мы увидели, как далеко внизу расстилаются зеленеющие долины Лангедока и Гаскони.

Однако прямой дороги туда не было, и нам предстоял еще немалый путь по горным теснинам. А спустя несколько часов пошел снег, да так густо, что не разобрать дороги под ногами, и нам пришлось остановиться и переждать непогоду. Проводник успокоил нас, сказав, что осталось совсем немного, что мы уже миновали главный перевал и начинаем спускаться на французскую сторону гор.

И действительно, я заметил, что дорога постепенно пошла под уклон.

Незадолго до наступления темноты наш проводник велел нам остановиться, а сам отправился вперед, чтобы разведать тропу. Не успел он

скрыться за поворотом, как из чащи на ближнем склоне выскочила пара волков. Это были крупные и злобные звери; они не колеблясь напали на проводника, и если бы он находился хотя бы в полумиле от нас, то был бы съеден вместе со своей лошадью, прежде чем мы смогли бы оказать ему помощь.

Один из хищников вцепился в горло лошади, а второй бросился на проводника с таким остервенением, что он, вместо того чтобы выхватить из-за пояса пистолет, стал отчаянно кричать, призывая подмогу.

Тогда я велел Пятнице гнать коня во весь опор и выяснить, что там случилось. Мой храбрый дикарь без промедления бросился вперед, а увидев, что происходит на дороге, подскакал к проводнику вплотную и разрядил пистолет прямо в голову волка, атаковавшего всадника.

После того как прогремел выстрел Пятницы, из леса по обе стороны дороги донесся ужасающий волчий вой. Его подхватило эхо в ущельях, и нам показалось, что хищников в этих местах несметное множество.

Скорее всего, так оно и было.

Глава 48
Пятница учит медведя плясать

После того как Пятница уложил одного волка, второй опрометью бросился в лес. К счастью, он не причинил лошади большого вреда — клыки зверя наткнулись на ремни упряжи, раны оказались незначительными, но лошадь была до смерти напугана. Проводник пострадал гораздо сильнее, потому что зверь в двух местах прокусил ему ногу до кости.

Заслышав крики, волчий вой и пистолетный выстрел, весь наш отряд пустился вскачь. Деревья расступились — и мы увидели, от какой беды был спасен наш провожатый. В снегу валялась волчья туша, а окровавленный проводник спешился, и теперь Пятница перевязывал его раны.

Но на этом баталия не закончилась. Шум на дороге разбудил огромного медведя, спавшего в берлоге по соседству, и могучий зверь с рычанием показался из заснеженных кустов. Поначалу мы были испуганы и встревожены, но то, что произошло потом, необычайно нас позабавило. Могу поклясться, что такой охоты на медведя, какую

устроил мой проворный дикарь, еще никому не приходилось видеть.

Медведь — животное тучное и неповоротливое, в особенности зимой, когда он, разжирев, забирается в берлогу и впадает в спячку. Однако в отличие от волков он нападает на людей только в том случае, если его потревожат. Но когда вы, встретившись с медведем в лесу, спокойно обойдете его стороной, он не обратит на вас никакого внимания. Тут главное вежливость: уступайте этому зверю дорогу — и будете целы. И Боже вас сохрани взглянуть этому джентльмену прямо в глаза — он сочтет это оскорблением, не говоря уже о том, чтобы коснуться его шерсти или нанести хотя бы небольшую царапину. Оскорбленный косолапый не успокоится, пока не смоет обиду кровью, и будет преследовать вас днем и ночью до тех пор, пока не настигнет.

С первого взгляда здешний медведь показался мне настоящим чудовищем: он был крупнее всех, которых я когда-либо встречал. Глаза зверя горели яростью, а из пасти вырывался глухой рык.

Из всех членов нашего отряда один Пятница не казался встревоженным. Наоборот, при виде нового противника он выразил живейшую радость и трижды прокричал свое излюбленное

«О!», указывая на зверя. Затем он сказал:

— Хозяин! Вы позволить мне дать этот медведь немножко меня? Я сделать для вас весело!

Его воодушевление меня удивило.

— Ты с ума сошел! — возмутился я. — Он же тебя съест!

— Меня? Съест? — со смехом откликнулся Пятница. — Нет, это я его съест! Вы стоять здесь, а я вам показать весело…

Тут он уселся в сугроб, скинул тяжелые сапоги и мигом переобулся в туфли, которые оказались у него в кармане. Затем передал поводья своей лошади другому слуге и, прихватив ружье, помчался быстрее ветра.

Медведь к этому времени как будто угомонился и бродил между кустами, время от времени поглядывая в нашу сторону. Приблизившись, Пятница окликнул гигантского зверя: «Слушай меня! Я говорить с тобой!», но тот поначалу не обратил на него особого внимания и отступил в лесную тень. Снега здесь было совсем немного, деревья росли редко, и среди них виднелись многочисленные прогалины. Мы наблюдали за происходящим издали.

В следующее мгновение Пятница поднял с земли камень, догнал медведя и ловко метнул тому

в голову. Разумеется, никакого вреда зверю он не причинил, но своего добился: медведь почувствовал себя оскорбленным. Шерсть на его загривке встала дыбом, а из груди вырвалось грозное рычание. Не раздумывая ни секунды, он бросился на Пятницу, да так стремительно, что не всякая скаковая лошадь могла бы угнаться за ним. На ходу медведь переваливался и казался неуклюжим, но продвигался он необыкновенно быстро.

Пятница развернулся и помчался прямо к нам, прыгая на ходу, как заяц. Казалось, он испуган и нуждается в помощи, поэтому мы вскинули ружья, готовясь дать залп по зверю ради спасения легкомысленного дикаря.

Меня взяла досада: ради глупой забавы Пятница навлек на нас гнев могучего зверя.

— Это так ты нас решил развеселить? — крикнул я. — Беги скорее сюда и садись в седло, чтобы мы могли прикончить медведя и не снести заодно твою неразумную голову!

— Не стрелять! Не стрелять! — с хохотом прокричал мой дикарь. — Стоять на место! Вы сейчас увидеть!

Не снижая скорости, Пятница круто свернул и понесся к высокому дубу, который присмотрел заранее. На ходу он махнул нам, чтобы мы сле-

довали за ним, а затем бросил ружье на землю, обхватил ствол дерева и вскарабкался по нему футов на двенадцать.

Тут подоспел и медведь. Первым делом он остановился у брошенного ружья и обнюхал его; затем, потеряв интерес к ружью, бросился к дубу и, несмотря на свой огромный вес и размеры, полез вверх с неожиданной легкостью, цепляясь когтями за кору.

Я только покачал головой, подивившись безрассудству Пятницы. Хоть убей, но в том, что сейчас происходило, я не видел ничего смешного или забавного.

Как только медведь оказался на дереве, мы подъехали поближе. К этому времени Пятница уже добрался до самого конца длинной и толстой ветви, а медведь полз по ней, готовясь его схватить. Как только зверь достиг середины, Пятница закричал, обращаясь к нам:

— Смотрите, смотрите, сейчас я учить медведя плясать!

С этими словами он принялся прыгать и изо всех сил раскачивать ветвь. Медведь, почувствовав, что опора под ним заходила ходуном, остановился и начал озираться. Затем попятился, высматривая, как вернуться обратно, к надежно-

му стволу дуба.

Растерянность и испуг грозного зверя действительно заставили нас рассмеяться от всей души. Но Пятнице и этого было мало. Заметив, что медведь отступает, он прекратил свои прыжки и окликнул его:

— Ну что? Почему не идешь?

Медведь, словно поняв по-английски, продвинулся немного вперед. Пятница подпрыгнул — и зверь замер, обхватив сук всеми четырьмя лапами и зажмурив глаза.

Момент был удобный, и я мог одним выстрелом снять животное с дерева. Крикнув Пятнице, чтобы он не шевелился, я стал прицеливаться.

— О нет, нет! — вскричал мой туземец. — Не надо стрелять! Я совсем близко — и тогда!

Одним словом, эти двое на дереве еще долго забавляли весь наш отряд. Пятница приплясывал и раскачивал сук, а медведь принимал такие смешные позы, что мы покатывались со смеху.

Однако мы все еще не понимали, к чему весь этот спектакль. Поначалу мы думали, что Пятница хочет сбросить зверя с дерева, но вскоре стало ясно, что из этого ничего не выйдет, так как медведь слишком хитер. Он не двигался с места и так ловко цеплялся своими длинными когтями за

сук, что казалось: нет такой силы, которая могла бы его оттуда оторвать.

Наконец Пятница рассеял наше недоумение. Убедившись, что медведь не двигается ни назад, ни вперед, он произнес:

— Очень хорошо! Ты не идти ко мне — я идти к тебе!

С этими словами он добрался до самой тонкой части ветки, повис на ней, и под его тяжестью она опустилась так низко, что Пятница с легкостью спрыгнул на землю. Он тут же бросился к своему ружью, вскинул его и взял зверя на прицел.

— Чего ты ждешь? — спросил я. — Почему не стреляешь?

— Не сейчас, — ответил он. — Я сам!

Потеряв из виду обидчика, медведь стал пятиться, на каждом шагу озираясь, пока не уперся задом в ствол дуба. Потом так же задом он начал медленно и осторожно спускаться, обдирая когтями кору. В ту самую минуту, когда зверь уже коснулся лапой земли, Пятница стремительно шагнул к нему, приставил дуло ружья к медвежьему уху и выстрелил. Зверь рухнул как подкошенный.

Пятница с важностью обернулся к нам, на губах его играла плутовская улыбка.

— Вот так наши бить медведь в моя сторона! — проговорил он.

— Именно так? — переспросил я. — Но ведь у вашего племени нет ружей!

— Нет, — подтвердил он. — Зато есть много-много длинные стрелы.

Вся эта история могла показаться забавной, если бы мы не находились в горной глуши и проводник наш не был тяжело ранен. Мы не знали, где нам придется ночевать, а из глубины леса все чаще доносились волчьи завывания.

Такого адского хора я не слышал с тех давних пор, когда мы с Ксури странствовали на баркасе вдоль африканского побережья.

Начинало темнеть, и нам нужно было продолжать путь. Предстояло проехать еще около семи миль, иначе мы, конечно же, сняли бы с медведя его роскошную шубу, чтобы сохранить ее на память.

Но нам пришлось оставить нашу добычу и пришпорить коней.

Глава 49
Битва с волками

Земля здесь все еще была покрыта снегом, хотя и не таким глубоким, как в горах. Позже мы узнали, что с наступлением ранней зимы хищные звери, терзаемые голодом, покинули свои убежища в горах и спустились на склоны, поросшие лесами, а затем и на равнины, где произвели настоящие опустошения в селениях, истребляя без счета овец, коров и лошадей. Нападали они и на местных жителей.

Нам оставалось миновать еще одно опасное место, о котором предупредил проводник. Именно там чаще всего встречались волки. Это была небольшая, со всех сторон окруженная густым лесом поляна, за которой начиналось длинное и узкое ущелье. Через это ущелье проходила дорога к селению, и именно по ней нам предстояло проехать.

За полчаса до захода солнца мы углубились в лесную чащу, а когда солнце село и деревья расступились, мы оказались на поляне с полмили в окружности. Как раз в эту минуту дорогу перед

нами пересекли пять матерых волков — звери словно спешили куда-то и не обратили на наш отряд ни малейшего внимания.

Проводник, оказавшийся человеком малодушным, побледнел и велел нам держать оружие наготове. Пятерых волков можно не опасаться, но гораздо опаснее, если звери соберутся в большую стаю.

Мы проверили заряды и порох и смотрели во все глаза, однако волки больше не появлялись. Но не успели мы проехать и сотни ярдов по поляне, как увидели в низине мертвую лошадь, загрызенную хищниками. Около дюжины волков вертелось вокруг; животные скалили зубы и рвали остатки лошадиного мяса и шкуры. Судя по всему, лошадь была убита давно, потому что от нее почти уже ничего не осталось.

Мы не стали мешать волчьему пиршеству, а эти звери, как и прежние, не обратили на нас внимания. Пятница хотел было выстрелить, чтобы разогнать волков, но я остановил его, посчитав, что это далеко не последняя встреча с опасными хищниками.

И действительно, мы были еще на середине поляны и на полпути от входа в ущелье, когда из леса слева от нас донесся леденящий душу

волчий вой. А в следующее мгновение нашим глазам предстало ужасное зрелище: до сотни волков надвигались на нас, причем не стаей, а правильными рядами, словно отряд пехоты под командованием опытного офицера.

Я растерялся. Единственное, что мы могли сделать, — это собраться вместе и ощетиниться во все стороны ружейными стволами. Чтобы остановить такую массу хищников, нужно было вести как можно более беглый огонь. Поэтому я велел моим спутникам стрелять не всем сразу, а через одного — на тот случай, если после первого залпа серая лавина продолжит надвигаться на нас. Затем, не тратя времени, те, кто уже разрядил ружья, должны были взяться за пистолеты, которых у каждого было по паре.

При такой тактике мы могли сделать по шесть выстрелов без остановки и успевали перезарядить оружие.

Но все эти предосторожности оказались ни к чему: от первых же залпов волки, напуганные грохотом и вспышками пороха, повернули назад. Четверо из них остались на месте, многие были ранены и истекали кровью, о чем поведали нам следы на снегу.

Волки отступили, но не обратились в бегство.

Внезапно я вспомнил, что даже самые свирепые звери боятся человеческого голоса, и приказал моим спутникам кричать как можно громче. Это подействовало: заслышав наши вопли, волки начали пятиться к опушке леса. Не раздумывая, я велел дать еще один залп вдогонку, который заставил серых разбойников пуститься наутек и рассеяться между деревьями.

Это дало нам время перезарядить ружья, что мы и сделали, продолжая двигаться вперед. Но едва мы забили заряды и заколотили их пыжами, как снова послышался ужасный шум, — но теперь уже на дороге, по которой нам предстояло проехать.

Постепенно смеркалось, а положение наше становилось все хуже и хуже. Мы слышали завывания адских тварей и их злобное рычание. Наконец на дороге появились сразу две стаи волков: одна — прямо перед нами, а вторая, двигаясь прыжками по снегу, заходила нам в тыл.

Таким образом, волки почти окружили нас. Мы пришпорили храпящих от смертельного испуга лошадей, но по скользкой заснеженной тропе они могли двигаться лишь обычной рысью.

Так мы пересекли поляну. Дальше дорога уходила в горловину лесистого ущелья, и там, на

краю леса, мы вновь увидели огромное скопление хищников. Внезапно до моих ушей донесся звук отдаленного ружейного выстрела, а затем мы увидели, как из ущелья в нашу сторону вихрем мчится оседланный конь без всадника, которого преследуют больше дюжины волков. Едва ли конь мог долго выдержать такую бешеную скачку, и в конце концов волки настигли его, опрокинули на снег и принялись рвать на куски еще живьем.

Когда же мы вступили на просеку, откуда вырвался обезумевший конь, перед нами открылось жуткое зрелище. На истоптанном снегу лежали растерзанные трупы двух путников и еще одной лошади. Наверняка выстрел, который мы услышали, был сделан одним из этих людей — рядом с ним валялось разряженное ружье.

Кровавая картина привела нас в ужас, но времени сожалеть о судьбе несчастных путников не оставалось: волки, рассчитывая на новую добычу, окружили нас со всех сторон, а количество их достигло трех сотен!

К счастью, на просеке я заметил груду толстых бревен, срубленных прошлым летом дровосеками и приготовленных к вывозу. Не теряя ни минуты, я повел наш отряд туда, велел всем

спешиться и укрыться за этими бревнами, как за бруствером. Нам удалось расположиться треугольником, так что наши лошади оказались внутри него и под защитой.

Бревна подвернулись нам как нельзя более кстати: полчища зверей с ревом и визгом обрушились на наше укрепление. Их ярость удвоилась при виде лошадей — самой лакомой приманки. Как и раньше, я велел своим людям стрелять поочередно, и их выстрелы были так удачны, что при первом же залпе несколько хищников были убиты наповал. Однако волки не обратили на это внимания и продолжали волна за волной, отталкивая друг друга и бешено рыча, штурмовать наш редут. Похоже, в них вселился сам дьявол!

После второго залпа из всего оружия мы решили, что натиск зверей слабеет, но не тут-то было. Затишье длилось недолго, и обезумевшие звери снова ринулись на нас. Мы дали еще два залпа из пистолетов — теперь перед бревнами валялось не то семнадцать, не то восемнадцать трупов, а еще больше волков было ранено и искалечено, однако серые хищники не отступали.

Пятница сражался, как лев. Тем временем мой второй слуга с невообразимой ловкостью успел перезарядить ружья, после чего я приказал ему

взять пороховницу и насыпать на бревно, отделявшее нас от волков, широкую дорожку пороха. Едва он успел это сделать, как звери снова бросились в атаку. Тогда я спустил курок пистолета у самого бревна, и пороховая дорожка вспыхнула сильным и ярким пламенем.

Те волки, которые уже карабкались по бревну, были буквально изжарены — их я насчитал семь или восемь. Еще десяток мы уложили на месте, а остальные, испуганные огненной вспышкой и выстрелами, наконец-то отступили в темноту.

Я приказал дать последний общий залп из пистолетов, вслед за которым мы в один голос закричали что было сил. Волки побежали, а мы, выскочив из укрытия с саблями наголо, бросились их преследовать, нанося удары направо и налево, не щадя даже подранков. Эта вылазка окончательно сломила боевой дух серой стаи, и она без оглядки кинулась наутек.

В общей сложности на поле битвы лежало около шестидесяти волков, и если бы мы сражались днем, их оказалось бы там гораздо больше. Покинув наш редут, мы отправились дальше: нам оставалось проехать три или четыре мили. Однако и на этом пути мы не раз слышали волчий вой в чащах, а порой во тьме можно было различить

горящие зеленым светом глаза.

Часом позже мы прибыли в деревню, в которой рассчитывали заночевать, и обнаружили, что все ее население на ногах и под ружьем. Как выяснилось, прошлой ночью волки и несколько медведей ворвались сюда и устроили резню в хлевах. Жители были так напуганы, что, оберегая себя и свои семьи, постановили день и ночь нести сторожевую службу и поголовно вооружились.

На следующее утро нашему проводнику стало гораздо хуже. Нога его распухла, раны загноились, он метался в жару. Поэтому нам пришлось подыскать нового провожатого, с которым мы и отправились в Тулузу, где не было никакого снега, волков и прочих малоприятных животных, а погода стояла теплая и мягкая.

Когда в Тулузе мы поведали о наших приключениях местным жителям, нам сообщили, что подобные вещи нередко случаются в дремучих лесах у подножия Пиренеев, в особенности в ту пору, когда выпадает много снега. Наши слушатели поражались, как нам удалось спастись, потому что гибель путников на этой дороге — самая обычная вещь. Если бы не сообразительность и вовремя подвернувшаяся груда бревен, конец наш был бы неминуем.

Сейчас, вспоминая эти события, я понимаю, что еще никогда прежде не испытывал такого страха. Не было в моей жизни худшей минуты, чем та, когда три сотни оскаленных адских пастей устремились на нас во мраке ночи. Я считал себя и своих спутников безвозвратно погибшими и больше ни на что не надеялся.

Скажу по чести: вряд ли когда-нибудь я решусь совершить подобное путешествие, ибо лучше проплыть пять тысяч миль по морю, где каждую неделю бушуют штормы, чем подвергаться опасности быть съеденным дикими зверями в горах.

Заключение

По пути через Францию ничего примечательного со мной не случилось. По крайней мере, ничего такого, о чем бы уже не рассказывали другие путешественники. Из Тулузы мы отправились в Париж, а затем без всяких проволочек прибыли в Кале. Четырнадцатого января я ступил на землю родины, высадившись в Дувре, причем пролив, отделяющий Англию от континента, наше судно пересекло в самое холодное и суровое время года.

В Лондоне я привел в порядок свои дела. Моим главным советником во всех финансовых вопросах стала все та же добрая вдова, которой я безгранично доверял. И еще не раз я имел возможность убедиться в нерушимой верности этой благородной женщины.

Я по-прежнему подумывал о том, чтобы оставить на нее управление всем имуществом, а самому вновь отправиться в Португалию, а оттуда — в Бразилию. Однако, взвесив все, в том числе собственный возраст и состояние здоровья, я принял решение расстаться с плантацией, если на нее найдется покупатель.

С этой целью я написал в Лиссабон моему старому другу шкиперу, а спустя восемь месяцев, когда очередной караван португальских судов вернулся из-за океана, он сообщил мне, что плантацию готовы приобрести двое состоятельных жителей Сан-Паулу. Я дал согласие и по прошествии некоторого времени распростился с моими бразильскими владениями, став богаче еще на несколько тысяч фунтов стерлингов.

Так завершилась важная часть моей жизни, полная превратностей и приключений. И если взглянуть на нее в целом, она может показаться пестрой мозаикой случайностей и ошибок, странной прихотью судьбы. Но никто лучше меня не знает, что во всем, что произошло со мной, был особый смысл и что во многих событиях я вижу руку Провидения. Моя жизнь началась с безумных и нелепых поступков, но близится к завершению гораздо благополучнее, чем можно

было надеяться.

Кое-кто, возможно, подумает, что, разбогатев и поселившись на родине, я изменился и окончательно расстался с тягой к скитальческой жизни. Могу вас заверить, что это не так. Время от времени меня начинает одолевать неудержимое желание снова выйти в море, пересечь океан и сойти на берег затерянного в Карибском море острова, где я провел столько лет. Что могло меня удержать? Семьи я не завел, делами обременен не был, да и никаких обязательств ни перед кем не нес.

В течение долгих семи лет моей приятельницевдове удавалось удерживать меня от пагубной страсти к дальним странствиям. За это время выросли и возмужали мои племянники, дети сестры, которых я взял на свое попечение. Одному из них я дал светское образование и воспитал как дворянина, другой же с ранних лет мечтал о море, и я решил сделать его капитаном.

И наступил день, когда этот молодой человек пригласил меня взойти пассажиром на палубу великолепного корабля, направлявшегося под его командованием в Ост-Индию, и тем самым вовлек в новые приключения.

Но это уже совсем другая история.